

Медведь и журавль

Ацуко Зара

18+

Ацуко Зара

Медведь и журавль

«Автор»

2026

Зара А.

Медведь и журавль / А. Зара — «Автор», 2026

Каэдэ Кумадзава - дерзкая дочь хозяина лесистых гор, рожденная среди суровых законов клана медведей. Мицуру Цурута - гордый наследник утончённого самурайского клана, привыкший к этикету и строгому кодексу бусидо. Их миры не должны были пересечься, но случайная встреча в лесу связывает их судьбы узлом, который невозможно распутать. Чтобы спасти свои семьи и перехитрить смерть, изнеженному лорду и лесной дикарке придется заключить тайный союз против всего мира. Но можно ли доверять тому, чье имя ты с детства привык презирать.

© Зара А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1 Каэдэ	5
2 Мицуру	17
3 Каэдэ	23
4 Мицуру	28
5 Каэдэ	33
6 Мицуру	37
7 Каэдэ	40
8 Мицуру	44
9 Каэдэ	47
10 Мицуру	54
11 Каэдэ	58
12 Мицуру	65
13 Каэдэ	71

Ацуко Зара

Медведь и журавль

1 Каэдэ

*Люди — это замок, люди — это
стена, люди — это ров.
Сострадание — твой союзник,
а вражда — твой злейший враг.
Такеда Сингэн*

Свежий лесной воздух наполнял лёгкие. Здесь, среди кипарисов и кедров, я чувствую себя свободнее. Никаких клановых устоев, традиций и чужих ожиданий. Здесь я могу расслабиться и вдохнуть полной грудью свободу, которая скоро перестанет быть мне доступна хотя бы на час-другой. Завтра обряд совершеннолетия — моги. Я буду считаться взрослой и скоро выйду замуж. Только вот кто мой будущий жених, я не знаю. Да и не хочу знать. Став женщиной, я смогу лишь грезить о вылазках в лесную чащу, о купании в горном ручье. Может быть, мой супруг вообще не из наших мест? Может, он не из моего обожаемого региона Микава? Это ведь только клан Кумадзава может похвастать такими красотами.

Кумадзава — уважаемый клан самураев, проживающий в горных лесах. У нас с детства мужчины и женщины обучаются военному искусству, экономике и прочим скучным вещам, таким как каллиграфия и музыка. Старейшина Тоёмицу постоянно меня ругает. Говорит, мне не хватает смирения, поэтому экономика мне не даётся. Ничего не могу с собой поделывать. Сидеть на одном месте ужасно утомительно. Каллиграфия ещё хуже экономики. Здесь меня уже ругают тётя и мама. Но есть то, что у меня получается лучше всего! И, к большой радости, мне это не надоедает. Тренировки с кусаригамой*. Отец один раз смотрел на мою тренировку и пару раз одобрительно кивнул. «Ах, какая радость, если тебе не придётся использовать кусаригаму на человеке!» — восклицала одна из служанок. Только сразу осеклась и замолчала. Конечно, это радость. Самураи часто говорят о войнах, и я бы присоединилась к ним. Защитила бы клан и честь. Защитила бы всех, но, если я умру? Должно быть, семья будет опечалена.

Раздумывая о войне, я продолжала прогулку по лесу. Хотела собрать лекарственные растения и побыть одна. Лекарственные растения — ещё одна моя страсть. Старая служанка Ацуко рассказывала о травах, способных останавливать кровотечение, о ягодах, о ядовитых грибах, что можно использовать в маленькой дозировке от головной боли и от любой другой. Он красный, с такими маленькими белыми хлопьями на шляпке. Когда молодой, то похож на шар! Всегда нахожу это забавным.

Но сейчас я решила не собирать грибы: до вечера ещё полно времени, они совсем испортятся. Раньше сумерек не хочу возвращаться.

Глубоко вздохнув, я продолжила пробираться вглубь леса. Запах сырого мха становился отчётливее. Рядом должен быть овраг. До него ещё пара поваленных деревьев, затем нужно повернуть направо... А вот и деревья. Стволы поросли густым тёмно-зелёным ковром суги-кокэ*.

Присев на ствол дерева, я стала тыкать пальцем в мягкую подушку. Ой, как было бы славно лечь на него и немного вздремнуть. Точно! Нужно попробовать.

Недолго думая, долго думая я разлеглась вдоль дерева, положив руки под голову. Сложенная кусаригама упёрлась в поясницу, довольно неприятно. Прошипев, приподнялась и выта-

щила из-за пояса оби* оружие и положила на землю. С ней неудобно бродить по лесам просто так, поэтому цепь всегда обматываю вокруг серпа, а лезвие прячу в кожаные ножны, на которых изображён медведь. Иначе лязгающая цепь будет путаться под ногами.

Косодэ слегка пропитала растительная влага. А ствол был таким широким, что у меня и длины рук не хватит его обхватить. А как представляю, каким бы выросло это деревце через много лет, так сразу грустно становится. Но, прижавшись щекой к влажному мху, я забываю о грусти и заливаюсь смехом. Мне даже показалось, что жуки испугались и бросились бежать. Пойдите, мне не показалось!

По щеке торопливо перебирал лапками какой-то жук. Я смахнула его, и он упал на зелёную подушку.

— Что же ты, маленький, на такого большого человека полез? Он ведь и убить может! — цокнув языком и отчитав глупого жука, я помогла ему перевернуться на лапки. Он тут же замер, когда мой огромный, в сравнении с ним, палец бесцеремонно коснулся брюшка. Но, встав как должно, сразу спрятался среди стеблей мха. Его спинка была изумрудного цвета, и, не будь я такая внимательная, то обязательно бы потеряла его из виду и похвалила за способности синоби. А так — увы.

Скоро прелестный незнакомец совсем исчез: то ли упал в траву, то ли заполз под кору. Видимо, синоби он всё-таки хороший.

Откинув голову, подняла глаза к небу. Сквозь верхушки деревьев пробивались лучи солнца, они щекотали лицо, словно тёплые пальцы матери. Мимо проплывали облака, птицы щебетали, цикады стрекотали. После обеда они особенно шумные. Шум леса невероятен. Кажется, прислушиваться к голосам птиц, белок и насекомых могу бесконечно. Так и сейчас. Прикрыв глаза, я старалась дышать как можно тише и как можно лучше прислушивалась. Может, наконец услышу незнакомую трель, хотя и знакомые не надоедают.

К большому сожалению, мой желудок отказывался от такого простого наслаждения и тотчас возмутился. Проголодалась. Постучав пальцами по животу, вспомнила о тыкве-горлянке с водой. Всегда брала её с собой на вылазки. Откупорив бутылку, опустошила всё содержимое. Желудок снова начал ворчать, но скоро стих. Вода заглушила эту беспощадную и всепоглощающую пучину.

Только собиралась отправиться на поиски ягод, вдруг раздался стон.

— Гмх... ох... — затем хриплое бормотание. Звуки доносились со стороны оврага. Совсем рядом.

Замерев, снова затихла, хотела удостовериться, что мне не мерещатся эти звуки.

Стон.

Наконец поспешила на звук, попутно готовясь размотать цепь. Всякое может случиться.

Полог леса поглощал каждый мой шаг. Сердце билось так быстро, что я перестала слышать всё остальное. Кровь бурлила в ушах. Было страшно, но ещё больше было любопытно. Чем ближе я подбиралась к оврагу, тем громче становились звуки. Стоны вперемешку с хлопанием воды и каким-то шорохом. По звукам это раненый зверь. Хотя зверь не бормочет. Может, там всё-таки человек?

В этом месте всегда было очень сыро и темно. Кроны деревьев закрывали весь свет, а нижние ветви казались страшными чудовищами.

Затаившись за деревом, осторожно выглянула. По ту сторону оврага трава была смята, будто кто-то с кем-то боролся. Опуская взгляд ниже, мне становилось боязно, но решилась. Тут же увидела его.

Юношу с измученным лицом, в белых одеждах, волосы были собраны в небольшой пучок на затылке, а остальные распущены. Правда, сейчас его причёска была испорчена, а белые одежды покрыты грязными зелёными пятнами. Видимо, кубарем покатился в овраг.

— Я вижу тебя! — прикрикнул юноша, махнув рукой. — Иди и помоги мне!

Слегка вздрогнув от приказа, я начала спускаться к нему, но, не пройдя и трёх шагов, нахмурилась. Как он смеет отдавать мне приказы? Ну уж нет. Ловко взобравшись к точке «А», я фыркнула и бросила на него взгляд сверху.

— Ты что? Не слышишь? Я ранен! — очередной приказ. На этот раз он шлёпнул рукой по траве, как капризный ребёнок. Грязь тут же брызнула на него, и он скривил лицо от отвращения. Ситуация, должно быть, очень неприятная.

— Действительно ранен. — Я окинула его взглядом со всем пренебрежением, которое могла испытать к таким нахам, прежде чем закатить глаза. Хакама* незнакомца была разодрана на левой ноге, там же сочилась кровь. Тяжёлая рана. Ходить он сам навряд ли сможет. — Ну что же... удачи тебе выбраться! — усмехнувшись, развернулась на пятках и собралась уходить. Хотя, конечно же, нет, лишь преподать этому невоспитанному снобу пару уроков, один из которых — уважительное отношение к девушкам. Сделала маленький шаг вперёд, давая возможность осознать своё поведение.

Со стороны незнакомца раздался громкий раздражённый вздох.

— Ты не можешь меня так бросить! — продолжил настаивать на своём. Я могу поклясться, что его лицо исказилось ещё больше. Он был гордецом, это очевидно. Как и я, как бы ни хотелось этого признавать.

— А вот и могу! Видишь? Я уже это сделала!

Теперь я отошла ещё дальше, так что даже не видела его. На пару секунд он даже перестал издавать какие-то звуки. В этот момент моя совесть начинала грызть меня изнутри. Я впервые видела этого парня, но нести ответственность за его жизнь не хотела. Правда, угрызения совести заканчивались как раз тогда, когда он снова начинал ругаться и сам с собой, и со всем окружающим миром. Может, я жестокая, но в такие моменты мне становилось больше смешно, чем грустно.

— Эй, девчонка! — прокричал он, явно думая, что я уже далеко. — Помоги... — сглотнув, добавил, — пожалуйста...

— Сразу бы так, — я быстро скользнула по траве вниз. Сбоку, в метрах десяти, заметила что-то большое и коричневое. Мгновенно распустила лязгающую цепь на кусаригаме и, твёрдо встав на ноги, приготовилась к встрече с хищником. Убежать у меня навряд ли получилось бы, так хоть попыталась бы выжить в схватке.

— Он мёртв, — заверил раненый, и тут я заметила. В стороне лежал медведь, в туше которого торчал вакидзаси*.

Моё лицо помрачнело. Он сражался с медведем и победил, но всё-таки был ранен. Этот вредина был силен и смел. Снова посмотрев на него, я прищурилась. Теперь становилось всё понятно. Его одежды, отличные боевые навыки и нескончаемая гордость. Член клана Цурута.

Заметив мой подозрительный взгляд и оружие в руке, Цурута поднял одну руку.

— Ты спустилась меня добить? Вот так милосердие!

Он явно умел испытывать терпение других. Должно быть, это в крови Цурута.

— Закрой рот, иначе я уйду, — присев на корточки, осмотрела рану. Кровь была повсюду и продолжала течь. Сосредоточившись на ране, я убрала кусок ткани, пропитанный кровью и грязью. Кость была цела, но медведь серьёзно разодрал кожу, мышцы. Такие раны заживают мучительно долго. Если вообще заживают, и самураи не умирают от заражения крови. В этом грязном овраге не трудно довести себя до крайности. Гангрена — дело серьёзное.

Но если сделать всё правильно...

Звук рвущейся ткани пронёсся над низиной. Цурута уставился на меня испуганными глазами и миготом отвернулся, когда я оторвала лоскут ткани от косодэ, задрав верхнюю юбку. Повезло этому парню, что он отвернулся. Иначе я точно не сдержалась бы и ударила его по лбу.

Когда приподняла его ногу, он дёрнулся и, прикусив губы, на мгновение зажмурился. Больно, но он сдержался от оскорблений.

— Дальше будет больнее, — цокнув языком, я принялась завязывать лоскут над раной. Хоть немного остановлю кровь и выиграю время.

— Вот же... можно нежнее? — его дыхание было тяжёлым, голос — уставшим. Даже вызывал сострадание. Но нежнее не получится.

Окинув взглядом овраг, заметила небольшой пяточок с травой-сердечком — докудами*. Как раз она-то и нужна.

Шлёпая по грязи, направилась к траве. Цурута, очухавшись, попытался встать на ноги, но тут же рухнул обратно.

— Постой! Куда же ты? Я не могу ходить!

Опять он принялся за нытьё. Как и говорили в моём клане: «Цурута — нежные особы». Даже удивляет, как этот дурак смог убить такую зверюгу.

— Молчи и не дёргайся! — от приказного тона юноша насупился, но закрыл рот и стал наблюдать за мной. Его взгляд холодил спину. Хорошо, он не в том состоянии, чтобы драться, иначе обязательно бы попытался свернуть мне шею. В этом нет сомнений. Глаза у него подлые, хоть и похожие на небо.

Проведя рукой по белым четырёхлистным цветам, я решила не церемониться. Рана глубокая, поэтому понадобится большое количество трав. Сорвав их пучками, я поспешила обратно. По пути пара стеблей растерялась, но основная часть цела. Заодно сорвала немного ёмоги*.

— Что это? — поинтересовался дурак, приподнимаясь на локтях.

— Лекарство. Разве может быть иначе? — усмехнувшись, сунула часть ёмоги в рот и принялась жевать. Попутно нащупала камни и принялась растирать между ними листья докудами. Запах сырой рыбы тотчас коснулся парня, и он скривил нос.

— Фу, что это так воняет?

— Ну прости, — сплюнув зелёную кашицу в ладони, добавила, — лекарство розами не пахнет. Идиот.

— Что за... — Цурута оскорблённо задрал подбородок. Очередная попытка этого дурака смотреть на меня сверху. Какая ирония. Но всё-таки он в очередной раз проглотил свою гордость. — Ладно, делай уже что должно...

Даже сейчас умудряется упрямитесь, ну что за болван.

— Тавакэ*, — глядя ему в глаза, я шлёпнула зелёной кашицей по рваной ране. От неожиданности, боли от удара и действия трав он чуть не взвизгнул. Хотя я была бы не против посмотреть, как стирается его напыщенная физиономия.

— Что за девчонка... — прошипел Цурута, стиснув зубы и бросив недовольный взгляд в мою сторону.

— Сейчас я твоя единственная возможность выжить, тавакэ, — усмехнувшись, я тотчас щёлкнула его по носу. Он весь покраснел, не в силах выдержать подобное унижение. Но, откровенно говоря, я не сдержалась. Не хотела его унижить, но что вышло, то вышло. Этому Цурута будет полезно.

Юноша терпеть не мог находиться в таком уязвимом положении, тем более перед девчонкой. Это было понятно по его лицу.

— Чёртова дикарка, — снова шипел он, сжимая длинными пальцами траву. Грязь уже забила у него под ногтями вместе с кровью.

— Как ты вообще здесь оказался? Разве вам, дуракам клана Цурута, не известно, что в лесах одним ходить нельзя? — посмотрев на него и вскинув бровь, я снова отправила в рот докудами.

— Не смей так говорить про мой клан, дикарка. И перестань жевать траву! Она отвратительно пахнет!

— Тогда твоя нога сгниёт. Ты уж выбирай, — я пожала плечами и со всем своим актёрским мастерством стала причмокивать, пережёвывая растения. Запах действительно был той ещё проблемой для таких снобов, но эти травы впитывали в себя яд.

— И к тому же ты тоже здесь одна, — верно заметил он.

— Но я — это другое. Я хотя бы лес знаю, а ты вряд ли выходил из своего поместья. Так что чего ты забыл на территории Кумадзава?

От такого вопроса он нахмурился. Может, он шпион? Хотя чего шпиону, да и такому заметному, делать в лесу? Он явно из знатных особ клана. Такие одни никогда не ходят. Старейшины меня за это постоянно отчитывают. Да и на простого любителя погулять он не особенно и похож. Слишком хорошо одет

— Я гулял с младшим братом и сестрой у границы. На нас напал медведь, и вот я оказался здесь. — Цурута опустил голову. Неужели защищал семью и увел так далеко медведя? Клан Цурута располагается на равнине, вниз по реке. Наши кланы постоянно ведут споры.

Защита семьи... Невольно я кивнула и почувствовала маленькую толику уважения.

— А ты что в лесу делаешь одна? — окинув взглядом мои одежды и волосы, он прищурился. Я уж скорее похожа на одну из служанок, чем на дочь главы клана.

— Собирала травы, — недолго думая, я снова положила кашицу на его рану. Нога чуть дернулась, но ругаться он не стал. Лекарство уменьшало воспаление. Наверное, он всё-таки не сгниет.

Из груди парня раздался тяжёлый гул. Он сглотнул, прикрыв глаза. Явно был обезвожен.

Я постучала по горлянке. Цурута с надеждой уставился на бутылочку, но разочарование мгновенно отразилось на его личике.

— Пуста, нужно добраться до ручья. Никуда не уходи.

— Ха-ха-ха, сейчас же побегу! — безрадостно рассмеявшись, он кивнул на ногу. Я чуть было не шлёпнула себя по лбу, но вместо этого ухмыльнулась и полезла вверх по оврагу.

Ручеёк пробивался не так далеко от оврага, на выступе скалы. Слушая журчанье воды, я всё думала, как меня угораздило оказаться в такой ситуации. Если бы мой клан прознал о помощи одному из Цурута, то немедленно бы наказал меня. А я почему-то не смогла оставить его одного. Может, всё-таки стоило?

Не знаю. Но вина и совесть мучили бы меня постоянно.

Открыв горлянку и присев у ручья, опустила её в воду. Звонкая песнь ручейка была полной противоположностью стонам раненого парня. Вода бежала по камням куда-то вдаль, пока не скрылась под пологом леса. Ручей хоть и маленький, да вот со временем пробил себе путь, сточил камни, размыл землю. Его целеустремленность не может не впечатлять.

Вода набрана, теперь горлянка глухо билась о бедро, когда я наклонилась, чтобы зачерпнуть ладонями прохладной жидкости. Затем, сделав глоток, с рук омыла лицо. Сразу стало легче дышать, свежий ветерок ласкал щеки и играл с волосами, как непоседливый ребенок.

Наконец я собралась возвращаться к Цурута, но со стороны скалы послышался какой-то шорох. Затем стук камней. Кто-то лазал рядом, и мне не очень хотелось в этот раз узнавать, кто это. Потому, подобрав оружие, я рванула к оврагу. Воздух словно обжигал лёгкие, ноги мягко проваливались в травы и мхи.

Я бежала так быстро, что, казалось, побила рекорд местных самураев. А они обычно куда быстрее меня.

Вот, снова скользнув в овраг, встретила взглядом с Цурута. Мне показалось, что его лицо озарила радость, которую он упрямо пытался скрыть. Тем не менее, я, запыхавшись, подошла ближе и подала ему бутылку.

— Ты бежала? — настороженно поинтересовался юноша, беря горлянку. Его пальцы на секунду коснулись моих, но я одернула руку и стала смахивать со лба пот. Хотела воспитанно ему ответить, но в следующий момент передумала. — Торопилась ко мне?

— Вот ещё, — раздражённо закатила глаза и упёрлась руками в колени.

Фух.

Ни медведя позади, ни других зверей. К счастью, погони не было.

Цурута прильнул к горлянке и стал жадно глотать воду. Я даже удивилась, как он не подавился!

— Тебя, наверное, ищут?

— Не знаю... — он опустил глаза на израненную ногу. Должно быть, думал, как ему добраться до дома, ждать ли подмоги? Но если они сюда придут в поисках, то об этом обязательно узнает Кумадзава. Тогда это будет считаться вторжением, а это — лишь бросить огонь в сухое подлесье. Недалеко и до пожара. Здесь и я сникла.

Сев на подъёме оврага и глубоко вздохнув, я провела рукой по шее. Ситуация складывалась неприятная, и, как бы сильно я ни хотела проверить свои боевые навыки, прямого столкновения между кланами хотелось бы избежать. Уверена, что и этот тавакэ тоже бы этого хотел.

Вот же. Не мог бежать с медведем в другую сторону? Или разобраться с ним до того, как пересёк свою бамбуковую рощу? И чего вообще высунулась? Сейчас бы гуляла, собирала травы, ягоды. Я ведь так и не поела. Как я могла забыть?

Цурута замолчал. Больше не дерзил, лишь изредка поглядывал на меня и, как рыба, закрывал рот.

— Вставай, — резко приказала я. — Я помогу тебе вернуться домой.

У юноши брови подпрыгнули от удивления.

— Поможешь?

— Да, сам ты навряд ли дойдешь. А твои товарищи едва ли смогут тебя здесь найти, в наших-то лесах. Мне хотелось бы с какой-то стороны бросить его, но, с другой, если это позволит избежать очередного столкновения кланов, то так тому и быть.

Голубоглазый принялся неуклюже подниматься. Я же в этот момент сложила кусаригаму и спрятала за пояс, за спину. Этот болван едва ли мог добраться самостоятельно. Боль в ноге была очевидна. Он прикусывал губы, напрягал челюсти, стараясь не посрамить себя.

— Держись за меня, — подскочив по грязи, я встала рядом. Он оказался выше меня, гораздо выше. Не повезло, теперь он действительно будет смотреть на меня свысока. Я старалась особо не смотреть на него, но краем глаза все же видела, как неохотно он забрасывает руку на шею.

Для него полагаться на кого-то, кого он назвал «дикаркой», должно быть очень тяжело. Но за неимением лучшего.

Церемониться с ним и быть нежной и ласковой я не собиралась. Моя цель — не допустить войны. Здесь не место прелюдиям. Поэтому я дернула его за руку, чтобы он уже опёрся на меня и не думал о гордости, затем второй рукой подхватила за спину. В ином случае, возможно, я была бы смущена, а если бы он меня так дёрнул, то обязательно бы щёлкнула его по макушке.

Цурута напрягся и покраснел, глаза расширились от явного недоумения.

— Дикарка, — пробубнил он себе под нос, но не оттолкнул.

Мы продвигались по оврагу на юг. Я иногда бродила до границы. Там с каждым шагом кедровый лес плавно переходил в смешанный и в бамбуковый. Но до подобной границы двигаться с ранением тяжело, не говоря уже о том, чтобы дойти до самого поместья.

Скоро молчание стало неловким. Мое дыхание сбивалось от веса этого юноши. Он весил, как мне кажется, целую тонну! Упорно отказывался полностью опираться на меня и иногда наступал на больную ногу. Тотчас кривился от боли и сжимал мое плечо, так что там останется синяк.

— Как тебя зовут, дикарка? — скрипя зубами, прервал тишину Цурута. Я ответила не сразу, даже показательно фыркнула и дернула подбородком. У него появляется дурная привычка — называть меня дикаркой. — Не поверю, что ты глухая.

— Ааа, — проныла я, прежде чем посмотрела на него снизу и щёлкнула по лбу. — Прекрати вести себя как полный кретин.

«Ой», — воскликнул тот, потирая лоб. Хотя я била его не сильно, не сильнее того медведя.

— Каэдэ, меня зовут Каэдэ, — чуть поправив хватку, продолжала тянуть его вперёд.

— Ах, Каэдэ, Каэдэ, — повторил он пару раз, словно пробуя мое имя на языке. Как он меня раздражает. — Нет. Мне не нравится это имя.

— Мне это не интересно.

— Как же так? У твоих родителей совершенно нет вкуса к именам, — несмотря на свою боль, он опустил тон до приторно-сладкого. Можно подумать, он что-то понимает. Воображала.

— Вот как? Так похвастайся своим именем.

Он слегка помялся, продолжая прихрамывать. Вот мы добрались до места, где будет проще вылезти из оврага. Я забежала наверх первой, бросив его вниз. Он насупился и стал прикидывать, как бы безболезненно забраться ко мне.

А имя его мне знать не хотелось. К чему оно мне?

Цурута так долго мялся внизу, что пришлось протянуть ему руку. Второй схватила за растущую рядом лиану. Сотни крохотных шипов вонзились в руку. Жаль, не посмотрела: к сожалению, это оказалась малина.

Тотчас одернула руку и стала тереть ладонь об одежду. Было неприятно, но не больно. Я не пискнула и не заплакала, только прикусила губу. Хотя всё-таки глаза намокли.

— Блохи кусают? — спросил Цурута, стоя на дне оврага со своей глупой ухмылкой на лице. Какой дурак.

— Из-за тебя руку уколола. Сейчас брошу тебя здесь, и будешь ждать следующего медведя!

— Да ладно, ладно... удзэ*. Давай сюда свою руку.

— Только поднимись сюда, и я покажу, кто здесь удзэ, — злясь на избалованного болвана, я натянула рукав на руку и схватила за лиану. Шипы не так сильно кололи.

Наконец-то Цурута схватил меня за руку. На удивление, его рука оказалась не нежной, как бывает, если ничего не делаешь, а наоборот — слегка шероховатая. Должно быть, много тренировался.

Кряхтя и пыхтя, он стал подниматься ко мне.

— Ну ты и тяжёлый, — бубнила я, пытаюсь вытянуть его за собой. Наверное, моя спина и ноги будут ещё неделю болеть. Ноги начинали скользить по сырой почве, и вот, когда он наконец оказался рядом, я поскользнулась. Перед глазами пронеслись верхушки деревьев, облака и солнце. Спинай приземлилась прямо в мох. Головой слегка ударилась о торчащие корни кедра. Вот тогда на мгновение увидела больше чем одно солнце.

Но этим всё не кончилось: я почувствовала тяжесть на своем теле. Цурута не смог устоять на ногах и плюхнулся на меня, выбив из лёгких весь воздух.

Наверное, я умерла. Унизительнее и быть не может.

К счастью, Цурута быстро приподнялся на руках. Я почувствовала облегчение. Он больше не лежит на мне, но он тут же навис надо мной и стал быстро моргать. Его русые волосы спадали мне на шею, щекотали лоб и щеки.

— Эй, ты как? Дикарка, ты живая? — теперь его глаза были испуганными, и он стал шлёпать меня по щекам. Это помогло немного прийти в себя и разозлиться. Как он смел лежать на мне и трогать меня? Забыв о его травме, я резко приподнялась и ударила лбом по подбородку. Он видимо деревянный, потому что боль от удара коснулась и меня.

— А! Дурак! Тавакэ! — ругалась я, потирая ушибленный лоб. Цурута от удара сразу перекатился в сторону, начиная ругаться на меня в ответ.

— Я думал, ты умерла! Дикарка! А ты меня бьешь!

— Ты испытываешь мое терпение! — лоб покраснел от удара, как и его подбородок. Вскочив на ноги и немного пошатываясь, я была полна решимости бросить его здесь. — С меня хватит. Я вообще не должна тебе помогать!

Цурута перестал извиваться и посмотрел на меня так, будто готов схватить за руку. Его грудь быстро поднималась и опускалась.

— Пстой! Я не хотел тебя... обидеть... — юноша впервые за этот долгий день виновато опустил взгляд. Его щеки были румяными, а это раскаяние меня подкупило. Всё-таки я привыкла доводить дело до конца. А этот неженка едва ли протянет здесь.

— Но ты не будешь пререкаться! — поставив руки в боки, посмотрела на него сверху вниз. Цурута кивнул. — И перестанешь называть меня дикаркой! — на это условие Цурута надулся, не желая соглашаться. — Тогда я уйду!

После безоговорочного разворота на север я услышала протяжный вздох.

— Хорошо...

Затем в качестве скрепления договора заурчал его живот. Мой же следом оживился. Видимо, водой от этого голодного зверя не отделаться.

— Сначала перекусим...

— Но что? У меня ничего нет... — Цурута похлопал по бокам, сидя на траве. Действительно, с пустыми руками. У него даже своей горлянки и походной сумки нет. Мою воду он выпил залпом. Идти за ней ещё раз времени нет. Задумавшись, я взглянула на руку, где остались шипы от малины, и рассмеялась.

— Мы в лесу! Здесь полно еды! Но тебе-то, изнеженному птенчику, откуда это знать, — закатив глаза, гордой походкой направилась к той злополучной лиане.

Цурута хлопал глазами, сдерживая очередной язвительный комментарий.

— А вот и еда, — пальцем указала на маленькие пурпурные ягодки. Встав на носочки, сорвала горсточку и протянула ему. — Ешь.

Юноша с опаской заглянул в ладонь и, прищурившись, перевел взгляд на меня.

— Ты первая.

— Значит, сама всё съем, — забросив пару ягод в рот, стала качать головой и мычать от удовольствия. — Мм... как вкусно!

Ягоды были сладкие, с небольшой кислинкой и терпким послевкусием. Из-за дождей, проливших день назад, они стали гораздо кислее, нежели в солнечную погоду. Но мне и такие нравятся, особенно с голоду.

Живот парня снова выдвинул протест, и он сдался. Взяв пару ягод, отправил их в рот. Начал осторожно жевать, но скоро лицо озарилось улыбкой.

— Правда вкусно! А ещё есть? — он тут же окинул взглядом лиану. Она оказалась пуста.

— Пойдем, по дороге ещё найдём. — Снова помогла ему подняться. Он уже был менее напряжён и с нетерпением ждал, пока я найду что-нибудь вкусенькое или доберёмся до его дома.

Скоро лес начал редеть. Голод никуда не пропал. Я и сама бы хотела перекусить, поэтому частенько озиралась по сторонам.

— А это можно есть? — Цурута указал пальцем на невысокий стебель с четырьмя листьями и посередине — крупной черной ягодой. Он даже потянулся за ней, но быстро получил шлепок по руке.

— Не трожь... это цукубанэсо*, ядовитое растение.

— Но выглядит аппетитно... — Цурута разочарованно взглянул на ягоду, будто она его оскорбила и предала. Мне даже стало его жаль.

— А вот это можно, идем туда, — я потянула его к одному из кедров, под пологом которого ковром росли маленькие растения с тройчатыми листьями. Цурута вскинул бровь: должно быть, хотел ягоды, а здесь листья какие-то. Глупый.

Оперевшись на ствол дерева, стал ждать, пока я нарву листочки. Собрав небольшой пучок, половину протянула ему.

— Это катабами*. — Жуя листья, я почувствовала ярко-кислый вкус; Цурута тоже почувствовал и тут же скривил лицо.

— Кислятина! — юноша начал плевать жеваными листьями, за что получил щелчок в лоб.

— А ты чего хотел? Ещё и разбрасывается едой, что за невежда!

— Хватит щёлкать! — возмущаясь, принялся вытирать рот ладонью. Затем начал цокать языком, чувствуя, как его вяжет от этой травы. — Язык вяжет! Эта трава ядовита!

— Что за человек... — глубоко вздохнув, в очередной раз закатила глаза и в этот момент нашла, чем ещё накормить этого воображалу. Хитро ухмыльнувшись, стала смотреть, как достать следующую порцию лесного перекуса.

— Мне не нравится, как ты ухмыляешься! Я же говорил... ты меня отравила!

Пока он кричал, я стала бродить вокруг дерева. Лазать по кедру никакого желания не было. Я и так уже умаялась. Наконец хлопнула в ладоши и при прыжке оказалась рядом с парнем. Забросила его руку себе на шею, а он начал сопротивляться, но, наступив на больную ногу, резко замолчал.

— Постой в сторонке, я ещё одну вкуснятину нашла!

— Конечно, ты одной... уже накормыла видыш... я говорить не могу... — Цурута высунул язык, демонстрируя, как же ему плохо от трав.

— Не преувеличивай, ещё никто от катабами не умирал! — отмахнувшись, я усмехнулась и оставила его подальше от кедра. Затем достала кусаригаму из-за пояса.

— Ты чего? Всё-таки решила меня убить? — теперь он отшатнулся и спиной припал к соседнему дереву. — Знай, я тебе покоя не дам! Каждый день приходиться буду!

— О нет, избавь меня от этой муки! Всё-таки неприлично парню ходить к девушке до брака!

— Что? — он снова весь покраснел и отвернул голову. Хоть замолчал и не обвинял меня в отравлении. Мне кажется, у меня скоро начнет болеть голова. Придется пожевать траву, чтобы избавиться от боли. Что за морока с этим птенчиком.

Разматывая цепи кусаригамы, стала прикидывать расстояние до цели. Цепи гремели, спадая на землю.

Цель — молодая хвоя кедра.

Потихоньку начала раскручивать по кругу серп. Он пронзал ветер, издавая тихий скрип. Ноги на ширине плеч, и — бросок. Серп взмыл в воздух, срезая ветку, которая была чуть выше той, что мне нужна. Возможно, я перехвалила себя, говоря о прекрасных навыках управления кусаригамой.

Ветка упала под дерево, а я, ворча, пошла к ней. И мой провал видел Цурута. Очередное унижение, но ничего. Сделаю вид, что так и планировала. Точно. Как я сразу не догадалась.

Присев на корточки у ветки, стала осматривать её: может, всё-таки окажется на ней хоть что-нибудь полезное. И — о, как же мне повезло! Я даже пискнула от радости.

Шишка! На этой ветке оказалась шишка! Очевидно, я так и задумывала.

Здрав шишку к небу, как нечто драгоценное, я с гордостью повернулась к Цурута. Возле того дерева, где я его оставила, было пусто. Может, его медведь утащил? Он ведь их любимец.

Собрав цепи от кусаригамы и прижав всё к груди, поспешила к точке, где оставила этого дурака. Затем заглянула за дерево и увидела, как он упорно старается ковылять. Далеко он, разумеется, не ушел. Интересно, от кого это?

Тут же посмотрела по сторонам. Хищников не было. Какой всё-таки он странный.

— Эй, — я присоединилась к нему. Признаться честно, смотрела как на дурака. Как только он меня услышал, так снова отшатнулся и упал на больную ногу. На этот раз раздался пронзительный крик.

— Совсем с ума сошла!

Я нахмурилась. Значит, добываю ему еду, а он ещё ругает меня? В ответ я бросила шишку прямо в его лицо; хотела в лоб, но промазала, и он снова завопил.

— Ты решила выбить мне глаз шишкой? Умно, дикарка, очень умно! Ослепить меня перед гибелью!

— Какой ещё гибелью! Если ты будешь в грязи валяться, то тогда понятно!

— Ты хочешь убить меня! — продолжал Цурута. Один глаз, куда я попала шишкой, слезился, и он закрыл его рукой. Его слова на секунду вывели меня из равновесия. Убить его? Да я его только и делаю, что спасаю!

— Так стала бы я тебя с оврага вытаскивать?!

Цурута задумался, не спуская с меня здоровый глаз. В его голове начало что-то шуршать и собираться в кучу. Наверное, понял, что я права, а он дурак. Конечно же, и я замолчала, но наблюдать за его раздумьями невероятно забавно. Он хмурился, дулся и отводил от меня взгляд, затем возвращал, снова хмурился.

— Твоя правда... — Цурута убрал прядь волос за ухо, но всячески отказывался смотреть на меня. Но признания моей правоты достаточно. Думаю, он точно умрёт, если ещё и извинится. Не стану его так мучить.

Сбросив кусаригаму рядом, подошла к нему с пустыми руками и села на корточки. Он проследил за оружием и за мной.

— У меня больше нет оружия, — заверила я, похлопав себя по бокам. Только горлянка стучала по бедру, и ничего больше. Теперь он выдохнул и убрал руку с глаза. Кое-как сдержала усмешку, ведь его глаз заплыл и покраснел. Шишка оказалась роковой. Придётся её за это наказать.

Сев поудобнее и притянув грузик кусаригамы к себе, принялась разбивать шишку, чтобы достать из неё орехи. Чешуйки разлетались в разные стороны.

— У тебя хорошо выходит... — Цурута неловко поправил рукав. Видимо, делать комплименты для него непривычно.

— Бить по шишке? — усмехнувшись, вышлупала несколько орешков и протянула ему. На этот раз он съел их без сомнения и кивнул, наверное, в знак благодарности.

— И шишкой тоже, — он указал на свой заплывший глаз и тоже хихикнул.

Следующий орех съела сама. Он был сладким и маслянистым. Очень жаль, что их, как и ягод, не так много.

Лакомство скоро закончилось. Голод окончательно это не утолило, но немного заглушило.

Дальше путь был спокойным. Я привыкла к его постоянным вздохам, уже даже не раздражалась.

Кедры и кипарисы остались позади. Рельеф менялся. На равнине были совсем иные ощущения. Если в кедровом лесу и за километр не видно, что происходит, то здесь можно глядеть вдаль и без лазанья по скалам. Вот такая граница и территория клана Цурута. Просторная, лёгкая и светлая. Да, солнце здесь деревьями не закрывалось.

— Мицуру...

Я вскинула бровь, не понимая, о чём он говорит.

— Это моё имя...

Значит, этого дурака зовут Мицуру. Невольно я отметила, что имя Мицуру ему очень подходит. Такой же утончённый и мягкий, как и его имя.

Я с интересом разглядывала бескрайний простор, пока мы не попали в небольшую бамбуковую рощу. Стебли бамбука стучали друг о друга от малейшего дуновения ветерка. Стук отлично маскировал наши шаги.

Не успела я сказать, как здесь красиво, как почувствовала чью-то стальную хватку на шее. Затем меня отбросило в сторону. Не успела закрыться руками и ударилась о бамбуковые стебли.

Мицуру чуть не упал, но его подхватил один из синоби в темно-серых одеждах синоби-сёдзоку*. Меня охватила паника. Это синоби клана Цурута.

Мгновенно я попыталась достать кусаригаму и использовать в ближнем бою, но почувствовала леденящее кровь лезвие у самой шеи. Я боялась даже сглотнуть. Пара телохранителей направили на меня сикомидзуэ, что обычно скрывались в бамбуковых посохах.

— Брось оружие, девчонка, — низкий голос старшего синоби, прикрывающего Мицуру, прогремел как гром. Они считают меня угрозой. Я хотела избежать войны, но, видно, только всё испортила.

Крепче сжав оружие, чувствовала себя загнанным зверем. Может, это был их план? Выманить дочь главы клана Кумадзава? Взять в заложницы?

Нет. Живой я не дамся.

Мои глаза бегали из стороны в сторону. Против наученных убивать ниндзя у меня мало шансов.

Простите, Кумадзава. Я действительно безнадёжна.

Лезвие сильнее впилося в кожу. Из-за пореза капелька крови капнула на косодэ. Они не убивали — пока нет. Лишь демонстрировали своё превосходство.

— Исикава, — заговорил предатель. Так и знала, что его нужно было оставить умирать. Я оскалилась, услышав его голос. Синоби взглянул на него. — Она спасла мне жизнь. Оставьте её.

— Господин... — мужчина нахмурился, но всё-таки поднял руку, и остальные ниндзя опустили оружие.

Моё сердце обещало выпрыгнуть из груди. Я даже не понимала, что задержала дыхание.

— Я обязан ей жизнью, — продолжил Мицуру. Сейчас он держал осанку и вёл себя воспитанно и не капризно, а я хотела поскорее вернуться домой или хотя бы на территорию клана. Напряжение и недоверие чувствовались даже после защиты Мицуру.

Он кивнул синоби, и те отступили на пару шагов, скрываясь за бамбуком.

— Ты не останешься? Скоро стемнеет... — Мицуру покраснел, опираясь на бамбук. Какой любезный. Видимо, чувствует вину. Но оставаться у них ни в коем случае нельзя. Даже если на улице стемнеет. Я должна вернуться домой, в семью.

— Мне нужно идти... — только сейчас озираясь по сторонам, я заметила, как трясутся руки, как подводят от страха ноги. Не дожидаясь, пока они передумают и убьют меня, побежала прочь, мимо бамбука.

По спине пробежал холодок. Чувствовала несколько пар глаз. Должно быть, синоби следят за мной. Что если они отправятся в погоню, чтобы закончить начатое?

Я заметно прибавила темп. Мышцы горели, дыхание сбивалось. Не думала об удобстве болтающейся цепи. Просто бежала без остановки. Перепрыгивала поваленные деревья, цепляясь за ветки волосами, сжимала челюсти. Казалось, что это хватают за волосы синоби.

В лесу было совсем темно. Я бежала не задумываясь. Иногда замирала и, затаив дыхание, прислушивалась. Теперь звуки леса сводили меня с ума. Мерещились чьи-то шаги, голоса.

Не помню, как я пересекла овраг. Помню только, как перепугалась мёртвого медведя с вакидзаси в плоти. В панике чуть не ударила его серпом.

Если я добежала до этой точки, то до поместья осталось совсем ничего. Удивительно, что синоби не перерезали мне до сих пор горло!

И вот, задыхаясь от бега, я упала, а подняв глаза, выдохнула с облегчением. Поместье. Наконец-то я дома.

2 Мицуру

Боль в ноге была невыносима. Каждый шаг был для меня испытанием, каждый взгляд Дикарки — ударом по моей гордости. Молюсь на то, чтобы скорее попасть в руки настоящего лекаря.

Я не хотел полагаться на незнакомку, тем более такую дерзкую и не уважающую мой статус и происхождение. Тем не менее выбора не было. Без неё я бы, наверное, и не прошёл столько. К тому времени, как меня бы нашли синоби клана Цурута, я бы умер от потери крови. Возможно, вскоре я умру от гангрены, но это случится позже. А пока я ковыляю до поместья, опираясь на мелкую занозу.

Иногда я слышу, как она ворчит себе под нос что-то о том, какой я тяжёлый. Пару раз называла дураком. Знай я, что за мной идут, никогда бы не потерпел такое. Ох уж это воспитание: шлёпнуть бы её по затылку, чтоб знала своё место.

Наконец хвойные лапы перестали скрывать нас от солнца. Как же я рад выбраться из тени.

Краем глаза посматривая на девчонку, я заметил, как у неё открывался рот. Она смотрела в разные стороны, словно пытаясь запечатлеть виды в уголках своего маленького мозга. Хотя, судя по её смекалке, он не маленький. Надеюсь, она не узнает мои мысли, иначе снова щёлкнет по лбу.

Наблюдая за ней, я старался сильно не облакачиваться — видел, как ей тяжело. И видел то, от чего почувствовал, как сердце начинает быстрее стучать. Дело было в её наивной радости природной красоте.

Наверное, я схожу с ума от боли, и сердце меня не слушает.

Даже гордость брала, что мой клан живёт в таком замечательном месте. Ещё бы, Дикарка кроме своего леса, наверное, ничего не видела.

Вдруг меня озарило. Я ведь даже не представился. Может, она вела себя так неуважительно потому, что не поняла, кто перед ней? Хотя, глядя на меня, сложно не понять.

— Мицуру... — робко проговорил я, неуверенный, что ей это интересно. Хотя, постойте, почему я должен робеть?

Взглянув на её поднятую с укоризной бровь, я понял: она ничего не соображает.

— Это моё имя, — уже твёрже добавил я, а она даже не ответила. Только посмотрела на меня с прищуром. Наверяд ли это она так выражала симпатию.

Наконец-то послышался знакомый шум бамбуковой рощи. Дом, родимый дом.

Я чуть прибавил темп. Хотел скорее увидеть брата и сестру: должно быть, они с ума сходят.

Мысленно я погрузился в шёлковые простыни, снял с себя грязное, порванное косодэ. Выслушал нравоучения о глупости, безответственности и, может, даже о незрелости как старшего брата. Но с этим я справлюсь как-нибудь. Всегда справлялся.

Снова заметил светящиеся глаза Дикарки. В этот раз она явно восхищалась бамбуком. Он так интересно рос, что спрятаться в роще не составит большого труда, точно так же, как и потеряться.

Видел, как она хотела что-то сказать, и я даже слегка улыбнулся. Но в следующий момент её, как тряпичную куклу, толкнули в сторону. Потеряв опору, я чуть не упал, но меня за плечи обхватили сильные руки.

Исикава. Преданный синоби клана Цурута. Мастер убийств и допросов. Должно быть, узнав о пропаже наследника, глава клана отправил его на поиски. От Исикавы никто не уходит живым. И сейчас он решительно был настроен против Дикарки. Должно быть, увидел в ней угрозу. Хотя, судя по оружию за спиной, это неудивительно.

Тем не менее, увидев, как её, вредину, но всё же спасительницу, швырнули, я растерялся.

Каэдэ достала оружие, словно отважная воительница. Только не это. Исикава точно убьёт эту дурёху.

Я стиснул зубы, пытаюсь совладать со вспышкой паники.

— Брось оружие, девчонка, — твёрдый голос Исикавы не оставлял места сопротивлению. Он управлял многими синоби, был уважаем, страшен.

Сердце сжалось, когда на свету сверкнуло лезвие сикомидзуэ. В тот же момент синоби приложил лезвие к шее девушки.

Горло сковал страх. Зная её всего день, я был уверен: она не опустит оружие и не позволит им просто так её убить. Смерти её я не хочу. Нет. Я должен помочь.

Взгляд пересёкся с Каэдэ. Она напугана, глаза бегают в поисках спасения.

Дыхание перехватило от чувства вины и стыда. Она рисковала ради незнакомого ей человека, который смеялся над ней, язвил, и теперь ей угрожают. А сейчас на её коже выступила кровь.

— Исикава, — я попытался сделать шаг к ней, не спуская глаз. Нога снова дала о себе знать. — Она спасла мне жизнь. Оставьте её.

Исикава взглянул на меня, слегка оторопев, но затем кивнул.

— Господин... — мужчина поднял руку, безмолвно отдавая приказ. Его люди понимали своего командира одним лишь взглядом. И, к счастью, они опустили оружие.

— Я обязан ей жизнью... — с уверенностью заявил я, чтобы все слышали. Никто не должен ей навредить.

Кивнув, я попросил оставить нас наедине. Знаю, свою вину и нерешимость мне не удастся так легко загладить. От этого было тошно. Живот скрутило. Невозможно было думать о чем-либо ещё, кроме её напуганных глаз, недоверия и ещё большего разочарования.

Долг. Я должен отплатить ей за её доброту и заботу, хоть и немного своеобразную.

— Ты не останешься? Скоро стемнеет... — Исикава больше меня не держал, и я опёрся на бамбук. Я чувствовал жар на щеках, смотреть в глаза больше не мог и оттого отвёл взгляд в сторону.

— Мне нужно идти... — дрожащим голосом ответила девушка и бросилась бежать. Я протянул руку, желая её остановить: всё-таки в лесу ночью куда опаснее.

— Исикава! — окликнул я синоби. Они не должны были уйти далеко. Мужчина вышел из-за стеблей бамбука, словно тень. — Сопроводите её, оставаясь в тени.

— Как скажете, — Исикава кивнул и скрылся. Уже через мгновение я увидел, как несколько лазутчиков последовали за Каэдэ.

Я был настолько измотан, что больше не мог о чем-либо думать. Пока мне помогали добраться до поместья, видел, как суетятся слуги, как был отдан приказ найти лекаря.

Каждый встречный смотрел на меня как на какого-то оборванца. Родители будут не в восторге, увидев меня всего испачканного в грязи и крови. Это косодэ уже не спасти, только если сжечь, чтобы и смотреть на него не пришлось. Не вспоминать этот ужасный день.

— Мицуру, Мицуру! — от раздумий меня отвлёк девичий голос. Аои, моя младшая сестра. Нежная, как весенний цветок, и хрупкая, как снежинка. При взгляде на неё моё сердце наполнилось теплотой. Вот ради чего я в это влез. Ради неё и Хаятэ — моего младшего брата. Тот ещё прохвост.

Девочка бросилась мне на шею, как только мы прошли кабукимон — ворота поместья, сделанные из кипариса. Даже при большой любви к ней, я бы хотел сейчас избежать ласк. Моё лицо отобразило мои мысли.

— Ой, прости, тебе, наверное, очень больно! — на её глазах выступили слёзы, а нижняя губа задрожала. Она отпустила меня, и я услышал тяжёлый вздох Исикавы, что вёл меня под руку.

— Ему нужно показаться лекарю.

Аои смахнула своей маленькой ладонью слезу и, натянув улыбку, кивнула. Тотчас отпустила меня, и я выдохнул.

Я был удивлён, что Хаятэ не выбежал ко мне, как только поднялся переполох. Обычно он сам — источник переполоха, властитель хаоса.

— Где Хаятэ? — с беспокойством в голосе спросил я, снова окидывая взглядом поместье.

— Он собирал свой отряд для твоих поисков... — Аои начала шептать, будто боясь, что кто-то услышит.

Отряд для поиска? Хаятэ ещё совсем ребенок, если он пошел меня искать, то он в большой опасности.

Я напрягся.

— Где он?

— Не беспокойся, — Аои обняла меня, но этого недостаточно. Я должен получить ответы.

— Где мой брат? — приподняв подбородок сестры и заглянув в глаза, я потребовал ответы.

Девочка ещё больше заплакала и уткнулась мне в живот лицом. Тогда заговорил Исикава.

— Вашего брата поймали синоби. Он собрал отряд из дворовых мальчишек и вооружил их бамбуковыми палками. Наши люди перехватили их у ворот. Пытались бежать, прокопав лаз.

Хаятэ. Как это на него похоже. Как старший брат, я обязательно должен буду отчитать его за безрассудство, но все же он поступил как настоящий мужчина. Я не могу на него за это злиться.

— Я могу его увидеть?

— Он наказан, — пробубнила Аои, зарывшись в моей одежде. Грязь её несколько не пугала. А я, почувствовав себя дома, погладил её по волосам. — Стоит на коленях на досках в тренировочном зале. Он говорит, что не расстроен, но я слышала, как он плакал.

Из поместья выглянула служанка и, не глядя на меня, поклонилась.

— Лекарь прибыл.

Скоро я оказался в своих покоях. Как же я скучал по соловьиным полам коридоров, раздвижным дверям с бумагой васи, по этому приглушенному свету, сладковатому запаху рисовой соломы.

Слуги помогли мне снять пропахшие мхом и болотами одежды. Я противиться не стал, но когда слуги внесли ведро и тряпку, тут же нахмурился.

— Я могу помыться сам, — отвел взгляд, позволяя собрать длинные волосы слуге. Сегодня терпел достаточно унижений, поэтому от ещё одного мне бы хотелось воздержаться.

А вообще, не стану мыться. Ничего не произойдёт, если один день побуду таким. Я устал. Валюсь с ног, а мне её, между прочим, лекарь так и не посмотрел. Где он ходит?

Раздраженный и уставший, преодолевая боль, лег на футон и глубоко вздохнул. Наконец-то я дома. Пока ещё даже живой.

Не успел вздремнуть, как фусума* раздвинулась и, торопливо перебирая ножками, зашёл лекарь. Лекарем был низенький старичок с бородой, собранной в косу, на макушке зальсина, а на затылке маленький хвостик.

— Господин, я пришел осмотреть вашу ногу, — старичок кивнул, прижимая к себе свой лекарский деревянный ящик.

Наконец-то он пришёл. Я уже думал, что и не дождусь.

Но отчитывать его за столь несвоевременное появление не стал, а то может, он специально меня отравит, как та Дикарка-Каэдэ кислой травой. Лекарь же, окинув засохшую рану взглядом, покачал головой. Кровь уже давно запеклась вперемешку с зелёной кашей растений. От этого вида к горлу подступила тошнота.

— Ну что там? Гангрена?

Лекарь выглядел задумчивым. Достав небольшой нож, он осторожно начал счищать травы.

Снова эта адская боль. Я прикусил губу так, что на языке оказался вкус металла. А позже в нос ударил запах рыбы. Наверное, так пахнет гангрена?

— Кто вам нанес травы? — спросил старик, начиная промывать рану.

— Дикарка... лесная Дикарка.

Перед глазами стояла её ухмылка. Эта девочка, наверное, всё-таки меня отравила, а я-то думал, что она меня спасла.

— Тогда вам повезло её встретить. Травы впитали в себя яды и остановили воспаление, — кивая головой, он почесал бороду, а я замер, хлопая глазами.

— То есть всё будет хорошо? — я даже не смог сдержать глупую улыбку.

— Рано говорить, но да. Я сейчас наложу повязку со специальной мазью.

Обнадёживающе. Этот лекарь умеет успокоить. Всё-таки я сумел немного расслабиться, но продолжал с интересом следить, как старичок полез в ящик.

В ящике, я видел, было много разных глиняных баночек разных форм: пузатые или в виде коробочки. Там же свёрток сушеных трав в вошеной бумаге. Среди них я узнал листья в форме сердечка — такие срывала Дикарка. Жутко пахучие.

Гремя баночками, он вытащил маленький бамбуковый тубус с аккуратной деревянной крышкой.

Я в ожидании поерзал и чуть подвинул к нему ногу.

Дряблыми пальцами старик зачерпнул фиолетовую пахучую, неприятную со всех сторон мазь. Нахмурившись и закрыв ладонью нос, я отвернулся.

— Что это за мазь?

— Это, господин, мазь сиунко* на основе свиного жира, воска и корней марусаки*. Она вмиг излечит вашу рану.

— Хорошо...

Холодная субстанция коснулась рваных краев, и я снова дернулся. Руками сжал край футона. От резкой боли даже забыл, как дышать.

Лекарь же никак не отреагировал на мои страдания. Нанеся лекарство, принялся за повязку. Его ручки, хоть и выглядят слабыми, все равно ловкие. Ужасная картина скоро оказалась прикрыта тканью.

— Спасибо... — вдруг, неожиданно для самого себя, тихо сказал я. Уши тут же загорелись, а старичок улыбнулся.

Глупый старик. Улыбается ещё чему-то. Но мне так не хочется о чём-то думать, что снова возвращаюсь на футон. Как только волосы рассыпались в разные стороны, а затылком почувствовал мягкость, я сразу погрузился в сон.

В нос ударил запах свежей травы, бамбука, в ушах звенел знакомый детский смех. Хаятэ. Он бегал по равнине, хихикая над мелочами. То увидел порхающую бабочку, то парящую в небе хищную птицу. Но действительно весело ему стало позже.

Аои еле поспевала на своих коротких ножках за ним с криками.

— Хаятэ, нам нельзя так далеко ходить без присмотра! Давай вернёмся!

Брат только больше дразнил её и бежал к кедровому лесу, на возвышенность. Территория клана Кумадзава. Запрещённая для светских прогулок местность. Табу.

Я видел, как Хаятэ прячется за деревом, потирая ладони и готовясь напугать сестрёнку. Но она долго не шла. Она побежала домой.

Тогда я решил поупражняться с вакидзаси. Снял её с катанакакэ — подставки для мечей. Катанакакэ стоит по левую руку от изголовья матраса. Так удобнее в случае опасности выхватить оружие.

Упражнялся обычно у бамбуковой рощи до тех пор, пока не устану или не захочу есть и заниматься каллиграфией. Обычно это происходит спустя два-три часа.

Сейчас снова тренировался в привычном месте. Синоби здесь редко появляются, лишь в экстренных случаях: например, пропажа высокопоставленных членов клана, побег кого-то из слуг.

От тренировки меня оторвал плач Аои.

— Братик! — кричала она, протягивая руки и направляясь со всех ног ко мне. — Хаятэ убежал в горы!

— Куда? — я вскинул бровь, уверенный в ошибке. Хаятэ ведь знал о табу.

— Да, в горы. А я не убежала, нам же нельзя туда ходить.

Тогда я нарушил злополучную границу. Сейчас, видя это, мне становилось холодно. Так, что даже трясло, а на лбу выступил холодный пот.

Но во сне я искал Хаятэ, того, который уже безрадостно сидел под деревом, всё ожидая Аои. Я видел, как он выловил паука: должно быть, собирался бросить за шиворот девочке или позже подбросить на кухню. Он так часто делал.

Аои, не смотря на мои уговоры остаться дома, следовала за мной, словно хвост. Она утверждала, что если она идёт на территорию враждующего клана со старшим братом, то это не считается нарушением правил.

Становилось труднее дышать. Горы не были высокими, но что-то всё равно давило на мою грудь.

Солнце над равниной оказалось скрыто тучами, мох на кедрах светился.

На этот раз я услышал пронзительный крик Хаятэ.

— Хаятэ! — начал звать брата снова и снова. — Хаятэ!

Но в ответ раздался лишь медвежий рёв. В следующий момент перед глазами стояла ужасная картина. Медведь рвал мощной челюстью тело моего младшего брата. Кровь была повсюду. У моих ног валялась пара погрызенных варадзи*, таких, какие носил Хаятэ.

В горле ком. Я хотел закричать, разорвать хищника в клочья, но голоса не было.

Бросив оружие, я с голыми руками бросился на медведя, дёргая его и пытаюсь оттащить от брата.

— Мицуру! Мицуру! Прекрати! — снова чей-то голос. Это был голос Хаятэ. Я стал озираться по сторонам и на мгновение увидел Дикарку, что, нагло ухмыляясь, щёлкнула меня по лбу. Я зажмурился, а когда открыл глаза, увидел Хаятэ.

Оказывается, я тряс брата за плечи, он сидел на мне, как на троне, и глядел испуганными, мокрыми от слёз глазами.

Мое горло пересохло, тело до сих пор трясло, ещё и из-за веса брата дышать было трудно. Но, несмотря на все неудобства, я был рад его увидеть.

— Тавакэ, — хрипя от лихорадки и усталости, я обнял брата. Тот пытался сопротивляться, вырваться, но все же сдался, прижавшись розовой щекой к моей груди.

— Я хотел сказать... — начал Хаятэ, чуть шмыгнув носом. Он плакал. — Я больше не буду убегать... Прости...

Кроме звуков, я почувствовал, как мальчишеские слёзы пропитали мой халат.

— Не злюсь... — я не мог злиться на него, я не злился и тогда, когда оказался в овраге. Это ведь мой долг — защищать семью, хоть и такую безрассудную. Подняв глаза на потолок, глубоко вздохнул.

Хаятэ поерзал в моих объятиях и выскочил, словно зашуганный кот. Теперь ясно. Сбежал из зала, не отсидев до конца наказания. Знаю, такое поощрять нельзя, но ведь он сбежал ради меня.

— Хаятэ... Постарайся не нарушать правил...

На это брат лишь усмехнулся и протер рукавом глаза. Отвечать ничего не стал — ещё бы. Он ничего такого пообещать не может, уж больно непоседлив и любознателен. Мальчишка выглянул в коридор и, кивнув на прощание, выскочил из покоев. Я сразу услышал скрип половиц, уверен: его снова поймают и накажут.

Весь следующий день я проспал, или, может, больше. Потерял счёт времени.

Выговора от главы клана не последовало, должно быть, он занят работой или заходил, но я спал. Проснулся, когда на улице было темно, рядом обнаружил керамическую чашу с водой, там же — небольшую чашку с мисо-супом. Как раз вовремя. Я безумно хочу пить и есть.

За пару глотков я осушил всё, что мог, и довольно ахнул. Сейчас меня не заботили правила приличия и воспитание.

На улице слабо горели лампы, в коридоре, как и во всем поместье, была тишина. Окинув взглядом комнату, думал, чем себя занять. Взглянул на ногу: повязка стала фиолетовой от мази. Затем посмотрел на низкий столик для каллиграфии: — кисти лежали так, как я их и оставил. Дальше, в токономе*, висел свиток с девизом нашего клана: «Небесная высь, непоколебимая верность».

Только прочитал давно заученный девиз, как услышал хруст со стороны улицы. Повернувшись, оторопел и выхватил катану из катанакакэ.

Передние пряди волос Дикарки были обрезаны, её густые брови сбриты, и над ними были маленькие черные пятнышки. Это не Дикарка, это госпожа...

3 Каэдэ

Всю ночь и весь день я никак не могла собраться с мыслями. Старушка Апуко говорит, что это нормально, — волноваться перед таким важным событием. Может, она права. Но это не единственное, что меня беспокоило.

Каждый вопрос, адресованный мне, каждый взгляд я воспринимала как укор. Укор за спасение одного из Цурута. Что, если они узнали? Что, если глава клана, старейшины разгневаются на меня и начнут войну? Или Цурута считают меня врагом и тоже начнут войну!

Правильно все говорят: люди не стоят того, чтобы им верить. Вот чем оборачивается это милосердие! Разве стоило это моих душевных мук!

Даже сейчас, сидя за ширмой бёбу в окружении служанок, мне кажется, что все меня раскусили. Ложь вот-вот выскользнет наружу.

— Вы будете чернить мне зубы? — неловко спросила я у служанки, которая не осмеливалась смотреть мне в глаза.

— Было решено изменить прическу и сбрить брови. Не переживайте, госпожа.

Легко говорить «не переживай». Тяжело вздохнув, я снова прикрыла глаза. Служанка осторожно стала сбривать мне брови. От напряжения сжала юбку и нахмурилась. Женщина тут же одернула руку.

— Простите, я слегка порезала вас лезвием... — виновато она промокнула царапину рукавом. Я не почувствовала боли.

— Продолжай, — велела я, и она начала накладывать плотный слой белил на кожу. Затем вместо моих бровей она нарисовала выше тушью аккуратные точки.

Вторая служанка подрезала мне передние пряди волос и помогла подняться. Мои колени дрожали, но встать я могла и самостоятельно.

В этот момент по залу раздался протяжный звук сё*, за ним последовал звук флейты.

В зале сидели высокопоставленные, уважаемые члены клана: старейшины, самураи, глава клана и его супруга — моя мать.

Я встала на деревянную доску в глубине зала, сначала поклонилась отцу, старейшинам, затем повернулась спиной к гостям. Рядом со мной стояла подставка с моими детскими вещами, среди них — бумажная кукла по имени Тоши, в розовом косодэ, там же мяч из шелковых лоскутов. Вещи, с которыми настало время прощаться, и хоть я давно ими не играла, весело от этого не становилось.

Сбоку стоял мужчина, который будет моим покровителем, — старейшина Тоёмицу. Он строгий, но справедливый. Уважаемый член клана. Глава клана Кумадзава Коцу, мой отец, прислушивается к нему, когда речь заходит не только о делах клана, но и о воспитании.

Мою старшую сестру уже давно выдали замуж. Она — гордость клана. Теперь и моя очередь его не посрамить.

Старейшина Тоёмицу будто заметил мое волнение и, мягко улыбнувшись, принялся в первые повязывать юбку мо. Теперь я официально стала взрослой.

Тоёмицу отошел в сторону, присаживаясь напротив моего татами. Мама улыбалась, сидя вдалеке, а отец — нет. От его взгляда по спине пробежали мурашки.

Дальше я села перед отцом и покровителем. Последняя часть ритуала, и я смогу выдохнуть хотя бы на время. Дрожь в руках выдавала волнение, взгляд отца был нечитаем, читаем и от этого было еще тяжелее.

Между нами стоял низкий столик с пиалой; молодой человек лет восемнадцати с родинкой на лице наполнил её сакэ. Этот слуга избегал взгляда на кого-либо из знати и поэтому, сделав дело, скоро удалился. Когда я взяла пиалу в руки, по напитку пошла рябь. Недолго думая, я сделала девять маленьких глотков. Вязкая жидкость с кисло-сладким вкусом обжигала язык.

Я никогда не пробовала сакэ, поэтому едва ли не начала плевать в разные стороны от этого безобразия.

Обстановка мгновенно разрядилась, может, конечно, дело в горячительном напитке. Присутствующие оживились и стали поздравлять отца, а потом только меня — со взрослением.

— Каэдэ, — обратилась ко мне мама, когда я попыталась улизнуть из зала. — Поздравляю. Ты уже совсем взрослая.

Я натянула улыбку и хотела намотать волос на палец, но увы, пряди обрезаны.

— Спасибо...

— Ты готова к замужеству? Отец со старейшинами уже ищет тебе жениха, — она робко приобняла меня за плечи, будто боясь, что кто-то увидит или услышит. Женщинам не принято обсуждать решения главы клана. Но от слов про жениха тело вмиг похолодело. Кожа стала бледнее белил, хоть это и не было заметно.

— Кто? — спросила я, пытаюсь унять дрожь, но вместо ответа она лишь помотала головой.

— Не знаю... Коцу не делился со мной этим...

— Ясно... — я ещё больше поникла. Так будет и со мной. Какой-то супруг, не рассказывающий об участии ребенка, не обращающий никакого внимания. Одно хорошо: может, он будет хотя бы любить детей?

Оставаться здесь, слушать поздравления и пить сакэ мне не хотелось. Я просто считала себя недостойной этого занятия.

Мои мысли снова вернулись к теме войны. Поскорее бы это всё закончилось и без кровопролития. Моё дурное предчувствие постепенно сводит меня с ума.

— Я прогуляюсь по двору, — вдруг устало произнесла я и помахала рукой у лица. Было душно. А ещё новая юбка, в которой передвигаться, не задирая подол, неудобно.

Мама ничуть не расстроилась и поспешила к остальным женщинам, которые не удостоились внимания.

Я же выскочила на улицу, прихватив андон*, и направилась в одно место, которое, как я надеялась, утолит мою печаль.

Военное святилище Хатимангу.

Приближаясь к святилищу, я сглотнула. Ворота, выкрашенные в ярко-красный цвет, казались залитыми кровью из-за тусклого света фонаря. Из-за него же длинные тени разных кустов и булыжников казались пугающими.

Снова взвесив все за и против, я толкнула тяжёлую дверь. Пройдя внешнее святилище, где полы были выстланы тёмным деревом, а стены побелены, я оказалась в промежуточной комнате.

Неловко переминаясь с ноги на ногу, поставила андон в угол, села на колени и прикрыла глаза, начиная молиться.

Пахло здесь металлом и деревом, а дым от андона развевался по помещению.

— Прошу усмирить оба клана... не допустить войны между Цурута и Кумадзава... — дрожащим голосом я шептала молитву, еле слышно. Казалось, бог войны Хатиман общается со мной через завывание ветра, и от этого пробирала дрожь. Я должна была как-то задобрить Хатимана, но пришла с пустыми руками. Тогда решила поклясться самым дорогим, чем только могла. — Клянусь быть смиренной и усидчивой, слушать мужа и отца...

Как только я произнесла клятву, за моей спиной послышались тяжёлые, уверенные шаги. Затем скрип дверей. Кто-то прикрыл двери храма.

Я прислушалась. Наверное, это служанка Ацуко. Только слишком уж уверенные и твердые шаги для служанки. Так ходят мужчины... мужчины со статусом, властью.

— Ах, вот ты где, дорогая Каэдэ, — прорезал сумрак голос старейшины Тоёмицу. Я уже успела испугаться, а это всего лишь Тоёмицу.

Поднявшись с колен и поправив юбку, я взглянула на мужчину. Он, как обычно, держал руки за спиной и смерил меня взглядом.

— Да... я здесь... — неловко протерев шею, подняла андон.

— После обряда совершеннолетия не все женщины идут в военное святилище, — Тоёмицу одной рукой указал на стены святилища. Моё сердце предательски забилося быстрее. Я не должна была врать и быстро решила сказать, как есть.

— Сложные времена... Не хотелось бы войны.

На это Тоёмицу сделал протяжный вздох. Он знает о тяготах войны. Это самурай с большим опытом, а это вызывает уважение.

— Ты права, — мужчина прошёл к стене, к плотной шелковой занавеси митё, за которой покоилось тело бога. Я, стоя сбоку от него, проследила за его взглядом. В это место заходить было строго запрещено, разрешалось лишь жнецам. — Надеюсь, бог Хатиман услышит твои молитвы... Но остановить войну в силах не только бога.

Я мысленно вскинула сбритую бровь.

— А кого же ещё? — если этот кто-то есть, то я должна обязательно об этом знать. Молиться ему день и ночь, ночь и день. Если есть такая сущность, то скажите же мне! Но я решила не выдавать свой интерес восклицанием.

— В моих... — он взглянул на меня со своей обычной улыбкой, но в полумраке она казалась менее обаятельной.

На секунду воцарилась тишина, прерываемая лишь сквозняком. Затем Тоёмицу поднял из-за спины вакидзаси. Мои глаза испуганно расширились, и я сделала шаг назад. Это была вакидзаси Мицуру Цурута.

— Держи... — он протянул вакидзаси мне, и я осторожно взялась за рукоять. Я не знаю, что бы сделала с этим оружием: может, спрятала или сделала вид, что ничего не знаю? Но это оружие — прямое доказательство нахождения Цурута на наших землях, а этого достаточно, чтобы начать конфликт. Отношения между кланами и так накалены. — Но я не один способен предотвратить конфликт...

Его горячая, покрытая шрамами рука скользнула по моей, которая держала вакидзаси. Я не одернула руку, пытаюсь понять, к чему он клонит, но сердце говорило бежать без оглядки.

— Каэдэ, ты не чтишь традиции... Блуждаешь по лесу как... — он задумался, искал подходящее слово, — волчонок... дикая, своенравная... — свободная рука Тоёмицу поднялась к моей щеке, я затаила дыхание. Это прикосновение было не таким, как когда он смахивал с моего лица грязь от тренировок. Его большой палец скользнул по набеленной скуле вниз, к шее, к порезу, оставшемуся от синоби.

Я почувствовала, как от напряжения дыхание стало прерывистым.

Старейшина сделал несколько шагов ко мне, я же отступала, пока не почувствовала спиной стену. А он улыбнулся ещё шире — его забавляла ситуация.

Страх сковал меня окончательно, ровно так же, как и в бамбуковой роще перед синоби Цурута.

— Можно я пойду? — голос звучал сжато и беспомощно. Тоёмицу навис надо мной, загораживая тусклый свет фонаря, затем приблизился к уху.

— Каэдэ, ты больше никуда не пойдёшь... — его угрожающий, стальной голос вызвал очередную волну дрожи. К счастью, руку он с моей руки убрал. Но не успела я выдохнуть, как он положил её мне на бедро. — Ты помогла врагу и скрыла это. Но, к счастью, меня впечатляет твоя самоотверженность... А укрощать тебя — большое удовольствие. — Его рука сжала бедро, а у меня на глазах выступили слёзы. — Ты станешь моей прямо сейчас... И тогда Коцу не узнает об этом... маленьком недоразумении. — Последние слова он произнёс так радостно, что живот скрутило.

Я была полностью растеряна, напугана, а его руки спустились мне на талию, начиная развязывать юбку. Я вздрогнула. Не задумываясь, нанесла удар мечом в живот. Кровь хлынула на мои одежды. Я тут же швырнула окровавленное оружие.

— Глупая девчонка! — прошипел старейшина, пытаясь схватить меня за шею, попутно истекая кровью. В этот раз я смогла сдвинуться и броситься бежать. Я слышала, как Тоёмицу рухнул на пол.

Умер.

И я убила его.

Теперь я предательница и убийца. Что же делать? Куда бежать?

Сердце бешено стучало, я вбежала в лес и, прыгая то на одной ноге, то на другой, сбросила с себя дзори*. Дальше я бежала босиком. Сухая хвоя, и ветки царапали ступни. Юбка сковывала движения.

Я чувствовала, как праздничная атмосфера в поместье стала угнетённой. Они найдут тело старейшины сегодня-завтра и объявят охоту на меня. Все сразу поймут, что это я его убила! Может, стоит вернуться и всё объяснить отцу?

Нет.

Он не слушает.

Как бы я ни пыталась мыслить здраво, паника мешала этому. Ноги сами вели меня куда-то. И они довели меня до поместья журавля.

Я сделала огромный крюк, не решаясь заходить в бамбуковую рощу. Передо мной стояла белая стена. За ней непременно будут охранники. Увидя меня в окровавленной одежде, сразу казнят, не разбираясь.

Хватаясь за голову и бесшумно взывая от отчаяния, я прижалась спиной к стене и спустилась на землю. Хотелось скрутиться в такой тугий шар, который подпрыгнул бы и потерялся навсегда.

Так я и сделала. Свернувшись, я легла под стеной, и моя пятка провалилась, не успела я её прижать. Нога попала в какую-то яму. Странно.

Я прикусила губу и с опаской стала щупать руками эту яму. Земля была свежая. Выкопали недавно. Сунув руку глубже, я поняла — это лаз. Это мой шанс.

Прислушавшись, заметила, что охранники собрались у ворот и бурно что-то обсуждают. Меня не особо интересовала тема их разговора.

Примерив размеры лаза и свои, решила попытать удачу. Сложно сказать, на что я вообще рассчитываю, совершая побег из клана и вторжение в клан Цурута.

В лесу синоби Кумадзава вмиг меня отыщут, они знают лес ещё лучше меня, а здесь они искать не будут. А Цурута... Если им знакомо понятие «честь» и «долг», то Мицуру настал черёд отплатить.

Вот перевернувшись, я принялась за вторжение. Теснота давила на меня, причёска испортилась, белила наполовину стёрлись, одежда испачкана землёй. Наконец моя голова пролезла, и я осмотрелась. Вроде никого не было. Стража продолжала хохотать. Напротив меня стоял небольшой домик для слуг, по всей видимости. А чуть дальше — тренировочный зал.

Наконец выбравшись, спряталась в тени домика и стала думать, куда идти дальше, пока охрана не пошла на обход. Со стороны тренировочного зала я услышала шорох.

Тут же затаила дыхание. Куда бежать, если это стражи? Зная синоби клана Цурута, они убьют меня молниеносно.

Наконец из кустов выбрался маленький мальчик лет девяти. Он, как и я, озирался по сторонам. Может, местный мальчишка, собирающийся пакостить?

Вот ребёнок на носочках поскакал к залу, я двигалась дальше, чтобы он меня не увидел. Щёлк. Под моей босой ногой хрустнула ветка, и мальчишка замер, подняв руки вверх.

— Отец, я не убегал к Мицуру! — выпалил он с виноватым видом. Ах, значит, он младший брат этого тавакэ. — Я всё так же терплю наказание! Вот, видишь! — он тут же упал на колени и выровнял спину.

Этот мальчишка забавный. Гораздо лучше его брата.

Но он сейчас моя проблема. Если он поймёт, что здесь нет его отца, или, ещё хуже, заглянет за угол... Не услышав ничего в ответ, он, фыркнув, встал с колен, будто и не хныкал. Затем зашёл в зал и закрыл за собой дверь.

Я выдохнула.

Значит, он ходил к Мицуру. Прищурившись, я принялась думать. Но времени на раздумья не было. Вдоль стены услышала шаги. Тогда, несмотря на страх и опасность, я прыгнула в кусты у тренировочного зала.

Куст сливы больно царапал щеки и ладони: лишнее движение — и порву одежду. Переполох точно привлечет внимание.

Проходящий мимо охранник остановился. Наверное, услышал меня! Я тут же закрыла рот рукой, не хотела громко дышать.

Мужчина открыл дверь зала, и я услышала топот маленьких ножек.

— Я наказан! — раздалось изнутри. Видимо, этот шалопай всё-таки не сидел на коленях.

— Господин, идёте спать. Ваш отец велел сопровождать вас, — голос стража был учтивым и ласковым. Ребёнок вмиг выскочил из зала и побежал впереди своего охранника. Вот же маленький, как вовремя он вернулся в зал.

— Господин Хаятэ, подождите! — гремя доспехами, тот последовал за своим крохотным господином.

Мне этот Хаятэ нравится всё больше. Как раз избавил меня от лишних глаз.

Пересекая посадки слив, выбралась к главному дому. На улице было светло из-за ламп — снова препятствия, которые я терпеть не могу.

За одной из бумажных стен я увидела движение. Кто-то высокий и хромой. Точно! Хромой! Это Мицуру! Наконец-то я его нашла.

Оглядевшись по сторонам и подобрав подол юбки, на носочках добралась до его стены. В сумраке, хоть и был свет, понять, можно ли открыть здесь дверь или нет, я не смогла. В моем поместье в покои войти можно изнутри.

Тихо цокнув языком, стала осматривать, что есть под ногами. Кусты были обложены камешками, и я подумала, что ими можно сделать разрез в бумаге.

Вооружившись камнем, я поднатужилась и сделала разрез в бумаге. Хруст разнёсся по улице. Сердце забилося чаще. Нужно торопиться.

Я уже не думала о том, что ошиблась и внутри не мой должник. Действительно, интуитивно.

В комнате я услышала скрежет металла и, проделав дыру, пересеклась взглядом с вооруженным Мицуру. Его голубые глаза округлились, а рука сжимала катану.

4 Мицуру

Это набеленное лицо, маленькие черные пятнышки над сбритыми бровями выбили меня из колеи. Она выглядела словно призрак, заглядывающий в души. Эта девчонка не похожа на Дикарку.

— Я Каэдэ! — прошептала настойчиво девчонка, засовывая в дырку руку. Она ловко нащупала задвижку и, отворив окно, ввалилась внутрь с глухим стуком.

Ах, а теперь я узнаю её.

— Что ты тв — хотел прикрикнуть на неё я, но она мгновенно заткнула рот рукой. Я покраснел, а затем вдохнул запах земли и крови. Сердце сжалось.

— Не кричи — она посмотрела молящими глазами, сжимая меня ещё больше.

Я был настолько шокирован, что кивнул головой. Мне срочно нужно понять, что вообще происходит.

— Точно не будешь кричать?

Снова кивнул и промычал в её теплую, но неприятно пахнущую ладонь.

Я видел напряжение в её плечах, а когда взгляд спустился ниже, я увидел на её юбке кровь. Тут же меня передёрнуло. Кричать не стал, но резко повалил её на татами, свободной рукой зажал руки над головой, а катану приставил к горлу. Если это кровь кого-то из моего клана, то, клянусь, я забуду о долге и перережу горло этой госпоже.

Боль в ноге доставляла неудобства, но ярость блокировала всё, что можно.

Каэдэ смотрела своими испуганными глазами, как тогда, когда её жизни угрожали синоби. Было глупо приходить сюда, если она навредила моему клану.

— Чья это кровь? — прошипел я, угрожающе нависая над ней. От моего вопроса девушка вздрогнула. Она не извивалась, как это было в лесу, и не дерзила. А глядя в её глаза, я увидел, как они краснеют и мокнут. Каэдэ отвела от меня взгляд в сторону и прикусила губу, будто сдерживая всхлип.

— Ты убила моих людей? — теперь более настойчиво спросил я, хотя её слезы немного насторожили меня. В ответ она помотала головой и шмыгнула носом.

— Нет — очередной шмыг — своего

Теперь я нахмурился. Она убила своего? Кого? Ничего не понимаю. Я думал, она крестьянка, ведь на госпожу похожа не была, а теперь она убила кого-то!

Снова окинув её взглядом, внимательнее изучил окровавленные порванные одежды. Юбка-мо, какую повязывают на обряд моги, с вышивкой медведей. Что? Клан Кумадзава?

— Кумадзава? — неуверенно спросил я, подняв глаза с одежды на её лицо. Слезы текли по набеленным щекам, оставляя мокрую дорожку. Каэдэ снова кивнула. — Что произошло?

Видеть Дикарку в таком состоянии было странно тяжело. Осторожно я отпустил её руки, она тотчас принялась вытирать слезы. Земля с рук, сухая кровь и белила смазывались от слез.

— Обещай, что pomoжешь Ты должен помочь — девушка с трудом говорила, её накрывала истерика. А она упрямо терла слезы руками, так что щеки теперь стали красными.

— Чтобы помочь, я должен знать, что случилось, — снова грубо ответил я, затем, вздохнув, подвинул ей ведро с водой и тряпкой. Оно осталось с тех пор, как я должен был обмыться.

Смотреть на неё спокойно было невозможно. Эти тихие всхлипы от такой Дикарки казались чем-то сверхъестественным.

— Я я — начала заикаясь, рассказывать историю. Я же сосредоточился. Не хотел что-либо пропустить. — Был обряд моги Я я ушла в святилище — она притянула к себе ведро и отвернулась. Должно быть, не желала показываться в таком уязвимом положении. — Пришёл он

Скоро она принялась отжимать тряпку и смывать краску с лица. С каждым словом мое сердце сжималось всё больше, словно чувствуя что-то страшное.

— Кто? — уже не выдерживая, я чуть подался вперёд. Она, словно почувствовав, отшатнулась подальше, не выпуская из рук ведро. Вода плескалась в разные стороны.

— Старейшина Тоёмицу Он сказал — Каэдэ закрыла лицо руками и помотала головой. — Я не могу не могу говорить

В голове роились мысли. Что должно было произойти, чтобы она убила старейшину? Я даже представить себе не могу. Не успел спросить, как она продолжила, собравшись с силами.

— Он домогался — она стыдливо отвела взгляд, а меня снова охватила ярость. — Только прошу, никто не должен это знать! — она тут же часто задышала, глаза округлились, и чуть не перевернула ведро.

Я многое хотел сказать. Сказать о том, что домогаться до девушки женщины — это бесчестно и достойно самой худшей смерти. Самурай не имеет права так поступать, как и мужчина в целом. Будь я на месте Каэдэ, то тоже бы убил этого паршивца.

— Он нашел в лесу вакидзаси

Теперь мое тело пронзила не только ярость, но и шок. Каэдэ же, уставившись на воду, продолжала:

— Сказал я должна стать его, — эти слова дались ей особенно тяжело, — если хочу, чтобы глава клана Кумадзава Коцу не узнал о тебе

От ярости я сжал кулак так, что костяшки побелели. Кровь кипела, а потом меня осенило. Старейшина Тоёмицу был убит моим вакидзаси, значит, в опасности не только Каэдэ, но и мой клан.

В поместье Кумадзава тело уже наверняка нашли или найдут с утра. А вместе с телом и мой меч, меч с гравировкой клана Цурута. Будут искать Каэдэ, чтобы наказать за самое страшное преступление по самурайскому кодексу — убийство высокопоставленного члена клана и помощь члену вражеского клана.

Катана выпала из моей руки, ударяясь о татами, и, не спуская глаз с напуганной девчонки, я стал думать, что делать. Прятать долгое время Каэдэ у меня нельзя.

— Я уйду — проговорила она, словно прочитав мои мысли. На лице отобразилась безнадежность. Опустив тряпку в ведро, она поднялась на ноги. Я заметил, как её трясло, юбка-мо немного развязана, лодыжки изранены.

Нельзя было оставлять ее просто так. Она спасла мою жизнь, и теперь я должен помочь ей. Ситуация была невыносимо сложная. Защищать её от своего отца и её клана с больной ногой будет очень тяжело. Да и если я решу увести её в безопасное место, мой клан останется без меня в трудную минуту. Я не могу бросить их.

Вот же

Задвижка на окне щёлкнула, и Каэдэ принялась выбирать наружу.

Нет.

Подскочив на больную ногу и терпя боль, я схватил девушку за руку. Она ошарашенно уставилась на мою руку, что крепко сжала запястье. Поняв, что перешёл всякие границы, тут же отстранился.

— Прости И я постараюсь помочь тебе

Её заплаканное лицо вмиг засветилось, наверное, от благодарности. От её улыбки я почувствовал что-то странное в груди, противоположное тому, что чувствовал во время её истерики. Это меня немного испугало.

Каэдэ же с воодушевлённым видом пыталась закрыть дыру, которую сделала камнем. В этот момент она была похожа на Хаятэ. Он, когда ему что-то нужно, сразу становится любезным, ласковым.

— Оставь её, — пересекшись с ней взглядом, тут же отвел его в сторону. — Садись

Указав ей на футон, попытался тоже сесть, но, видимо, резко вставать на больную ногу, было плохой идеей. Теперь она снова начала адски жечь. Вдруг эта невыносимая девчонка, совсем не стесняясь, подхватила меня и помогла расположиться. Почему правила приличия волнуют только меня? Нет, всё-таки она не похожа на госпожу.

— Я немного пережду у тебя? Обещаю, я много места не займу, — Каэдэ ткнула пальцем в угол, рядом с которым висел девиз клана. Я же вскинул бровь. — Я могу спать там.

— Что за Дикарка — помассировав виски и глубоко вздохнув, я принялся выдергивать из-под неё стёганое одеяло. Она, чуть приподнявшись, помогла с этим делом и снова села на матрас. — Ты, как оказалось, госпожа. Не знаю как у Кумадзава, но у Цурута господ не спят в углах, как беспризорники.

В этот раз она не стала щёлкать меня по носу. Удивительно.

Каэдэ поджала колени и заправила юбку, чтобы не было видно ступней. А я вдруг решил, что пускать её в таком виде на свой футон безрассудно. Хотя в последнее время всё в моей жизни выглядит безрассудно.

— Дикарка, — на моё обращение она тихо фыркнула, — не смей сидеть в таком виде на моём матрасе.

— Но ты сам меня пустил — она высунула ноги из-под юбки и всё-таки тихо переползла в тот угол. Наверное, дело во мне, неправильно говорю.

Пока она забивалась в угол, я поднапрягся и двинулся к изголовью матраса, там в стене был шкаф осирё*. Раскрыв его, подтянулся за полочку и достал первое попавшееся косодэ. Такое в нашем клане все носили.

Затем швырнул его в девчонку. Она, хмурясь, стала разворачивать халат и, скомкав, швырнула обратно мне в лицо.

— Эй, ты чего? — возмутился я из-за незаслуженного броска в лицо. Я старался быть вежливым, но она невыносима.

— Это твоя одежда. Вот чего, — её щёки покраснели, и, как мне кажется, не от слёз.

— Конечно, я понимаю, что для — задумавшись, постучал пальцем по подбородку. Открытие статуса госпожи в Дикарке до сих пор не укладывалось в голове, — госпожи... надевать мужской костюм будет не по статусу

— Дело не в этом, — парировала Каэдэ, массируя место, где были чёрные пятнышки над бровями. Она всё больше заливалась румянцем.

— Ты не в том положении, чтобы капризничать, — наконец выпалил я, и уже агрессивнее швыряя вещи. Она не сдалась и отправила посылку снова.

Я был взбешён. Чем я заслужил подобное наказание? Может, это карма за всё моё высокомерие? Может, за то, как я вёл себя в лесу? Или в детстве был дурачком? Так в детстве я был послушным. Значит, это испытание.

Вздохнув, я бросил одежду ей под ноги, отчаянно сдерживая желание швырнуть со всей силы, чтобы она своей прелестной головкой стукнулась о стену.

Но всё-таки Каэдэ взяла презент и скрылась за ширмой бёбу. Скоро раздалось шуршание, а я затаил дыхание. В голову не лезли никакие стоящие мысли.

Убийства. Клановая вражда.

Буду решать все проблемы поэтапно. Ах, как же начинает болеть голова.

Шорох за ширмой прекратился, и Каэдэ робко выглянула из-за угла. Клановые войны ненадолго ушли на второй план. Снова почувствовал странное ощущение в груди.

Мой халат был великоват Каэдэ, она в нём буквально тонула. А я не сдержал ухмылку, чувствуя, как горят уши и шея.

— Кхм Дикарка, костюмчик не маловат? — начиная отползать подальше от матраса и поборов ступор, проговорил я. — Ложись спать. Я буду думать, что делать.

Каэдэ с недоверием взглянула на меня и осторожно села на futon. Затем укутала себя одеялом, но лежала так, что в случае чего могла увидеть, что происходит. Наверное, она до сих пор напугана или не доверяет мне. Я бы тоже не доверял.

Подперев спиной стену, на секунду прикрыл глаза. Спать не хотелось. Не тогда, когда вокруг царит угроза клановой войны.

— У тебя милый брат, — неловкая тишина была прервана опять этой девчонкой. Даже непонятно, когда она успела познакомиться с моим братом, но если он увидел её, то это ещё одна проблема.

Я напрягся, открыв глаза.

— Он видел тебя?

— Нет, — помотала головой она, подтянула край одеяла к подбородку и снова замолчала. Радует, что её никто не застукал. Иначе мне можно было на лоб повесить мишень и надпись «помогает врагу». Правда, не знаю, можно ли считать её врагом?

Мишень на лоб

Теперь я посмотрел на беглянку, затем на стойку с оружием, на продырявленное окно. Может, думал, что здесь кроются ответы, которые сейчас мне нужны как никогда. Взгляд скользнул к испорченным одеждам Каэдэ, и я задумчиво постучал по подбородку.

Теперь у меня начал зарождаться план, который реализовать получится лишь утром. А пока я наблюдал, как у Дикарки слипаются глаза, но она упорно пытается не заснуть. Зевнула и, кажется, заснула, затем вздрагивала и озиралась по сторонам.

Волоча за собой ногу и не желая вставать, я поплелся к столику для каллиграфии. Опять. Я планировал расписать свой план, все возможные варианты развития событий, какими бы плохими или хорошими они ни были. Я должен просчитать всё. Должен исправить совершенную ошибку.

Время от времени поглядывал на Каэдэ. Единственное забавное в этой ситуации – это смена ролей.

На улице начинало светать. Выводя кистью план, услышал шорох за спиной, затем почувствовал горячее дыхание на шее. От этого пробежали мурашки.

— Не дыши мне в спину, — закатив глаза, легонько стукнул Каэдэ деревянным наконечником кисти. Она же, прищурившись в ответ, щёлкнула пальцами по моему лбу.

— Чего дерешься — тихо возмутилась она, подтягивая великоватые одеяния.

Она была полна сил, а я мечтал о скорейшем покое, поэтому решил не реагировать на её поддразнивания. Так я это назвал. Но всё-таки не сдержался и решил позвать.

— И вообще-то я ещё не начинал, — снова замахнулся кистью, но вместо лба, ткнул в щеку. Она же стала отмахиваться от меня как от назойливой мухи.

— Перестань, — ворчала Каэдэ, чем только больше меня забавляла. Оказывается, так издеваться над ней — большая радость. К сожалению, долго это продолжаться не могло, поэтому я сдал позиции. Но не потому что хотел, а потому что было необходимо.

— У меня есть план

Но не успел я выдать, как в коридоре раздался соловьиный свист. Кто-то двигался в сторону моих покоев.

По телу прокатилась волна страха. Что делать? Если Каэдэ сейчас найдут, то мне придется либо стать ронином, либо умереть. Я бы выбрал второе, но в любом другом случае. Но со мной-то ладно, а вот Каэдэ. Её казнят за шпионаж и выдадут голову её отцу как презент.

Счёт шел на секунды. Я не придумал ничего лучше, чем подскочить на ноги и, пискнув от боли, схватить Каэдэ. Затем сунуть её в шкаф осиирэ. Она брыкалась и даже успела укусить меня за ухо, но, услышав в панике скрип за дверью, замолчала.

Закрыв дверцу, я едва ли успел плюхнуться под стёганое одеяло.

Господи, как же сильно болит нога. Уверен, рана открылась.

В следующее мгновение фусума отодвинулась, и в покои вошёл Исикава. Он был суровее обычного, словно вестник смерти на пороге, прибывший по мою душу.

— Господин, ваш отец требует, чтобы вы явились в зал совета немедленно. — Тон не оставлял места возражениям. Немедля. Значит, времени на более четкие раздумья нет. Нужно решить сейчас, пока Каэдэ, сидя в шкафу, всё слышит. Мне остаётся надеяться, что она всё правильно поймёт.

Исикава подхватил меня под локоть, начиная поднимать на ноги.

— Что-то случилось? — я облокотился на мужчину. Всё-таки не стоит Исикаве знать, что я догадываюсь о причине разговора. Синоби же окинул взглядом покои, от этого мое сердце будто остановилось.

— Не могу знать, — конечно, такому ответу я не удивлён. Он скорее всего лжёт.

— Исикава, отправь до обеда повозку в нейтральный торговый город — увидев в его лице скептицизм, добавил: — ту, что с рисом. Надеюсь, мне не стоит напоминать тебе, как это делается?

Всё-таки я господин, а не местный мальчишка, так почему мне не вести себя как должно?

Исикава тут же кивнул, спешно уводя меня из покоев в направлении зала совета.

— Да, господин. Я отправлю повозку.

5 Каэдэ

Пульс бешено отзывался в ушах, когда я услышала пронзительный голос того синоби, которого Мицуру назвал Исикавой. Он непременно найдет меня и пустит кровь.

Неосознанно я коснулась рукой старого пореза на шее и сглотнула. Затем речь зашла о повозке с рисом, о нейтральном городе... Нейтральный город – это город, где власть самураев не действует, здесь власть принадлежит купеческим гильдиям. В нем легко затеряться, и самураи и синоби Кумудзава не смогут найти меня.

Надеюсь, Мицуру всё-таки не дурак, и я тоже.

Когда в коридоре стало тихо, я выбралась из шкафа, путаясь в длинном, вкусно пахнущем косодэ. С этим нужно что-то делать.

Оглядевшись, взяла катану. Пользоваться ею я толком не умела, лишь бездумно махала ею в разные стороны. А вот кусаригама – совсем другое дело, только увы и ах, оружие на дороге не валяется.

Придется обходиться тем, что есть.

Катаной я стала делать надрезы на длинных рукавах, подоле. Уверена, Мицуру не сильно за это разозлится. После этого я руками порвала ткань и пару раз попрыгала на месте, проверяя возможность движения.

Отлично, так я хотя бы могу передвигаться активнее.

Вернув оружие на место, принялась выбирать из покоев Мицуру. Прodelывала то же, что и вчера, но в обратном порядке. Выбравшись через окно, поспешила в кусты. Сейчас бы снова выскочил мальчик и указал путь к повозкам и конюшне.

Вокруг бродили служанки. Кто-то шел заниматься стиркой, кто-то сплетничал. Когда рядом никого не было, а это была редкость, я перебегала в другой куст, оттуда в следующий. Так добралась до домика для слуг. Мне почему-то казалось, что конюшни должны быть рядом, но я ошиблась.

Мне начинало казаться, что время вышло. Моя спасительная повозка тронулась, и я осталась здесь навсегда.

Это не поместье Цурута, это целый лабиринт, а я в тупике. Но оставаться на одном месте нельзя. Когда прошёл стражник, я спряталась за другим домиком, присев под окнами. Пробираясь вдоль него на корточках, я увидела, как маленький Хаятэ, вставая на носочки, тянулся к кусаригаме на оружейной стойке. Если он сейчас потянет грузик на себя, то высока вероятность, что серп упадет и поранит мальчишку.

Вот же проказник. Он не сможет дотянуться. Серп вместе с цепью не упадёт на него, и он убежит устраивать пакости дальше. Так я думала, но юный господин всё же дотянулся до неё. Стойка с многочисленным оружием Цурута пошатнулась.

Не думая о последствиях, я бросилась вперёд и едва успела отпрыгнуть в сторону, прижав к груди ребёнка, как вся стойка рухнула на то место, где он был секунду назад.

Хаятэ удивлённо и слегка напугано хлопал глазами. Поняв, что он — лишний свидетель, я поставила его на землю и подняла руки в знак капитуляции.

— Ты ещё кто? — поставив руки в боки, он стал наступать. Такой маленький и такой суровый. — А ну отвечай! — теперь он топнул ножкой.

Первое, что мне пришло на ум, — это поклониться. Очередное унижение. Поклон перед маленьким паршивцем Цурута.

— Новая служанка? — Хаятэ повёл носом. — Понятно. Что же. Тебе стоит одеться приличнее, прежде чем спасать меня в следующий раз.

— Да, господин, — я кивнула, сгорая от стыда.

— Но не смей никому об этом говорить, — задрал нос, хулиган прошёл мимо. Вот кто настоящий воображала. — И убери здесь всё!

— Да, господин, — словно на автомате ответила я и шлёпнула себя по лбу. Чёртов маленький засранец. Весь в брата. Должно быть, с него берёт пример.

Радует, что он не заметил мои сбритые брови и волосы, иначе и не подумал бы назвать меня служанкой.

Наконец он убежал, а я, оглядевшись по сторонам, достала кусаригаму и помчалась прочь. Снова ввалилась в кусты, на этот раз — гортензии.

Запах цветов не перекрывал шлейф конного навоза. Ну и вонь. Закрыв нос воротом одежды Мицуру, я вздохнула и почувствовала, как горят мои щёки. Для тавакэ его вещи пахнут гораздо лучше гортензий или даже моей любимой хвои.

О чём я вообще думаю!

У конюшен слуги загружали последние мешки риса, затем накрыли их тканью и ушли. Это была прекрасная возможность спрятаться.

Открыв рис, я вытащила мешок, другой и поставила их за угол. Хотела освободить для себя немного места. Затем нырнула внутрь повозки, кусаригаму спрятала в углу, а сверху накрылась тканью.

Пахло рисом, старыми пыльными мешками и затхлой тряпкой. Поездка будет невыносимо долгой.

Скоро послышались шаги, некто молча запрыгнул в повозку, отчего та со скрипом просела, и дёрнул поводья. Лошадь, фыркнув, медленно, цокая копытами, двинулась вперёд.

Через небольшую щель в укрытии я наблюдала, как поместье Цурута остаётся позади. В моём сердце селилось беспокойство. Мицуру ушёл к старейшинам, что, если он в опасности?

Я помотала головой, пытаясь выбросить дурные мысли. Я на полпути к торговому городу. Начну новую жизнь в качестве беглянки, убийцы. Буду совсем одна. Без старой служанки Ацуко, что по утрам приводила меня в порядок, без матери и тёти, что ругали за каллиграфию и экономику, без сурового взгляда отца и без кедрового леса.

Почему мне так грустно? Разве я не получила свободу? Теперь не нужно следовать традициям, не нужно выходить за кого-то замуж...

Глаза невольно намокли, и я старалась не шмыгать носом и вообще не шевелиться.

Повозка подскакивала на ямах, лошадь иногда ржала, а возчик молча время от времени стегал коня. Ни разу не отругал его и даже не болтал сам с собой, как это иногда делают слуги.

На улице слышалось пение птиц, стрекот цикад и шум ветра. Дорога начала убаюкивать. Глаза закрывались, и скоро я окончательно уснула. Кто бы мог подумать, что спать на мешке с рисом ничуть не хуже, чем на футоне Цурута.

Когда вдруг повозка остановилась, я тотчас проснулась. Должно быть, приехали в город. Но, прислушавшись, не услышала ни гул торговой площади, ни смех торговцев. Лишь журчанье воды и дыхание лошади. Неужели извозчик решил отдохнуть на берегу?

— Ну что? — послышалось снаружи, а затем — какой-то скрежет. Я напряглась и сжала рукоять серпа. Это был голос Исикавы, от него мои волосы встали дыбом. — Может, сама выйдешь, или прикажешь мне вытаскивать госпожу за шкуру?

Сомнений не оставалось. Он как-то догадался о моём присутствии. Почему такой высокопоставленный синоби вообще решил сам вести эту чёртову повозку? Должно быть, всё-таки не убежать от смерти.

Сглотнув, дрожащей рукой приподняла полог. Яркие лучи солнца заставили прищуриться. Но сквозь прищуренные глаза углядела Исикаву с вакидзаси в руках и небольшим точильным камнем. Наверное, точит оружие, чтобы мгновенно перерезать горло.

— Прежде чем вы решите казнить меня... — подняв руки вверх и не спуская глаз с синоби, я стала выбираться из повозки.

— Рассказывай. Что ты забыла в покоях господина?

Я вздрогнула. Либо Мицуру сам всё рассказал, либо этот синоби оказался очень проницательным. Но я не могла и слова сказать под его устрашающим взглядом и оружием.

Встав на землю, я медленно сделала шаг назад. Глаза Исикавы сузились, как у хищника, готового к прыжку. Сейчас он один. Если я буду достаточно проворной, то смогу потягаться в драке, но всё-таки проиграю. Его опыт в убийствах куда выше моего.

— Не заставляй меня пачкать меч женской кровью, — он указал на меня лезвием, и я всё-таки заговорила.

— Мицуру возвращал мне долг.

— Когда ты привела господина, все решили, что ты местная сиротка. Уверен, Цурута решил так же. Только вот твоя кусаригама была совсем не сиротская.

— Зачем вы мне это говорите? — с опаской я взяла оружие удобнее.

— Я это к тому, что как-то всё странно. Девчонка Кумадзава помогает Цурута, надевая маску благородства. Затем появляется в его покоях вся в крови...

— Откуда...

— Окровавленная юбка-мо за ширмой в покоях господина, — опередил он мой вопрос. Неужели мы с Мицуру оставили улики на видном месте? Всё пропало, Мицуру наверняка сочли предателем и уже казнили. Всё из-за меня.

Колени подкосились, а Исикава, будто не замечая, продолжил:

— Возникает вопрос... Вернее, несколько, — мужчина поднял один палец. — Первое: зачем дочь главы клана Кумадзава бежит из дома? — затем поднял второй. — Второе: чья кровь?

— Это... — но я снова не успела ответить, он сделал это за меня.

— Первое: ты ранила Кумадзава Тоёмицу и бежала к господину, надеясь на его «благоразумие», — он усмехнулся, помотав головой. А я была шокирована его познаниями.

— Да, я убила старейшину! — призналась я, махнув рукой от нахлынувших эмоций.

— Не убила. Он жив. И вот что я думаю: ты вместе с этим старейшиной в сговоре. Ранила его мечом господина, подставила клан Цурута и для полной убедительности бежала к нему, чтобы выставить его предателем клана.

— Нет! — выкрикнув, я сделала шаг вперёд. — Я не хотела подставлять Мицуру! Я не ранила Тоёмицу по сговору...

— Как странно, — он наигранно задумался и резко воткнул меч в землю. — Так чего же Тоёмицу утверждает, что ранил его Мицуру?

Я опешила. Только сейчас до меня дошло осознание. Тоёмицу выжил. Но в любом случае слова Исикавы звучат убедительно, но не совсем.

— Если же вы считаете меня виновной в саботаже, тогда ответьте: зачем мне бежать в город? Зачем прятаться в повозке? Я могла остаться в поместье, и Кумадзава бы решили, что меня похитили Цурута...

Я не особо успела подумать о своих словах, и они явно зацепили профессионального головореза. Я же понимала, что вся ситуация совершенно не имеет смысла. Почему Тоёмицу не сказал, что я его убила... то есть ранила? Зачем он обвинил Мицуру? Я перешла ему дорогу, и чтобы смыть с себя позор, он должен был убить меня или хотя бы наслать ищеек.

По лицу Исикавы было сложно понять, что он думает об этом. Он лишь вытащил меч и стал покачивать его из стороны в сторону.

— Ты права, — он провел лезвием по повозке, направляясь в мою сторону. Зачем идти ко мне с таким взглядом, будто хочет убить, если он согласен со мной?

Спрашивать об этом я не стала и приготовилась к бою. Ноги упёрлись в холодную почву, колени чуть согнулись.

— Если ты действительно не врёшь, тогда... ты угроза для Тоёмицу.

Теперь я ещё больше напряглась. Исикава прав, как я сама не поняла? Тоёмицу должно быть соврал нарочно, правда, пока не понимаю, для чего ему это. Но я ведь знаю, что Мицуру не было той ночью в святилище.

— Полезай в повозку. Я отвезу тебя в город, — он ловко запрыгнул и схватился за поводья. Я не была уверена, стоит ли ему доверять, но раз он не убил меня до сих пор, значит, пока мне нечего бояться.

— Давай скорее, — поторапливал он меня и шлёпнул поводьями лошадь. Та, ворча, двинулась вперёд.

Стиснув зубы, я запрыгнула в мешки риса. Всё-таки пока это моя единственная возможность.

6 Мицуру

Исикава привел меня в зал заседаний совета. На меня смотрели старейшины, старшие самураи и глава клана. Все, кроме моего отца Киемаса сидели на соломенных татами, а отец, как глава клана, сидел на уровне повыше, на татами, вышитом шелком.

Атмосфера, мягко говоря, была не располагающая.

— Садись, Мицуру, — Киемаса, указал на свободное место возле старейшины Ясутоки. — высокого, крупного старика с огромным, набитым деньгами карманом. Исикава помог мне сесть. Ужасно стыдно показываться перед советом в таком виде.

В следующий момент я прикрыл оголившуюся рану, а Киемаса махнул второй рукой. Исикава, словно послушный пёс, протянул мне свиток с печатью Кумадзава, вырезанной из кости. После синоби сразу удалился. Он редко присутствовал на советах, мог находиться в потайной комнате неподалеку, на случай нападения.

— Кумадзава? — спросил я, и без того очевидные вещи. Свиток из плотной бумаги пах деревом, на нем была печать. Была ещё шелковая лента, но, видно, отец уже всё читал.

— Читай, — твёрдо приказал отец. — Читай вслух.

В горле пересохло, когда я начал разворачивать бумагу. Я не знал, что именно написано в свитке, но догадывался. Размашистым почерком, без мягких углов, было написано следующее:

«За покушение на жизнь члена клана Кумадзава, за нанесение оскорбления чести и достоинства мы требуем голову наследника клана Цурута.

В случае невыполнения условий клан Кумадзава омоет кровью ваши земли.

Срок выполнения наших условий — три дня и три ночи.»

Подпись: Кумадзава Коцу.

Пальцы окоченели, сжимая ультиматум, а язык словно онемел. Кумадзава требуют мою голову

— Паршивец Коцу считает, что ваш сын ранил его старейшину! — высказал один из вассалов.

— Это угроза войны! Требовать голову наследника клана — немыслимое оскорбление! — кричал другой. В зале началась дискуссия, а я молча смотрел на бумагу, не зная, что и сказать. Они считают меня убийцей.

Постойте. Не убийцей. В письме четко сказано о покушении. Должно быть, Тоёмицу выжил.

Мой взгляд тут же устремился за дверь, где скрылся Исикава.

— Тихо! — громко объявил Киемаса. — Я не стану казнить сына, имея на руках лишь этот ультиматум.

— Что же вы собираетесь делать? — подал голос подал Ясутоки и чуть покашлял. — У Кумадзава огромная боевая мощь и дикий нрав.

Отец напрягся и посмотрел на старейшину чуть свысока. Говорить такие вещи означало вызвать ещё больший гнев главы клана.

— Не вам мне говорить о военной мощи Кумадзава. Их агрессия управляет оружием больше, чем разум, тем не менее война не нужна ни нам, ни им. Если Коцу посмел обвинить наш клан в таком преступлении, то у него должны быть неопровержимые доказательства.

— У него есть эти доказательства! Неужели вакидзаси господина Мицуру недостаточно? — продолжил Ясутоки. Все были правы. Для Кумадзава мой меч — это улика, с которой сложно спорить.

— Да, и показания Тоёмицу! Я слышал, он прямо указал на наследника!

Тоёмицу сам указал на меня, несмотря на то что ранила его Каэдэ. Какая чертовщина. Даже нога заныла от таких новостей.

— Мицуру ходить сам не может, — парировал отец, а я опустил голову от стыда, — не то что бежать через леса ради ранения Тоёмицу.

Вдруг балаган прекратился. Спорить здесь было нельзя. По их лицам я понял, что думают они об одном и том же. Клан Цурута упорно кто-то подставляет. И либо это какой-то синоби, выдающий себя за меня, либо Тоёмицу лжет. Так, наверное, думают они, но я уже понял: Тоёмицу действительно лжец, по крайней мере, мне хотелось верить Каэдэ. Если он все же лжёт и нарочно славливает кланы, то для чего? Он, как старейшина, должен понимать, что это ни к чему хорошему не приведет.

Снова в тупике, и не знаю, что делать и что говорить. Если они узнают о Каэдэ в моих покоях, то

— Мицуру, где твой меч? — резко спросил отец, и все мигом уставились на меня. Врать и выдумывать байки я не стал.

— Он остался в лесу после стычки с медведем, — прямо ответил я. По залу пронесся шёпот.

— В лесу Кумадзава? — Ясутоки чуть поерзал.

— Да, я был на границе. — Снова многозначительные вздохи.

— Это полное нарушение всех правил, — шептали вассалы, старейшины, но мой отец молчал. Наверняка он знал о вылазке Хаятэ и обо всем, что следовало за ней. Для него не новое появление в лесу. Но тупик от этого тупиком быть не перестал.

— Мы будем настаивать на своем, — наконец-то объявил Киемаса, что вызвало очередную волну возмущений. Я слышал, как некоторые говорили что-то о Хаятэ. — Мы не станем вестись на подобного рода провокации. Принесите бумагу, мы напишем ответ Кумадзава Коцу.

Тут уже уставился на отца я. Отчасти с благодарностью, отчасти настороженно. Как можно доказать Коцу невиновность нашего клана? Он ослеплён не только яростью за опороченную честь, но и ненавистью к нам.

Несомненно, радует, что Киемаса решил не отсекал мне голову за этот промах, но если это позволит избежать кровопролития между кланами, я готов пожертвовать собой. Сделать сэппуку*.

Скоро слуги принесли отцу бумагу и кисти. С ровной осанкой, величественным видом он принялся писать, не озвучивая ничего никому. Уверен, он принял решение до того, как собрал совет.

— Что вы пишете, господин? — опять Ясутоки. Этот мужичок неуверенно привстал и снова сел.

— Лишь то, что сказал. — Отец писал, я же продолжал ждать. Навряд ли отец вызвал меня лишь как немого зрителя. — Готовьте оборону земель, но в бой не вступать. Границу не переступать. У нас три дня.

Мужья поерзали на соломе, и, когда Киемаса всем кивнул и запечатал свиток, все стали подниматься со своих мест. Многие из них сразу же направились на выход.

— С Кумадзава бесполезны разговоры.

— Да, нужно готовиться к войне.

Вассалы обеспокоены, как и все: с сегодняшнего дня начнется усиленное вооружение. Средства и без того шли на оружие, но из-за возможной кампании траты вырастут куда больше.

Скоро в зале остался лишь я и Киемаса, держащий в руках свиток. Фусума задвинулась, и он бросил на меня гневный взгляд.

— Ты знаешь, что это значит? — раздражённо спросил он.

— Знаю. Я совершил непростительную ошибку. — Опустив голову, я стиснул зубы.

— Да. Даже если нас подставляют, доказать это просто так мы не сможем.

— Я понимаю. — Сжав край татами, я не решался смотреть на отца, но все же пришлось. Злить его и оказывать неуважение было недопустимо.

— Их ультиматум дерзок, но не беспочвенен. Наши кланы должны были сойтись в прямом столкновении рано или поздно. — Киемаса встал со своего места и спустился на уровень ниже, начиная медленно идти на выход.

Это ещё со времён наших отцов, когда делили земли и ресурсы. Кумадзава претендовали на часть равнинных земель, а Цурута — на часть леса. Но никто не захотел делиться. Поэтому мы покупаем древесину втридорога, а они — рис.

— С этого дня тебе нельзя покидать свои покои. Часть вассалов недовольны возникшими тратами, они готовы отдать твою голову, дабы избежать войны. Тебе стоит помнить: у меня не один сын. — С этими словами в моей груди поселилась пустота. Киемаса вышел из зала, держа в руке свиток, а я наконец плюхнулся на татами и провел рукой по лицу.

Здрав подол, увидел, как бинты пропитало кровью. Скоро эта кровь будет повсюду.

7 Каэдэ

Скоро, после въезда в город, смех детей и голоса торговцев сменились музыкой и женским смехом. Не знаю, куда именно меня привез Исикава и что он задумал, но я точно улизну, как только он остановит повозку. Этот шум действовал мне на нервы. Слишком непривычно было в сравнении с тихим поместьем в лесу.

Находясь под пологом, я спрятала кусаригаму под одежду. Когда мы остановились, бежать я не успела. Только выпрыгнула из повозки, как развернулась и врезалась в грудь мужчины.

— Иди вперёд, — приказал он, а я чуть отскочила от него в сторону, будто боясь, что он всё-таки зарежет меня. Закатив глаза, он всё-таки взял меня за воротник и повел за собой. Я чувствовала себя униженной. Так за шкирку меня ещё никто не таскал, но у него, видимо, это такой почерк.

Оглядываясь, я подмечала каменные переулки, скромные деревянные вывески и девушек с набеленными лицами, замудренными причёсками и шелковыми одеждами. Они были одеты вычурнее господ из знакомых мне самурайских кланов.

Мимо шли страшные мужчины со шрамами, а некоторые — с соломенными шляпами — амигаса. В таких шляпах ходили и старики. Один такой проходил мимо, горбатый и с бамбуковой тросточкой. Не спуская взгляда с дороги, Исикава снял шляпу с дедушки и грубо надел на мою голову, закрыв лицо.

Я была удивлена такому невоспитанному поведению и хотела что-то сказать, но, открыв рот, тут же его закрыла.

Скоро мы дошли до ворот и стражи. Затаив дыхание, постаралась в очередной раз улизнуть, но и в этот раз была схвачена за воротник. Как же это раздражает.

— Так это же Исикава, — вскинул руки молоденький стражник с яркой улыбкой. Я настороженно следила из-под шляпы и за стражей, и за Исикавой. Тот на такое тёплое приветствие лишь кивнул.

— Госпожа О-Рин будет рада тебя видеть. А это кто? — по лбу теперь скатилась капелька пота. Я не понимала, где мы и куда идём, что за госпожа О-Рин. Я ничего не понимала.

— Это пополнение, — грубо произнес он, и один из стражников, смеясь, коснулся моей шляпы, но тут же одернул руку, встретившись взглядом с синоби. Стражники странно глазели на меня, а когда Исикава сказал о непонятном пополнении, они переглянулись.

— Тогда я должен обязательно прийти к госпоже О-Рин, чтобы лично посмотреть на пополнение от вас, — юноша, краснея, почесал затылок и отошёл от ворот.

— Тебе для такого денег не хватит, — отвечал второй, стукнув первого по плечу. Они казались друзьями. Первый надулся и фыркнул.

— Кто бы говорил. Ладно, Исикава, проходи.

Наконец-то путь был свободен. Синоби продолжал держать меня за воротник, наверное, боялся, что убегу.

В этом квартале царила атмосфера веселья. На некоторых домах висели красные бумажные фонарики, а на вывесках — названия чайных домов.

— Погодите-ка секунду, — босыми ногами я упёрлась, чтобы он не тянул меня за собой. Чуть приподняла шляпу и окинула квартал взглядом. Здесь снова были девушки с набеленными лицами, но их причёски, украшения, одежды были богаче. А вывески указывали на чайные дома.

Вдруг на меня снизошло озарение. Двор развлечений Юокаку. Теперь всё стало понятно, поэтому тут так много красивых женщин. Вот я увидела, как один из богатых мужчин ушел с одной из таких дам в двери дома.

Как этот синоби Исикава посмел привести меня в такое место? Всё хоть и выглядело ухоженно, в отличие от мест за пределами квартала, но теперь мне казалось, что здесь воняет непотребством, грязью и... похотью? Нет, это место точно не для меня.

Хмурясь, снова начала вырываться из хватки синоби.

— Решил сдать меня в публичный дом? — возмущалась я, брыкаясь, а Исикава лишь раздражённо вздохнул и обхватил меня руками, словно путами. Он был силён, но я настойчивая.

— Нет, я не стану куртизанкой! — уже начала кричать и пытаться ударить синоби своей краденой соломенной шляпой. Тогда он завернул её так, что она полностью оказалась на моем лице. Я ничего не видела, но была уверена, что вся улица смотрит на этот спектакль.

— Ммм... ты не имеешь права! Я гос...

Не успела высказать свой главный аргумент, как в глазах потемнело и тело обмякло в руках негодяя.

Открыла глаза я уже в некой комнате. Голова раскалывалась, будто меня ударили и я потеряла сознание. Должно быть, Исикава вырубил меня. Пытаясь прийти в себя, я поняла, что лежу на мягком футоне с шелковой простыней. Рядом дымились благовония со сладким запахом. От него голова болела ещё больше.

— Ах, уже встала! — раздался приятный женский голос, прежде чем из-за двери вышла высокая, статная женщина. Её косодэ слегка спущено с плеч, — какая пошлость, ноги слегка приоткрыты.

— Кто вы? — я тут же попыталась достать свое оружие, но перестала дышать, осознав, что его нет. — Не приближайтесь!

— Ах какая резвая, не всем клиентам нравятся дикарки... — мурлыкала незнакомка, поджав губы. — Девочки, нам придется хорошо поработать, если хотим сделать из неё красотку, — скривив лицо и оценивающе окинув взглядом, она цокнула языком. А я смущённо прикрылась руками, хотя и так была в одежде.

— Исикава, в следующий раз приводи кого-то... более настроенного на работу, — она усмехнулась и, подойдя ближе, схватила меня за подбородок. От неё пахло ягодами и свежими травами. Меня от такого запаха, хоть и приятного, чуть не стошнило.

Пыталась одернуть подбородок, но хамка сжала его сильнее.

— Открой рот, — велела она все тем же спокойным голосом. Вдруг в комнату вошёл Исикава.

— О-Рин, ну что ты... Отпусти уже девчонку.

Увидев его, я тут же оттолкнула руками женщину и бросилась к синоби, схватив андон, стоящий рядом. Не успела добежать до него, как меня тут же схватили за хвост. Та женщина притянула меня к себе, держа за волосы, а Исикава даже не дрогнул.

Моё сердце было готово к побегу. Я снова оказалась в ловушке.

— Пустите! Как вы смеете! Я госпожа!

— А-а-а, — злая дама помахала пальцем у моего носа, — Посетителям нравится, когда наши девочки называют себя господами, но всё же не стоит об этом кричать. Верно, Исикава?

Меня словно парализовало от страха. Её голос хоть и был словно пение птицы, но всё-таки леденил душу.

— Пусти её, — Исикава равнодушно облокотился на стену.

— Ты всё такой же... — она дернула носом и показательно отпустила волосы. Я снова сжала в руках «оружие», но это их не сильно волновало. — Какой угрюмый и занудный, — эта дамочка подошла к Исикаве и положила голову ему на плечо. — Наши девочки помогут тебе расслабиться. Для тебя, мой милый друг, сеанс бесплатно. Хочешь выпить с ними чай?

Исикава, проворчав что-то невнятное, потряс плечом, сбрасывая лишний груз.

— Или сразу десерт? — она неохотно убрала с него подбородок и игриво провела пальчиками по его груди. От такого зрелища даже я растерялась.

— Ты, — грозно взглянул на меня Исикава, — останешься здесь.

— В борделе? — пища от страха и нервов, спросила я. — Ты, глупый синоби, решил так меня унижить? Потом небось побежишь к своему Цурута, и он тебя по головке погладит?

— Если ты всё-таки не врешь и Тоёмицу действительно лжет, то он попытается избавиться от свидетеля. Останешься здесь у О-Рин.

— Я не останусь здесь! — в этот раз я рванула к окну. Думала, с разгона смогу разорвать бумагу и выпрыгнуть.

— Вот дура, бежишь, и люди Тоёмицу найдут тебя. Особенно если на каждом шагу будешь орать о статусе, — усмехнулась О-Рин, а Исикава даже не пытался меня остановить, и я замерла у самого окна, стиснув зубы. Возможно, он прав. Я не знаю, я запуталась.

— Твой отец жаждет крови. Ты единственный ключ к решению этой проблемы.

В горле встал ком, а руки задрожали.

— Пока ты будешь здесь. Я приду за тобой, когда понадобится. Не думай, что можешь делать что вздумается, и уж тем более, что я помогаю тебе, — холодно заметил синоби.

Снова какая-то клетка, и снова из шелковых нитей и золотых прутьев. Глупо было надеяться на настоящую свободу. Но как бы я ни упрячилась, он прав.

— О-Рин, пристрой нашу госпожу на роль камуро*.

Я снова ошетичилась. Этот синоби вообще думает, что делает? Я могу быть хоть служанкой у богатых вассалов, хоть торгашкой на рынке, но быть работницей дома развлечений? Ну уж нет.

— Я не могу остаться в... — очень хотелось грубо выразиться, и по моему лицу это было очевидно. — В чайном доме.

— Ох, дорогая, тебе понравится! — эта женщина наигранно улыбнулась и похлопала в ладоши. Словно по команде, в комнату вошла пара помощниц, державших ящики. Они оперативно принялись доставать платья, косметику.

— Нет, уж лучше убейте! Я не стану куртизанкой!

Я сопротивлялась как могла, но пара девушек схватили меня. Исикава, устало вздыхая, подошёл ко мне.

— Перестань брыкаться. Ты не пленница и уж тем более не куртизанка.

Мои глаза начинали щипать от слёз, и я клала зубы, совершенно не обращая внимания на слова окружающих. Служанкам О-Рин приходилось прикладывать больше усилий, чтобы хотя бы начать расчёсывать мои волосы.

— Да, чтобы стать, как ты выражаешься, «куртизанкой», нужно как минимум стараться. А ты будешь лишь на побегушках у моих женщин, — О-Рин ткнула пальцем мне в нос, а я, словно пёс, впервые оказавшийся на цепи, чуть не откусила этот пальчик.

Пропади пропадом этот Цурута. Этот Тоёмицу. Всё это.

Исикава вышел из комнаты, оставив меня с этими, как мне казалось, распутными женщинами. Мои волосы тянули деревянным гребнем в разные стороны. Я испытала весь спектр унижений, но, прикусив губу, старалась не разрыдаться при них. Они бы наверняка лишь обрадовались.

Наверное, мне стоит привыкнуть к постоянным поражениям. К постоянному провалу и грехопадению.

Господи, если бы только всё могло вернуться назад... Я была бы смиренной, учливой ко всем... Я бы не покидала поместье и стала дочерью, о которой мечтал отец.

Руки совсем опустились. Меня набелили, собрали волосы и хотели ещё омыть тело и платье надеть, но я не позволила. Лучше я сама это сделаю, чем позволю им ко мне так прикасаться. О-Рин вышла, служанки за ней, а я осталась одна.

Взяв с ящика небольшое зеркало, заглянула в него. Такую себя мне приходилось видеть лишь однажды. На обряде совершеннолетия – моги.

Сбросив с себя одежду Мицуру, взяла тряпку и опустила в воду, которая пахла хвоей и рисом. Пока меня пытались успокоить и удержать, вода остыла. Поэтому, когда начала протирать грудь, живот и, конечно, израненные лодыжки, слегка поморщилась. Это освежило мое тело и разум.

Теперь, оставшись наедине с собой, я могла подумать или придумать план. Вот только знала бы я чуть больше. Знала бы, что происходит в клане.

8 Мицуру

Сказать, как я добрался до своих покоев, сложно. Мой мозг пытался работать, соображать хотя бы немного, но жгучая боль в ноге лишь отвлекала.

Потеряв от боли сознание, я пришёл в себя уже в покоех, в окружении служанок и старенького доктора. Видимо, слуги помогли добраться до футона.

— Рана открылась, — лекарь принялся снимать повязку, а я, прошипев от боли, указал слугам на дверь. Не хватало мне свидетелей.

— Да уж, спасибо, я заметил, — усмехнувшись, откинул голову на подушку и положил локоть на лоб.

— Я оставлю вам мази и ткани, — теперь старичок разложил инвентарь рядом с моим матрасом. — Пусть ваши слуги меняют их чаще. Я постараюсь бывать у вас чаще.

— Не стоит... Я сам всё сделаю, — отмахнувшись, уставился в потолок. Скоро нога перестанет меня беспокоить, как и всё остальное. Я понимаю сложность ситуации, но на душе всё же горечь. Мой отец защитил меня перед Советом и Кумадзава, но лишь для поддержания авторитета; на самом деле он пожертвует моей жизнью в случае необходимости. Не могу винить его в этом. Только, сидя в покоех, едва ли я могу быть чем-то полезен.

Судя по всему, через три дня либо начнётся война, либо меня казнят. Но Киемаса воспринял их ультиматум как оскорбление, потому навряд ли будет слепо следовать их указке. По крайней мере, я бы не казнил себя. На месте отца потребовал бы проведения расследования, допроса свидетелей.

Уж не знаю, что и как, но с поиском свидетелей и улик я помочь не смогу. Единственный свидетель — это Каэдэ, которую я отправил в город. Она навряд ли знает об ультиматуме. А скроется она не только от Кумадзава, но и от Цурута. Рассчитывать на неё не имеет смысла.

При мысли о Каэдэ моё беспокойство усилилось. Хотелось верить, что синоби Кумадзава не схватят и не казнят её.

Пока я погружался в размышления и пытался не заскулить от боли, лекарь закончил с моей раной. Выглядела она неважно и пахла дурно. Я не особо разбираюсь, но думаю, что в этом ничего хорошего нет.

— Наносите мазь на основе мурасаки три раза в день.

Советы по лечению я перестал слушать примерно сразу. Не мог избавиться от гнетущего ощущения. Воздух перестал пахнуть травами и снадобьями. Хотелось просто, чтобы всё снова стало на свои места.

Старик продолжал болтать про другую мазь, про воду. Может, что нужно пить больше воды? Даже не знаю? Воробьи? Супы? Ёлки? Неуверен что вообще правильно расслышал.

Я даже не сразу услышал, как он попрощался и ушел. Едва сумев перевернуться на бок, прикрыл глаза. Вспоминал Хаятэ, который, возможно, станет следующим главой клана; Аои, которая выйдет замуж и родит наследников какому-то самураю, и Каэдэ, которую я никогда не увижу.

Фусума отодвинулась, и в комнату прошмыгнуло, судя по шагам, шёпоту и соловьиной трели в коридоре, несколько человек.

— Тихо, Аои, — велел Хаятэ, прижимаясь к стене и подслушивая, не приближается ли кто-то. Наверное, играл в синоби. Аои же вела себя тихо, прикрывая ладошками рот.

— Я молчу...

— Тихо! Ш-ш-ш! — шикнул мальчишка, а сестрёнка нахмурилась и надула щёки. — Вот куда с девчонками в разведку? Ты глянь, та ещё болтушка! — теперь Хаятэ с укоризной покачал головой, отчитывая сестру.

— Если хотите оставаться незамеченными, то не ходите по соловьиным полам, — на этот раз я не был рад появлению брата и сестры, поэтому перевернулся на другой бок, стараясь не напрягать ногу.

Хаятэ весь покраснел, будто ему сказали что-то неприличное. Аои тихо ойкнула, глядя на братишку.

— Мицуру прав, там же полы скрипят...

Мне стало не по себе. Младшие заметно поникли, и без того мрачная атмосфера стала хуже. Слышал, как они неловко стояли у входа, будто не родные. Я же молчал и думал, что они уйдут. Не хотел, чтобы их снова наказывали из-за меня.

— Вам нельзя быть здесь, — тихо добавив, потянул на себя одеяло. Мне казалось, в комнате было холодно, но по лбу скатился пот.

Теперь с их стороны послышался шорох, и сразу двое прыгнули на меня. Я чуть не накричал на них, но маленькие ладошки прикрыли рот. Руки Аои и Хаятэ пахли сладостями — должно быть, украли их и поделили между собой.

— Тихо, братик! — сидя сверху, молила сестрёнка. Я был поражен: обычно она вела себя более рассудительно и не стала бы затыкать мне рот.

— Обещай, что не будешь кричать? — Хаятэ чуть приподнял ладонь свою и сестры, будто проверяя. Излучая полное негодование, я все же кивнул.

— Молодец, брат, — теперь этот маленький хулиган потрепал меня по волосам, как будто он старший брат, а не я. Я прорычал в ответ.

— У нас Хаятэ предложил план, как помочь тебе! — радостно завизжала Аои, на что Хаятэ испачканными в сладостях руками закрыл ей рот.

— Вот же девчонки. Вечно суетятся, — ворчал и, гордо задрав нос, стал расхаживать по комнате как великий стратег. От такого пафоса даже я чуть воодушевился. Может, этот зелёный бамбук сможет предложить нечто стоящее?

— Да, план гениальный. Можете восторгаться мной, но только тихо! Шшш! — он показушно приложил палец к губам и повернулся к нам на пяточках. — Я сегодня с мальчишками провел операцию под названием «спасение старшего брата».

— Операция?

— Да, — снова восторженно начала болтать Аои, — они молодцы!

— Мы проверили наш лаз. Он оказался зарыт. Тогда мы выяснили, что Исикава его велел уничтожить, прежде чем уехал в город.

Хаятэ имел дурную привычку рассказывать издалека и говорить таким голосом, будто он не просто сходил до стены, он совершил целое кругосветное путешествие! Но мне обычно нравилась эта его непосредственность. А сейчас его слова меня напрягли.

Исикава лично уехал в город. Высокопоставленный синоби, который чувствует неладное, словно свинья трюфели. Нет, он должен был отправить синоби низкого ранга.

По спине пробежал холодок. Наверняка Исикава что-то заподозрил и убил Каэдэ.

Я не слышал часть приключений брата, но его следующие слова меня поразили.

— И поэтому ты бежишь через новый лаз, — он четко поставил точку и улыбнулся.

— Хаятэ, я? Бежать? — с недоверием приподнялся на локтях.

— Да, мы с Хаятэ и мальчишками отвлечем стражу, а ты бежишь.

Значит, даже дети в курсе моего положения. Боятся, что меня казнят. Конечно, слухи быстро распространяются. Да и они ведь не слепы и прекрасно видят, что все готовится к войне.

— Я не могу бежать, — вздохнув, указал на больную ногу. — Я должен оставаться здесь.

Хаятэ начал тяжело и громко дышать от гнева, Аои мотала головой. А мне вместо озноба стало невероятно жарко. Дышать стало тяжелее, будто опять Хаятэ надавил на грудь, но он стоял в стороне.

— Что происходит в клане? — смахивая пот, я попытался сесть удобнее, но ничего не вышло, и я обессиленно упал на подушку. Опять лихорадка. Почему нога не может оставить меня в покое?!

— Все говорят, что отец готовится к войне.

— Хаятэ опустился на корточки и сел у моих ног, а При приложила руку к горящему лбу. Затем, цокнув языком, приволокла ведро из угла комнаты и сделала компресс.

— Если ты из-за ноги не можешь уйти, то мы спрячем тебя где-нибудь. — Аои поджала дрожащую губу и взяла меня за руку. Моя рука выглядела гигантской в сравнении с её. Хаятэ же сидел молча, может, придумывал новый план.

— Нам негде его здесь прятать — брат отвел взгляд в сторону, сдерживая обрушивающееся на него отчаяние. Он прав, спрятать меня не получится. Зная синоби своего клана и озлобленных Кумадзава, так просто мне не спрятаться. Исикава предан отцу; если он нашел Каэдэ, то, безусловно, считает меня предателем. На его помощь рассчитывать никак нельзя, а на помощь остальных слуг — и подавно. Да и бежать я бы не стал. Лучше я останусь дожидаться смерти здесь, в окружении брата и сестры.

— Не печальтесь, — сквозь жар я улыбнулся, сжимая ручку Аои.

— Не говори ерунды! — выпалил Хаятэ, подскакивая на ноги. У него текли слезы и сопли, а все крохотное тело дрожало. — Не печальтесь?! Они хотят тебя казнить! Хотят казнить наследника клана Цурута! Я слышал!

— Слышал?

Наверняка Хаятэ спрятался и подслушал разговор совета. Когда он был младше, его поймали на этом, и он три дня стоял на досках.

Сейчас у меня щемило сердце от слез брата, вызванных отчаянием.

— Если ты не хочешь бежать — он начал тереть глаза, но слезы не прекращались. Аои тоже начала хныкать. — То откажись! Откажись от титула наследника клана! — его голос сорвался, руки сжали ткань косодэ.

Мне казалось, у меня что-то сломалось внутри.

— Хаятэ, не смей такое говорить! — отпустив Аои и сбросив со лба компресс, я озверел. Если я откажусь от титула наследника клана, то мое место займет Хаятэ.

Тогда Хаятэ, стиснув зубы, рванул прочь из моих покоев со слезами на глазах. Я бросился следом, но не смог добраться до фусумы: боль и лихорадка парализовали мое тело.

— Хаятэ... — хрипя, протянул руку к двери, но не смог ничего сделать.

9 Каэдэ

На улице темнело, и голоса в борделе становились всё громче: смех, стоны. Всё выводило меня из себя. Ничего не хотелось делать, и уж тем более помогать в этом распутстве. Я хотела быть послушной, но это было невыносимо. Само пребывание в квартале Юокаку было невыносимо.

А ещё я не ела со времён обряда моги. Голод заставил меня выбраться из своего угла, в котором я просидела весь день, и пойти на поиски чего-то съестного.

Коридор был украшен рисунками тушью, в углах — живыми цветами и лампами. Всё создавало интимную обстановку.

— Всё-таки решила выйти? — посмеялась О-Рин, подхватывая меня за руку и ведя за собой в большой зал, где царил хаос. Мужчины и женщины пили сакэ, веселились и беспардонно обжимались. Какая дикость.

Инстинктивно я попятилась назад, но стальная хватка этой настырной женщины меня вмиг остановила.

— Такие, как ты, лишь носят напитки, угощения, а ох забыла меняют простыни, — она говорила это так легко, будто в этом нет ничего страшного и отвратительного. Радовало одно: я не в числе женщин для утех. Мне не хотелось снова резать кого-то и оказываться в таком ужасном положении. К тому же мою кусаригама забрали, когда я была без сознания. Пока я здесь, не мешало бы найти хоть что-то, похожее на оружие. Но в глаза бросались лишь шёлк и позолота.

— Будь проще, — теперь О-Рин обняла меня за плечи и повела на подушки в свободном углу. Там уселась, ничуть не переживая за обнажённые ноги. — Тебе стоит усвоить один важный урок. Подчинение не всегда плохо.

— Какой вздор — пробубнила я, скрещивая руки на груди и подпирая стену.

— Ты женщина, а кусаригама или вакидзаси — не единственное оружие женщины и не самое сильное, — теперь она кивнула в сторону богатого вельможи, который скромно стоял у стены. Проследив за её взглядом, я прищурилась. — Посмотри. Он пришёл с другом. Настроен к таким заведениям скептически. Ах, он ещё и женат.

— И что с того? Очередной негодяй, — мои слова лишь рассмешили О-Рин. Её смех был таким звонким и казался мне ненастоящим, но тот вельможа быстро обратил на неё внимание и покраснел. — Что такое? — удивлённо хлопая глазами, я снова посмотрела на О-Рин.

— Ничего, смотри, что женское обаяние делает даже с верными мужьями.

Ничего глупее я в жизни не слышала, но она была так в себе уверена, что мне хотелось посмотреть на её величайший провал.

О-Рин лишь слегка повела рукой, и этот мужчина пришёл, как будто она держала его на поводке. Что же, я была невероятно удивлена.

— Милая, принеси нам сакэ, — теперь она раздавала мне приказы. Хотелось возмутиться, но, прикусив язык, я постаралась вежливо откланяться и пойти за алкоголем. Где он находится, я, разумеется, не знала, как и не знала, в чём смысл этого урока флирта!

Блуждая по дому в поисках сакэ, услышала разговор нескольких мужчин, что пили чай с девушками.

— Скоро самурайские кланы столкнутся, — говорил один, а второй хихикал.

— Да, экономика города взлетит. Слышал, у Кумадзава не только старейшину ранили, но и дочь пропала, — теперь голос стал заговорщицким. Чуть насторожившись, прижалась к стене ухом.

— Ой, да куда она пропала? Наверняка сбежала. Слышал, она часто по лесам шлялась. Дорогая, налей чаю, чего ты? — женщины продолжали сидеть скорее как украшение, нежели собеседники.

— Не хочу чай, — один из гостей поднялся и направился к двери. Я тут же поспешила прочь, но не успела скрыться.

— Эй, ты! — по спине пробежал холодок: неужели меня поймали за шпионажем? — Принеси нам сакэ! И побыстрее!

Фух. Выдохнув с облегчением, я кивнула и, скрипя зубами, выдавила:

— Да, господин.

Этот сплетник ещё имеет наглость мне указывать? И почему-то сейчас не смогла просто фыркнуть и потребовать вежливого обращения, как это было с Мицуру. Может, потому что скорее хотела увильнуть от пьяных прелюбодеев, либо дело в чем-то другом. Не знаю.

Скоро нашла кухню, откуда все камуро носят сакэ. Взяв бутылку и откупорив, понюхала. Признаться честно, было желание сделать глоток, несмотря на отвратительный вкус и запах. Просто чтобы забыться? Но, высунув язык и кривясь лицом, закрыла бутылку. Нет уж, не стану я до такого опускаться.

Как настоящая помощница борделя, поплелась к той комнате с пьянчугами. Шла неохотно, разглядывая то один рисунок тушью на стене, то другой. Но всему приходит конец.

— Ну сколько можно ждать? — ворчал мужик с непонятно откуда взявшимся амбре. — Наливай, давай! Видишь, дамы ждут!

Снова он мнит себя господином. Так бы и ударила его по зубам, чтобы они рассыпались по полу, словно бусы. Но, сдерживая гнев, принялась разливать им сакэ, а они продолжали свои сплетни.

— Конечно, Цурута восприняли письмоцо как оскорбление! Эти напыщенные идиоты иначе не могут! — усмехнувшись, будто великий политический деятель, он осушил всё, что я ему налила. Пришлось снова налить.

— Конечно, но нам же лучше, — второй, кивая, усадил женщину на колени. — Хотя на месте этого засранца Киемаса я бы быстренько головешку отсёк мелкому. Чего уж? У него всё равно ещё есть! Да и обрюхатить служанку для него не проблема!

Теперь все начали хохотать. Наверное, сочли высказывание очень остроумным, но я только больше пыталась сдержать гнев. Как они смеют говорить то, в чем не разбираются?

— Да-да-да.

Я только успевала наполнять их фарфоровые чашечки. А разговор метался то к обсуждению политики, то к мирным новостям вроде «рисовые поля затопили на юге» или «жена родила от соседа» и прочей ерунде.

Чем больше и чаще наливала сакэ, тем веселее мне становилось, хоть и смотрела с отвращением. Пьянчуги словно выпили храброй воды. Они начинали критиковать всех, у кого была власть, рассуждать о развитии политического устройства в будущем. А самое главное, они ставили себя на место вассалов и представляли, как ведут войну. Как они смело размахивают нагинатой налево и направо. Не скажу, что я специалист уровня моего отца в военной сфере, но и эти тунеядцы не выглядят как те, кто вообще знает толк в войне.

Не сдержавшись, я хихикнула, стоя в углу с бутылкой сакэ. Бурное обсуждение вмиг прекратилось, и все уставились на меня. Из-за этого я даже поперхнулась.

— Милочка, — вскинул бровь самый горластый, — разве я сказал что-то смешное?

— Нет, что вы — тотчас помотала головой, сдерживая в очередной раз смех. — Просто вы так смешны

— Ах, смешны! — мужчина подскочил, сбрасывая с колен женщину. Та, взвизгнув, схватила его за плечи, а мне глазами указала на выход.

— Господин, не слушайте камуро! Она у нас совсем юная, глупая, — эта куртизанка всячески пыталась успокоить посетителя, но из-за смеха товарища он лишь больше надувался. Мне казалось, он вот-вот лопнет из-за своего раздутого самомнения.

— Ты бы, девчонка, лучше прикусила свой язык! — усмехнулся он, ставя руки в боки и выпячивая грудь; всё бы ничего, если бы его не шатало из стороны в сторону от большого количества алкоголя. — Лучше поезжай к тому старому засранцу Тоёмицу! Ох, он любит таких молоденьких, как ты!

Теперь уж я презрительно прищурилась, желая ударить его по голове. Моя смена настроения не ускользнула от взгляда этого хама, это его раззадорило, и он задрал нос, будто только что выиграл войну.

— Чего уставилась? Беги скорее! Сейчас этот раненый ублюдок требует молоденьких девушек себе в кровать! — чуть не споткнувшись о собственные ноги, он обхватил себя руками и изобразил объятия. Мне стало противно, и я убежала из комнаты, бросив там эту бутылку.

Почему-то меня это всё очень задело. В голове всплывало святилище и этот Тоёмицу. Живой, к большому сожалению. Почему он до сих пор жив? Мне казалось, рана была серьёзной! Почему? Почему он врёт? Живёт припеваючи, а Цурута, Кумадзава, Мицуру страдают? Почему я страдаю?

Я устала так часто плакать, но сейчас снова захотелось разрыдаться.

Быстро перебирая ногами, начала прокручивать слова этих пьяниц. Тоёмицу кого-то требует. Может, мне стоит Нет, какая глупость, его смерть ничего не решит. Отец лишь больше озлобится на Цурута, решит, что они подослали синоби. А если меня поймают?

Оказавшись у выхода из чайного дома, я успела прокрутить варианты. Хотела отправиться с теми девочками, которых выберут для Тоёмицу, но меня непременно узнают у ворот. Люди Тоёмицу убьют меня раньше, чем я доберусь до его покоев. Если бы я знала, кто работает на него, то ещё можно было попытать удачу, а так — нет.

— Ты что делаешь? — опять О-Рин, на этот раз в обнимку с тем самым мужчиной. Удивительно, как даже верные мужья сдают позиции. Прежде чем я повернулась к хозяйке дома, я промокнула глаза большими пальцами, осторожно, чтобы не стереть белила.

— Ничего — пробубнила, начиная спешно покидать коридор.

— Милый, — промурлыкала она клиенту, и он неохотно прошёл в первую попавшуюся комнату. Теперь она грозно окликнула меня: — Иди сюда, сейчас же.

Снова приказной тон. Снова я остоленела. И снова О-Рин игриво положила на меня свои ухоженные ручки.

— Дорогая, я вижу, ты что-то задумала, — она прошептала на ухо это так, что по шее пробежали мурашки, а волосы встали дыбом.

— Ничего я не задумала.

— Ах вот как? И не думала прыгнуть в повозку и поехать к Тоёмицу?

— Так вы знали И всё равно решили умолчать? — тут же одернула свои плечи и, развернувшись к ней лицом, подняла подбородок, демонстрируя то, что осталось от моей гордости.

— Конечно, — она усмехнулась, поправляя пальчиком краску на губах, которая была в виде алого бутона. — Ты бы совершила какую-нибудь глупость, разве нет?

О-Рин словно насмехается надо мной. Но в этот раз она ошиблась. Я всё-таки решила не прыгать в эту повозку и думала, как бы ещё исправить ситуацию.

— Госпожа О-Рин! — приподняв подол, по коридору бежала одна из помощниц. Судя по образу, в её руке был свиток с яркой ленточкой. Госпожа то есть главная женщина тут же нахмурилась и закатила глаза.

— Вот же опять эта гильдия я же в том месяце платила налоги, — фыркнув, выхватила свиток.

— Но госпожа О-Рин, мы платим налоги каждый месяц! — девушка поклонилась, а О-Рин цокнула языком.

— Я знаю

Пока они обсуждали налоги, в мою голову закралась, как мне показалось, гениальная мысль. Если О-Рин права и кусаригама и зубы не главное оружие, то настало время попробовать ещё одно. Только для этого придется делать то, что я терпеть не могу.

— У меня разболелась голова, я, наверное, прилягу, — я старалась сделать вид немощной бедняги, но актриса из меня не очень хорошая, поэтому для пущей убедительности приложила руку ко лбу.

— Конечно, конечно, — О-Рин уже развернула свиток и отмахнулась от меня. Жаль, всё-таки моя актерская игра была предназначена для неё.

Держа идею в голове, я поспешила в покои, где провела весь день. Я бежала так быстро, что, наверное, молния бьёт в землю медленнее. Я перерыла всю комнату, но не нашла того, что было необходимо. В комнатухе даже ширмы не было и шкафа.

Метаясь по комнате словно вихрь, я перевернула всё вверх дном. Затем переместилась в коридор и в комнату напротив. Там одна из моих «коллег» была с гостем. Они мило общались и курили, а когда я зашла, они только хихикнули и жестом пригласили сесть. Конечно, я принялась носиться и по этой комнате. Так продолжалось до тех пор, пока не нашла маленький лакированный ящик.

— Ну, наконец-то! — воскликнула я, чем ещё больше рассмешила людей. Затем, прижав ящик к себе, снова вернулась в покои.

В ящике находились брусочки туши, подложка, бамбуковые кисти и бумага. Может, конечно, О-Рин пыталась преподать мне совершенно иной урок, но ведь важно не что она вкладывала, а что я вынесла.

Приготовив всё к «занятию» каллиграфией, я впала в ступор. Меня начали одолевать сомнения. Что написать? Поверит ли отец? Не перехватят ли моё письмо? Как я могу доверять этим незнакомцам?

Схватившись за волосы и дёргая их в разные стороны, я взывала. Слишком много всего нужно было учесть. Наверное, вместо леса мне стоило играть в сёги*.

Прикусив губу, я всё-таки принялась писать. Не знаю, выйдет ли из этого что-нибудь, но сидеть сложа руки нельзя. Ни тогда, когда из-за меня смерть угрожает другим. Я обязательно должна написать правду. Лжи вокруг отца и так много, да и ложью ничего исправить не смогу.

С большим усилием, своим кривым почерком я вывела на бумаге предложение:

«Отец, я ранила Тоёмицу в святилище Хатимангу.

Твоя дочь Каэдэ.»

Свернув бумагу в несколько слоёв, стала думать, как и с кем передать. Первое, что пришло в голову, — это использовать маленькую баночку с белилами. Найдя в ящике с косметикой керамическую баночку, тут же высыпала белый порошок в ладонь. На дно баночки положила бумажку, сверху — белила. Чуть всё спрессовав пальцами и закрыв, спрятала под рукав.

Честно говоря, не знаю, какая куртизанка решится помочь мне и не сдаст при первой же возможности. Такая девушка должна быть смекалистой, искусной шпионкой. Но такую найти за пару минут мне кажется невозможным!

Решив в очередной раз попытать удачи, я поспешила на улицу. Повозка с куртизанками должна быть у ворот, там останавливался Исикава.

Вся улица была освещена красным из-за бумажных фонарей на окнах. Это создавало особую атмосферу. Наверное, в квартале Юаку веселье царит и днём, и ночью. Но кроме атмосферы, в полумраке лица женщин и девушек было сложно различить, особенно полностью покрытые белилами. Потому я не особо переживала, что здесь меня кто-то узнает. Да и едва ли бы кто-то искал меня в таком месте.

Чуть поодаль увидела группу женщин из элитного дома О-Рин. Эти дамочки были совсем юными, а я и подумать не могла, что Старейшина Тоёмицу действительно любит помоложе. От этого кровь вскипела от отвращения.

Пробираясь через шумных гостей квартала, уже начала терять из виду куртизанок.

— Девушка, вы из чайного дома О-Рин?

— Давай познакомимся! — болтали некоторые незнакомцы, но я их игнорировала и пыталась скорее передать пудреницу. Наконец я преодолела ворота.

Девиц уже усадили в повозку, экипаж должен был вот-вот тронуться. Мне оставалось метров десять.

Краем глаза заметила пару самураев в доспехах Цурута. Старалась не смотреть на них, не привлекать внимание. Их форму, походку я могла узнать за километры: у меня всё это врезалось в кору головного мозга. Только почему-то картинка с этими самураями никак не стыковалась с теми, кого я видела в поместье Цурута. В глаза бросилась их расхлябанная походка; доспехи хоть и были с гербом в виде журавля, но надеты небрежно.

Услышала ржание лошади, и вдруг повозка тронулась. Нервно сглотнув, хотела рвануть следом, бросить пудреницу с запиской и убежать, но ведь без инструкции вряд ли кто-то что-то поймет.

Ноги всё-таки повели вперёд, не разбирая дороги. Повозка набирала скорость. А я второпях столкнулась с чем-то твердым, с перепугу зажмурилась, носом стукнулась о что-то металлическое. На плечах почувствовала твердый хват, а пудреница плюхнулась в грязь.

Подняв глаза, тут же опустила их, не желая смотреть на молодого человека. Это был юноша с родинкой на лице. Он был мне знаком.

— Солнышко, ты чего тут бегаешь? Хозяйку потеряла? — голос был ласковым, и в обычной ситуации я бы не чувствовала угрозы.

На его вопрос виновато склонила голову и кивнула.

— Бедняга, — он поставил меня на ноги, словно ребенка. Я была возмущена, но и напугана. На нем была форма клана Цурута. В этот момент я молила Хатимана, чтобы парень меня не узнал.

Краем глаза заметила, как он бросил взгляд на ту пару небрежно одетых в самурайский наряд мужчин. Цокнув языком, он легонько хлопнул меня по волосам.

В поместье Кумадзава он не был так дерзок и смел, видимо, здесь чувствует свою безнаказанность. И могу поклясться, с кланом Цурута он связан не был.

— Давай я провожу тебя до твоего чайного дома. Судя по всему, ты от госпожи О-Рин?

Снова кивнула. Неужели здесь все знают тот бордель? Или у меня одежда настолько выделяется?

— Пойдем, я тебя провожу.

На этот раз я помотала головой. Если он сейчас поведет меня к госпоже О-Рин, то может разглядеть мое лицо, или эта вредная женщина выхватит меня и посадит под замок. То, что я улизнала, — уже чистая удача, скрылась в толпе. А так меня бы снова оттащали за волосы.

Глядя на грязь, стала искать пудреницу. Керамическую чашечку пинали в разные стороны прохожие. Недолго думая, потянулась спасти бедняжку, но этот парень схватил меня за руку.

— Идём, идём. Здесь много извращенцев. Я провожу тебя к твоей хозяйке.

Прошипев, снова дернулась к пудренице, а её снова пнули как бесполезный камень. От такого давления она раскололась, и белила окрасили землю. В этот момент хотелось избавиться от этого назойливого «спасителя».

Горя от раздражения и тяжело дыша от отчаяния, пошла рядом. Краем глаза видела, как он поглядывает на меня и, краснея, отводит взгляд.

Разве он не хочет догнать тех двоих разгильдяев? Неужели ему проводить какую-то девицу из борделя настолько важно? Если он решил, что, раз я набеленная, то буду век ему

благодарна за его доброту, или он что-нибудь за это получит, то ошибается. Слишком подозрительный, ещё из-за него моё письмо погрязло в городской грязи.

— Может, мы могли бы — юноша нервно улыбнулся, почесав затылок, — выпить чаю? Ничего больше! Ты не подумай! — тут же стал размахивать руками. Когда я снова помотала головой, он поник. — Ты немая? Прости

Он совершенно не выглядел как головорез Цурута или как шпион. Слишком уж невинное лицо. Хотя едва ли я разбираюсь в шпионаже.

Скоро он довёл меня до того злополучного чайного дома. Неловко переминаясь с ноги на ногу, он снова не решался смотреть на меня. Робел, как мальчишка. Неужели это моя роль немой камуро так влияет?

— Что же больше не теряйся, — снова на его лице появилась глупая улыбка, — я Дзиро. Может, мы ещё увидимся!

Раз так вышло, что я немая, то на эти слова я пару раз кивнула и, стиснув зубы, поклонилась в знак «благодарности». Дзиро, светясь от радости, побежал прочь из квартала.

Выпрямившись и нахмурившись, я отправилась вслед за ним. Старалась не потерять его в толпе. Если он слуга моего клана и каким-то образом оказался в доспехах Цурута, я должна узнать, что он затеял.

Дзиро я видела частенько в поместье, но лишь издалека. В основном со мной общались женщины, а он прислуживал отцу и старейшинам.

Сейчас я должна выяснить, кто этот Дзиро на самом деле: если шпион — то чей, если предал — то кого.

По пути, применив прием синоби Исикавы, выкрала у самого безобидного прохожего шляпу. Вне квартала Юокаку мое набеленное лицо будет сильно выделяться.

Слежка оказалась очень волнительным занятием. Как правильно это делать, я не знала. На каком расстоянии держаться, чтобы Дзиро не заметил меня?

В лесу я бы легко пряталась в кустах, за деревьями. А здесь чем ближе было окончание ночи, тем меньше народа становилось на улице. Скрываться в толпе было сложнее. Между домами среагировать и спрятаться было затруднительно.

Когда Дзиро озирался по сторонам, мое сердце словно останавливалось, а я в панике ныряла за угол в грязь.

Скоро сладкие запахи разгульного квартала сменились запахом свежей рыбы, и пирогов. Судя по прилавкам, Дзиро добрался до рынка, и его хвост в моем лице — тоже. Запах еды сводил меня с ума. Я начала больше думать о том, как утолить голод, а не вести слежку.

Вдруг Дзиро догнал тех двоих, и они отвлеклись на торгашей, что только-только начали выкладывать товар на всеобщее обозрение. Один из них, самый коренастый, обернулся в мою сторону. Мне казалось, я мгновенно повернулась к стене с парой прикрепленных свитков. Только не уверена. Навряд ли просмотр объявлений рано утром выглядит неприметно.

Вот кто-то потерял котенка, кто-то в розыске. Ой, какие интересные объявления.

Пока я разглядывала стену с нескрываемым интересом, троица фальшивоцурутчиков двинулась дальше. Вот же, совершенно не могут постоять на месте хотя бы полчаса!

Руки так и тянулись к пирожкам на прилавке незнакомой старушки. Нельзя. Нужно продолжить преследование. Не время отвлекаться на пирожки.

Похлопав урчащий живот, снова поспешила следом.

К моей большой радости, эти мужчины не оборачивались, и мне не приходилось так часто нырять за бочки, углы и прочие предметы.

Рынок остался далеко за спиной. Теперь в нос ударил запах металла и гари. Впереди звон колющегося оружия. Кузница. Фальшивоцурутчики остановились возле нее.

Здесь было настолько жарко, что я начала потеть. Белила смазывались от пота. Неужели нельзя придумать косметики, которая не будет мешать во время слежки!

Чтобы подслушать разговор, стала мыслить, как подойти ближе. Никаких укрытий рядом не было, поэтому решилась на отчаянный шаг — крыша.

Крыши в этом районе отличались от остальных. Они были дощатыми, доски лежали внахлест, а чтобы не улетели при сильном ветре, сверху на них ставили булыжники.

Прикинув, как забраться, принялась за дело. Это не должно быть сложнее лазания по деревьям. Карабкаться пришлось аккуратно, чтобы доски, усохшие от жары, как можно меньше скрипели под моим весом.

Только высунула голову, как заметила, что теперь фальшивоцурутчиков стало меньше. Меньше? Нахмурившись, снова пересчитала мужчин. Вот один, вот Дзиро, а вот третьего не видно.

Вдруг резко мой рот зажали рукой и стащили с крыши, как мешок с рисом. Я барахталась, мычала, но быть услышанной мне было не дано.

10 Мицуру

Какой день прошел с вынесения ультиматума, мне неизвестно. Вероятно, не три, иначе думать я бы вряд ли смог. Лихорадка прекратилась, по крайней мере, пока.

Как же я устал постоянно лежать пластом.

Глубоко вздохнув, медленно открыл глаза. Солнечные лучи ослепляли, проникая через дыру в окне. — последнее, что осталось в памяти о Дикарке. Медленно моргнув, увидел перед собой заплаканную Аои. Пока я слабо соображал, но, когда она открыла рот, тут же вспомнил.

— Братик... — сестрёнка беспрерывно вытирала рукавами слёзы. — Хаятэ...

Хаятэ. Должно быть, снова совершил какую-то глупость. Надеюсь, это не то, о чём он говорил. Если Хаятэ решит, что его гибель вместо меня, исправит положение, то он ошибается.

— Он бежал... Взял свой деревянный меч и бежал к Кумадзава! — выпалила Аои, начиная ещё громче рыдать, а я забыл, как дышать.

— К ним? Куда смотрели синоби? Исикава?! — повышая голос, стал подниматься на ноги, хмурясь от боли.

— Исикава не вернулся... Все синоби... не знаю... они с оружием все ушли...

Наверное, готовятся к обороне территорий. Отец, скорее всего, тоже ушёл, руководить процессом. Но ведь слуги? Няни... кто присматривал за детьми? Да и Хаятэ должен был перейти пограничную территорию, а там полно наших синоби и самураев.

— Как он это провернул?

— Мы готовили... — она вытерла мокрый от соплей нос, — «Операцию по спасению брата»... выкопали новый лаз... а дальше вдоль ручья в лес... по берегу, он говорил, что ты мог бы прятаться в кустах... — Аои заикалась от наступающей истерики. Понимаю. Кумадзава вряд ли пощадят сына Киемаса, даже такого юного. Когда дело касается войны с враждующим кланом, главы кланов готовы пойти на всё. В том числе и на полное уничтожение, начиная с детей.

Если никого, кто мог бы бросить свой пост и идти на поиски Хаятэ, нет, а отправился на верную гибель он из-за меня, значит, я должен всё исправить...

— Аои, — взглянув сурово на сестру, я отдал приказ, — принеси мне сикомидзуэ на крыльцо. Я найду Хаятэ.

Теперь она перестала всхлипывать и, кивнув головой, умчалась на всех порах в поисках нужного мне оружия. Мне казалось, что сикомидзуэ будет в самый раз. С моей ногой я далеко без опоры не уйду, скорее опять потеряю сознание от боли.

Приподняв подол, заметил, что вся повязка покрыта кровью. От моих постоянных движений, рана не успевает даже немного поджечь. Но сейчас это меньшее, что имеет значение.

На выходе меня встретила пара служанок, покорно склонивших головы.

— Господин, ваш отец велел не выпускать вас из поместья...

Можно подумать, я бы их послушал. Правила давно нарушены, от ещё одного нарушения запрета, отец сильнее уже не разозлится. Но он точно будет в ярости, если потеряет обоих сыновей.

— Помоги дойти до крыльца. — девушка вздрогнула от моего приказа, но не решилась ослушаться. Робко подставив плечо, повела меня на улицу. Мне было как-то странно от такого приказа и подчинения. Раньше я постоянно всем указывал, все пресмыкались предо мной как перед наследником клана. Так почему сейчас я будто сломался?

Прикусив губу, доковылял до улицы. С другого конца двора бежала Аои. Она держала в руках бамбуковый посох, с лезвием внутри.

— Спасибо, — кивнув служанке, я заметил, как она ошарашенно смотрела на меня. Не понимаю, чего она так удивилась. — Присмотри за сестрой. Если с ней что-то случится, все ответите головой. — Теперь девушка снова склонила голову.

— Мицуру, я с тобой! — Аои вцепилась в ткань моей одежды, не желая отпускать.

— Аои, ты должна ждать нас здесь. Вдруг Хаятэ вернётся... — вооружившись сикомидзуэ и используя его как опору, я отправился на поиски брата. Надеялся, что он всё-таки остался на том маршруте, что описала сестра.

Аои кричала, пыталась следовать за мной, но служанка обхватила её руками и заволокла в дом. Если ещё и с Аои что-нибудь случится...

Ворота поместья не особо охранялись. Был один страж, но он, подпирая стену, спал. Будить и отчитывать тунеядца времени не было.

Идя вдоль стены, увидел тот самый лаз, предназначенный для моего спасения. Земля была рассыпана повсюду, а в ней я нашёл маленький прямоугольный брусочек – ёкан*. Хаятэ отправился в поход не с пустыми руками. Приберёт сладостей и рассыпал по дороге.

Моё сердце сжалось. В голове всплывали воспоминания, как Хаятэ постоянно вместе с Аои воровал мармелад, а вчера они закрывали рот своими липкими руками, которые пахли бобовой пастой.

Оглядевшись, пошёл к реке. С посохом двигаться было проще, хоть что-то сделал правильно.

Не доходя до берега, обнаружил ещё один брусочек. Это подтвердило, что Хаятэ шёл по этому маршруту. Значит, он шёл вверх по ручью, а он течёт с земель Кумадзава. Пойду вдоль берега: может, Хаятэ устал идти и прилёт где-нибудь отдохнуть или пополнить запас воды?

Скоро послышалось журчание воды. В горле пересохло. В отличие от Хаятэ, с собой я не взял ни воды, ни еды. Радует одно: брат не будет голодным.

Склонившись у ручья и отложив оружие рядом, стал черпать воду ладонями. Вода была прохладной и освежающей. Стекала по подбородку на одежду. Набрав ещё воды, умылся, протёр шею и убрал назойливые волосы, что лезли в лицо. Теперь я смог привести мысли более-менее в порядок.

Пробираясь вдоль берега, изредка заглядывал в кусты, отодвигая ветки сикомидзуэ. Надеялся найти там брата.

Путь до кедрового леса был долог. Солнце, казалось, скоро сядет. Чувствовал себя, конечно, ужасно. Нога горела невыносимо. Повязка вся пропиталась кровью. Идти так дальше было бы ещё большим самоубийством. Не хватало, чтобы я умер, не найдя Хаятэ. Поэтому, добравшись до леса, стал глазами искать травы, которые использовала Дикарка. Сейчас я был бы рад потерпеть её дерзкие и назойливые речи, но, увы, больше никто их не услышит.

Раньше я бы навряд ли задумался о какой-то девчонке, но меня одолевает чувство вины. Всё, что произошло с кланом Цурута, Кумадзава, с Хаятэ, Аои и Каэдэ, на моей совести. Не смог уследить за братом, оставил оружие на территории врага. Не настоял на казни.

В тени деревьев приметил знакомую траву. Для меня все травы одинаковы. Как же её называла Дикарка?

С трудом наклонившись, сорвал листочек и растёр между пальцами. Запах знакомый, но не тот резкий рыбный. Кажется, это одна из тех трав. Правда, не помню: жевать её или растереть камнем? Решив не рисковать, растёр её камнем. Затем принялся снимать окровавленную повязку. Глаза щипало от слёз, но скатиться им в лесах Кумадзава я бы не позволил. Края раны слегка почернели, ткань так слиплась с мясом, что отдирать было трудно.

На языке почувствовал вкус железа, прокусил губу; чтобы совсем её не откусить, впился зубами в локоть и промычал. Руки тряслись, но обработать рану всё-таки смог, хоть и неуклюже. Затем в очередной раз последовал примеру Дикарки и оторвал полоску ткани от косодэ. Ею и перевязал ногу.

Дольше сидеть нельзя. Нужно двигаться дальше.

Не успел подняться на ноги, как послышался шорох. Затем рев. Медвежий рев. Тотчас замерев, сжал посох. Как мне не везет на медведей! Я совсем забыл о хищниках.

Рев прекратился, и своей больной ногой я почувствовал, как ледяная цепь мгновенно обвила лодыжку. Кусаригама. Не успел обнажить клинок, как владелец кусаригамы дернул, и я потерял равновесие, рухнув в мох.

Засада. Только схватил посох, как несколько серпов и нагинат оказались направлены на меня. Это были синоби Кумадзава в темно-зеленых синоби-сёдзоку.

— Смотрите, кто это к нам пожаловал? — усмехнулся один из тех, кто держал хорагай*. Конечно, стоило догадаться. Синоби Кумадзава не только отлично маскируются в лесу, но и имитируют звуки животных. Наверное, из-за военного положения их теперь здесь так много.

Оскалившись, окинул их взглядом и попытался поднять оружие, но тот, чья кусаригама обмотала мои ноги, ловко наступил на мою ладонь тяжелой деревянной колодкой-асиато*. Пальцы хрустнули, вжимаясь в почву вместе с посохом. Эти синоби носили обувь, которая оставляет следы не ног, а лап животных.

— Сам принц рисовых полей и бамбука. Замечательный подарок, — напел старший синоби, приложив руку к груди с изяществом благородной дамы. — Ах, как приятно знать, что сыновья Киемасы не так бесчестны, как он сам!

Я снова дернулся, желая напасть на него и потребовать информации. Глупо? Да. Импульсивно? Да. Но этот продажный синоби явно знает, где Хаятэ.

— Где мой брат?! — Но, желая унизить, этот нахал надавил на рану с мерзкой ухмылочкой.

— Тише, тише. Ты же не хочешь, чтобы мы бросили тебя здесь на съедение диким медведям?

— Ах ты... — стиснув зубы, одернул ногу. Этим синоби не знакомы ни честь, ни благородство. Синоби в целом не подчиняются законам морали. Они продаются и покупаются, покупаются и продаются. Редко когда ниндзя по-настоящему преданы, а даже если и верны, то ведут себя словно кошки: неконтролируемые, независимые.

— Но, но, но, — синоби помотал пальчиком перед носом, и по лесу пронесся хохот. Хохо над моим положением. — Ты не в том положении, чтобы кусаться! Цурута никогда не могли оценить по заслугам размеры хищника.

Я сопротивлялся, но был пленен самым унижительным образом.

Приволокли меня к лагерю Кумадзава. Так далеко никогда не заходил, но, кажется, до поместья клана Кумадзава было не меньше километра-трех. Швырнули негодяи меня возле тканевого шатра.

Страх чуть было не парализовал мое тело, но, поборов его, привстал. Руки скользили по сырой земле. Перед глазами показалась темно-зеленая хакама; поднимаясь выше, осознал, кто предо мной. Кумадзава Коцу.

Твари. Швырнули под ноги к врагу, как подношение.

— Наследник Цурута, — голос Коцу был таким, как я и ожидал: грубый, властный и немного скрипучий. Смотрел Коцу на меня сверху, будто оценивая, что делать со мной. Казнить прямо сейчас? Или написать письмо отцу? Уверен, он казнит, не задумываясь.

— Где мой брат? — Я посмотрел прямо ему в глаза, выражая непокорность. Пресмыкаться перед ним никогда не стану.

— Твой брат? — Коцу хмыкнул и махнул рукой своим людям. Те выволокли Хаятэ за руку, которая сжимала кедровые орехи; часть из них рассыпалась по земле. Увидя его, тут же подскочил, глазами искал раны на детском тельце. Может, его пытали? Избивали? Вот же дикари.

— Что вы с ним сделали?! — Снова синоби прижали мою спину. Хаятэ, услышав мой крик, тотчас бросился ко мне, швырнув орехи в сторону.

— Мицуру! — брат хрипел и всхлипывал. Он упал на колени рядом со мной, прижимаясь к моей спине. Синоби же сделали шаг назад. Как благородно с их стороны позволить нам обняться перед казнью.

— Хаятэ... — я слабо улыбнулся, прижимая его к себе. — Они тебя трогали?

— Зачем ты пришёл! — теперь вместо радости воссоединения я увидел гнев в детских глазах. На удивление, Коцу не смеялся, а лишь тихо наблюдал. Хотя, уверен, он получал от этого удовольствие. — Ты должен был бежать! Они убьют тебя! — Хаятэ повернулся к Коцу и, раскинув руки, встал между ним и мной. — Пожалуйста, возьмите меня! Я ранил вашего старика!

— Закрой рот! — выпалил я, хватая брата за ногу. Синоби вокруг рассмеялись, а Хаятэ, дрожа от страха и захлебываясь слезами, продолжал стоять на своем. Его жертвенность заставила мое сердце сжаться.

Коцу с интересом наблюдал за Хаятэ, пока не поднял руку и не положил ему на голову. Мальчишка затаил дыхание. Неужели он прямо сейчас казнит ребенка? Конечно, в такое время это не редкость, но всё же я убью его, если он достанет меч. Убью их всех.

Лес погрузился в мертвую тишину: цикады не стрекотали, птицы не щебетали.

— Ты станешь храбрым самураем... — Коцу похлопал по голове Хаятэ так, что тот немного присел.

— Не трогайте его! Вы требовали голову наследника, вот я здесь. Отпустите его.

— Нет, — на корню обрубил глава клана Кумадзава. Конечно. Если в его руках оба наследника Киемаса, то и сам клан Цурута тоже. Он сможет управлять войной, выдвигать требования, манипулировать, и моему отцу ничего не останется, кроме как выполнить условия дикарей. То, что мы до сих пор живы, — это не акт милосердия, это лишь стратегический расчет.

— Младшего — под охрану. А старшего — ко мне в шатер.

Нет. Нет. Нет. Хаятэ. Мальчишку схватили за воротник. Он размахивал руками, упирался ногами. Я тоже не отпускал его. Нельзя допустить нашего разделения. Я должен быть рядом.

— Брат! Мицуру! — срывался на пронзительный крик Хаятэ. Я старался удержать его за ногу. На лодыжке оставался красный след от моей мертвой хватки.

— Хаятэ! Пустите его! — подняться мне снова помешали синоби. На рану на ноге надавили моим же посохом. Только в гневе и страхе я это не особо почувствовал. Тогда несколько синоби стали пинать по рукам, в живот. Удержать брата я не сумел. Его ноздри раздувались, глаза, красные от испуга и слёз, смотрели прямо на меня. Ручкой тянулся ко мне, я протянул в ответ, но тут же получил удар по локтю. Сердце разрывалось на части.

11 Каэдэ

Налётчик утащил меня в тень переулка, где воняло чем-то тухлым и затхлым. Наверное, место убийства других таких же, как я, неудачников-шпионов. Крепкая рука сжимала мой рот, так что даже попытки укусить оказались бесполезными.

— Назойливая девчонка, всё же стоило сломать тебе ногу, — от голоса Исикавы пробежала дрожь. Такая, какая была при первой нашей встрече. Странное предчувствие смерти. Всё-таки он решил убить меня. Погибать в вонючем переулке и от рук этого грязного синоби мне не хотелось, поэтому я стала дёргаться и мычать.

— Прекрати, — прошипел он, прижимая меня к себе и скрываясь за деревянной бочкой. Со стороны кузницы послышались тяжёлые шаги.

— Ребят, мне, похоже, почудилось! — в этот момент выбежала пара уличных кошек, шипящих друг на друга. Незнакомец выругался и, судя по звуку, пнул одну из бедолаг. Она оцетинилась и бросилась в другую сторону, разбрасывая дорожную пыль в разные стороны. — Это кошки! Паршивцы!

Ругаясь, он ушёл, и тогда Исикава отпустил руку и угрожающе схватил меня за ухо, оттягивая в сторону.

— Ай... ай... ай, — я перекатилась вслед за его рукой, краснея от стыда и злости. — Что вы себе позволяете? — чуть было не начала шуметь, как он снова зажал ладонью рот.

— Закрой рот и сиди здесь, — он окинул взглядом переулок, словно кошка, и бесшумно пробрался на крышу. Под его ногами, несмотря на его размеры, доски не скрипели.

Проследив за ним, я сразу насторожилась. Он в очередной раз меня не убил, ещё и полез куда-то. Ситуация накалялась. Желая во всём разобраться и задать пару вопросов синоби, я решила лезть следом. Повторить бесшумное восхождение у меня не получилось. Опять.

Исикава закатил глаза и, по-моему, глубоко вздохнул.

— Почему ты никого не слушаешь... — неужели этот мужчина проявил хоть какую-то эмоцию, а не желание убивать? Исикава следил за теми Цурута с хмурым выражением лица.

— Ваши? — шептала я, глядя на то, как эти Цурута скрылись в кузнице. Там стоял шум и гам, звон и стук. Ковали оружие. Но на мой вопрос Исикава совершенно никак не отреагировал, лишь продолжал следить, пока также тихо не спрыгнул с крыши и не подобрался ближе, словно тень.

Ловко. «Но я тоже так могу», — подумала я, начиная слезать. Повиснув на краю крыши, как назойливый лист, я сорвалась с грохотом вниз. Снова пара кошек бросилась в рассыпную. Провал. Сейчас из кузницы выйдут люди и свяжут меня, а потом казнят за шпионаж. Что же делать? Что же делать? В поисках помощи и ответов я нашла глазами Исикаву. Синоби массировал переносицу и что-то шептал, затем указал на место возле себя. Стоял он на противоположной стороне улицы от меня.

Едва я успела спрятаться с этим старым грубияном, как к кузнице подбежал какой-то коренастый незнакомец в таких же доспехах. Даже казалось, что он вот-вот лопнет от радости: щеки так и раздувались.

Исикава напрягся, пытаясь разузнать и подслушать, в чём дело. Из кузницы донеслись весёлые крики, а затем и шаги. Фальшивоцурутчики, торопливо перебирая ногами, выбрались из сарая. Вид был у них такой, словно они выиграли в сёги или на них сошла небесная благодать. Дзиро же их радости не разделял и безучастно плёлся в самом конце.

— Не отставай, — вдруг велел Исикава и прошмыгнул в кузницу. Я бы на его месте так безрассудно не поступила: может, там есть кто-то ещё? Мы же тогда идём в самое пекло!

— Стойте, там же может быть засада, — шептала я, не решаясь идти за ним, и бросала взгляд то на фальшивоцурутчиков, что скрывались за углом, то на Исикаву. Он ждёт меня не

собирался и скрылся в душном здании. Прикусив губу от волнения, я всё-таки тоже нырнула внутрь.

Лицо сразу ударило жаром, на лбу выступил пот, дышать стало тяжело. Так вот каково это — находиться в городской кузнице, где горны полыхают, а люди куют смертоносное оружие.

Исикава осматривал помещение со всех сторон, заглядывал за печь, в телеги с углём, фуиго*, наковальни. Двигался быстро и на одном месте не задерживался. Выглядел как человек, знающий, что искать.

Я же понятия не имела. Для меня здесь всё казалось чем-то новым, неизведанным. Что угодно могло стать частью чего-то важного.

— Что мы ищем? — повторяя за Исикавой, стала рыскать рядом.

— Ты — не знаю. А я — доказательства.

— Какие доказательства? — наконец Исикава сдёрнул полог с очередной телеги: вместо угля там что-то блестело. — Это оружие?

Оружие было присыпано углём. Ведомая любопытством, стала разгребать уголь, Исикава тоже начал помогать. Руки покрывались сажей, крошка забивалась под ногти, пыль оседала в носу.

— Это ведь клан Цурута... — прошептала я, заметив на рукояти нагинаты герб равнинного клана. По телу пробежали мурашки, и я неосознанно отступила от Исикавы. Контрабанда оружия для самурайских кланов запрещена. Что, если «фальшивоцурутчики» вовсе не фальшивки, что, если это действительно клан Цурута провоцирует войну? Может, Мицуру оказался в лесу не из-за добрых побуждений и спасения брата? А этот Исикава? Что за игру он ведёт? Всё теряет смысл...

Что, если Исикава понял, что я нашла их логово, и теперь уберёт меня как ненужного свидетеля? Плевать, что меня все хотят убить. Если Цурута играют в грязную, я должна рассказать отцу. Рассказать обо всём. Может, Тоёмицу и негодяй, но он не выдал меня, а обвинил Цурута. Что, если он знал об их заговоре? Что, если этот Дзиро здесь тоже не просто так и он изначально был на стороне врага?

Голова начала раскалываться, я отступала назад, не спуская глаз с синоби. Он же упорно делал невинное лицо, разглядывая оружие.

— Девчонка, — заговорил Исикава, а я вздрогнула. — Эти ребята явно хотят подставить Цурута.

— Какие ребята? Ваши? Что за вздор?! — выпалив это, я тут же закрыла рот руками. Противник сильнее меня, нельзя его провоцировать. Исикава, удивлённо вскинув бровь, достал меч из телеги и провёл по лезвию пальцем. У меня же оружия для защиты не было: кусаригама давно утеряна, а все мечи — под рукой этого старого мерзавца. Окинув взглядом всё, что было рядом, выхватила кочергу.

— Не подходи! Раз собрался меня убить, тогда расскажи всё! — голос снова сорвался на крик. — Ты специально приволок меня в бордель? Решил угрожать моему отцу? А это оружие? Цурута давно начали вооружаться. Всё это фарс! Знала, что для вас чужда честь и долг!

Исикава, усмехнувшись, помотал головой и стал приближаться. Шаг, да такой медленный, словно кошка, охотящаяся на воробья. Меч сверкал в его руке.

— Цурута не планировали войны, — он остановился и ударил лезвием о ближайший стол. Металл разлетелся в разные стороны. Такая демонстрация меня не впечатлила, и я снова отступила. — Цурута не экономит на стали.

— Вы думаете, я поверю вам лишь из-за шлага вместо качественной стали?!

— Конечно нет, — Исикава провёл пальцем по покрытому сажей и копотью столу. А я упёрлась во что-то тёплое спиной, на шее почувствовала холод, от которого застыла кровь.

— Вот же девчонка: шумная, неуклюжая, — это был один из тех, кого я выслеживала, высокий, с хриплым голосом. — Знал, что рыщешь что-то. Ещё у стены с объявлениями заметил, — он рассмеялся и поцарапал мою шею лезвием.

Исикава напрягся и отступил к телеге с мечами. Они работают вместе. От синоби ничего другого я и не ждала: они обожают нападать со спины.

Кочерга в руке показалась бесполезной, как и всё, что я делала. Ситуация повторяется раз за разом. Наверное, на белом свете не осталось людей, которые ещё не пытались меня убить. Я могу преувеличивать, но сейчас меня не парализовало от страха. Стоять и ждать чуда, как тогда в бамбуковом лесу, я не стану. Помощи ждать неоткуда. Главное — поднять шум, из соседних домов прибегут на помощь. В суматохе я смогу сбежать.

— Но-но-но, — Цурута указал в сторону Исикавы ножом. — Руки прочь от мечей. Это не ваше.

Сердце будто замерло. Не ваше. Не их? Но чьё же? Может, этот болван просто не знает, что Исикава тоже служит клану Цурута?

— Что за странные шпионы. Девчонка в костюме камуро, прилипшая от самого Юокаку, какой-то синоби, не умеющий считать? — хихикая, мужчина похлопал меня по голове. От грубых хлопков вперемишку с насмешками я чуть присела. Рука у него тяжёлая, тон самоуверенный.

— Отпусти девчонку, — велел Исикава, опустив руки вдоль тела. Я бегло осматривалась, вжала подбородок в шею, пытаюсь понять, как близко лезвие этого паршивца. Оно было близко. Мне не хватит скорости обезвредить его и увернуться от удара. Если бы у меня был хотя бы серп, в отличие от кочерги, он острый.

— Нет, нет, нет, — снова насмехаясь, он плашмя постучал ножом по лбу. — У меня нет правил не трогать детей. Особенно если они слишком много знают. — Очередной стук, стук по лбу. Я, не думая, впилась зубами в его кисть. — Вот же, бешеная! — с криками он стал бить меня кулаком по затылку. — Бешеная собака!

Рыча от злости и подступающих слёз, почувствовала на языке вкус крови. Нож выпал, в суматохе попал под ногу и пинком отправился глубоко в кузницу.

Теперь вместе с Цурута начала кричать и я. Крик действительно бешеный, отчаянный. Цурута пытался меня удержать, краем глаза видела, как и Исикава бросился к нам. Казнить или помиловать? Сложно сказать, в порыве ярости всё перемешалось.

В ход пошла кочерга, руки и ноги. Я размахивала всем, чем можно, пару раз клала зубами, пытаюсь укусить.

Противник не отставал. Его кулаки приходились по груди, один раз по ноге, отчего я чуть не упала. Цурута был куда сильнее меня.

Но скоро, когда я с криком бросилась в его сторону, его бессознательное тело упало прямо ко мне под ноги. Замерев от неожиданности, медленно подняла голову. Исикава стоял с тем самым беспристрастным выражением лица, а потом, не сказав ни слова, сел на корточки и стал осматривать товарища.

— Эй! — окликнув, выставила кочергу вперёд. — Убери от него руки!

— Обязательно... — хлоп по бокам мужчины в отключке. — Когда что-нибудь найду. Нашёл. — Синоби тут же вытащил из доспехов свиток, перевязанный красной лентой и печатью.

Глаза расширились от недоверия. Забыв об угрозе, я попыталась вырвать свиток из рук синоби, но тот слишком крепко его держал.

— Узнаёшь? — одёрнув от меня свиток, он кивнул в сторону ленточки.

— Это ничего не значит, — шипела я. Да, печать не с символикой Кумадзава, но лента... Наш клан много лет перевязывает свитки этой лентой. — Такие ткани не только у моего клана.

— Конечно, — Исикава осторожно развернул свиток и показал его мне. — Что теперь скажешь?

В этот раз он позволил отобрать свиток. Этот почерк. Завитки. Сомнений быть не может. Я узнаю это, хоть передо мной будет сотни свитков! Помотав головой, снова пробежалась по тексту взглядом. Кровь отлила от лица, голова заболела то ли от ударов мужчины, то ли от шока, то ли от запаха гари.

Вслух читать такое у меня бы духу не хватило.

«Людам облачиться в доспехи Цурута и, с выкованной партией оружия, скрытно выдвигаться к холодному ручью в Микаве. К вечеру третьего дня симитировать там агрессию лазутчиков Цурута. Наши даймё должен увидеть врага на своей земле и немедленно начать тотальный иттурм Синано. Свидетелей в городе убрать».

Теперь это в корне меняет дело. Кто-то намеренно подставляет Цурута, и этот кто-то — никто иной, как старейшина Тоёмицу. Это заговор. Но с какой целью?

Смотав бумагу, я сунула её под косодэ. Такую улику нельзя потерять или доверить кому попало. Доверие. Брови собрались у переносицы.

— Вы, — обратилась я к Исикаве. — Вы знали об этом?

Синоби наклонился к полу, снова что-то выискивая, достал из-под корыта с водой нож и сел сверху на фальшивоцурутчика.

— Я выслеживал их несколько дней, — его спокойствие вывело меня из себя. Клань на грани войны, а он уселся на бессознательном мужчине, как на троне!

— Несколько дней? Несколько дней? — ругалась я на него, мотыляя кочергой от переполняющих эмоций. — Наследник вашего клана вот-вот будет казнён! Мой отец объявит войну! Столько людей погибнет!

— Прекрати так кричать и сеять хаос. Лучше отвернись. Я закончу, — Исикава с интересом покрутил в руке нож, побалансировал на пальце и, подкинув, поймал за рукоять.

— Что закончите? — отойдя на пару шагов к двери, вскинула бровь. Исикава поднял голову фальшивоцурутчика за волосы и приставил к горлу нож. Я тут же зажмурилась.

— Это, — было слышно, как кровь залила пол, как мужчина издал последний хрип, как шуршала ткань, гремели доспехи. Смотреть я не могла. Было страшно. Я предпочла отвернуться, и тут меня накрыла тошнота. Духота, запах гари вперемешку с кровью давили на меня, как и осознание масштабности всего происходящего.

Вытерев рот руками, я всё же повернулась обратно. Дорожка из крови вела за телегу с углём. Весь этот шорох был от того, что он прятал тело. Неужели ему так легко убить человека? Я обучалась владению оружием, но убийство? Осознанное убийство было недостижимо.

— Вы убили его... — проговорив и без того очевидную вещь, я вывалилась на улицу. Штатал в разные стороны, всё плыло перед глазами. Птицы в небе летали слишком близко, дома становились то высокими, то низкими, стояли то перед носом, то очень далеко.

— Перегрелась? — опять этот Исикава. Он вышел как ни в чём не бывало. Руки вытер старой тряпкой в угольной пыли и швырнул её в сторону. Затем снова скрылся в кузнице.

Погружаясь в туман и переставая разбирать дорогу, я почувствовала, как тошнота вырвалась наружу. Запах работы опять ударил в нос. Затем на меня обрушилась холодная вода. Исикава облил меня ею с ног до головы, видимо, набрав в кузнице. Это слегка привело меня в сознание.

— Идём в Юаку, — Исикава отбросил ковш и спешно начал уходить.

— Зачем в Юаку? — сознание всё-таки отказывалось мыслить. Вернее, мыслило, но совершенно не так, как Исикава и как мне бы хотелось. Нужно в Микаву, пока отец не двинулся в Синано — равнинные земли Цурута.

— Возможно, О-Рин в беде.

Возможно, он прав, и фальшивоцурутчики решили убрать именно куртизанок? Но ведь они же не знают? Откуда им знать?

— Возможно? — приложив руку к голове, я поплелась за синоби. Он подхватил меня под локоть и поволок. — Там есть стража. Мне нужно к отцу, пока не поздно.

— Мы успеем, — к моему удивлению, Исикава был напряжён больше обычного. Неужели ситуация давит и на него?

Я ему не особо доверяла. Он настолько непредсказуем, что и своего человека мог убить, поэтому я проверила, не выкрал ли этот плут свиток. Хотелось одёрнуть руку и самой бежать к Коцу. Свиток у меня, мне нужно лишь его доставить, и отец сам поймет, что к чему. Уж он-то поймёт гораздо больше.

— Да всё в порядке с борделем. С чего бы им их трогать?

Синоби резко дёрнул меня, ставя перед собой и дёргая за рукав. Одежда камуро чайного дома О-Рин. Верно. Я совсем забыла. Теперь я начала беспокоиться ещё больше. У меня была ненависть к тому месту, но всё-таки там люди. Ни в чём не виновные люди, оказавшиеся в опасности из-за моей неосмотрительности.

Мы проталкивались через толпу на рынке, сейчас людей было больше, чем утром. Гвалт, хохот давили на уши, а запах пирожков не вызывал аппетита.

Приближаясь к воротам квартала Юокаку, я сначала не заметила чего-то особенного. Мужчины и женщины снуют туда-сюда. Присмотревшись, поняла — стражников нет. Лица людей не радостные, а шёпотки и взгляды на мою одежду настороженные.

— Опоздали, — хватка на локте стала крепче. Очевидно, он не хотел терять свидетеля и свиток. Мне же становилось не по себе, глазами искала фальшивоцурутчиков. В этот раз ни я, ни Исикава не думали о моей маскировке.

Скоро послышался девичий плач. Мы добрались до чайного дома О-Рин. Зеваки окружили вход, сплетничая и обсуждая. Сама госпожа О-Рин выглядела потрёпанной: причёска испорчена, губа разбита. За её спиной сбившиеся в кучу камуро — дрожащие, рыдающие. А у самых ног женщины — мёртвое тело. Мужчина в доспехах Цурута, в спине — та самая куса-ригама, которую я украла из поместья Мицуру.

Исикава окинул взглядом эту картину и пересёкся взглядом с О-Рин. Та быстро отвела глаза, и мужчина тут же припрятал меня в доме напротив. В суматохе этого никто из зевак не заметил. Они были увлечены другим.

Сердце колотилось, будто сейчас выбьют мои рёбра вместо двери. Исикава прижался к проёму, чуть её приоткрыв. Присоседившись рядом, видела всё плохо. Стражники метались рядом, один из них выскочил из борделя, пожав плечами.

— Вот же... — синоби закрыл дверь. — Это всё словно веер на поле боя.

— Что там? Вы что-нибудь видите? — я присела на корточки, будто пытаюсь стать незаметнее. — Там был один из них или один из вас... в общем, фальшивоцурутчик.

— Фальшивоцурутчик? — вскинув бровь, он усмехнулся. — Но да. О-Рин его убила.

У меня перехватило дыхание, но не от мысли об открытой охоте на меня, нет. От того, что это сделала О-Рин. Она защищала своих камуро? Свой дом?

— Что же делать? Мы не можем сидеть и ждать.

— Да. — Исикава прошёл вглубь дома. Полы скрипели, фусума отодвигалась одна за другой. Затем затишье, и он вышел с хаори* и хакамой в руках. Ничего не стоило догадаться, что он от меня ждёт, поэтому, не задавая вопросов, выхватила вещи и спряталась в комнатухе.

Это был один из чайных домиков, правда, скромнее дома О-Рин. Здесь пахло чаем, а не сладкими благовониями, не было расписанных тушью сёдзи. Всё говорило о том, что гости и женщины вышли пять минут назад, чтобы поглазеть на уличное представление. На столике ещё остался чай, десерты. Несмотря на дурное самочувствие, я отправила в рот всё съестное,

которое здесь осталось. Руками вымазала всю бобовую пасту, выпила чай из чашек, не переживая за то, кто пил этот чай до меня.

Скоро послышался топот. Зеваки начали расходиться, вернее, стража их разогнала. Поэтому, натянув хакаму, я взглянула на злополучный свиток. Снова в голову полезли предположения, заговоры, лицо Тоёмицу. Нахмурившись, я помотала головой и, спрятав свиток ближе к телу, вернулась к Исикаве.

Мы спрятались в углу, пока гости заведения стали возвращаться. Они были так увлечены разговором, что не заметили нас.

— Да, Цурута совсем обнаглели!

— Бедная госпожа О-Рин, пришлось убить, защищая девочек!

— Да, бедные, бедные. Какие убытки! Всё переломали!

Тогда мы и улизнули. Тело фальшивоцурутчика мужчины накрыли тканью. Стража разговаривала с О-Рин, которая смахивала слёзы. Она не выглядела опечаленной, скорее злой, раздражённой. Мне стало её ужасно жаль.

— Да, я понятия не имею, что хотели эти негодяи... — женщина мотала головой. — Мои девочки так испугались!

— Госпожа О-Рин, мы поможем восстановить всё, что испортили! — твердил паренёк, протягивая льняной платочек госпоже. Та, кивнув, промокнула глаза.

— И уберите это тело! Мои девочки напуганы! Это сильно ударило по ним!

— Конечно, конечно, госпожа! — второй паренёк протянул ей кусаригаму, склонив голову. Они бегали перед О-Рин, словно дрессированные пёсики. Готовы были сделать что угодно. Какая сила, какое влияние у этой бесстрашной женщины! Невольно начинаешь уважать таких самоотверженных и умных людей, несмотря на должность. Бросив на О-Рин трепетные взгляды, стражники схватили тело за руки и ноги. Тряпка развевалась на ветру, словно парус. Я посмотрела на хакаму, не желая видеть процессии.

Исикава же снова потащил меня дальше, на этот раз к госпоже О-Рин. Она уже смахнула с себя фальшивую слезу и принялась сматывать оружие.

— Какого чёрта? — вдруг грубо, говоря О-Рин, цокнула языком и посмотрела на меня. Затем, оглядевшись и проверяя свидетелей, потопала внутрь чайного дома.

Там царил хаос. Осиирэ вывернуты наизнанку, ящики для каллиграфии перевёрнуты, даже бумага на дверях и окнах испорчена. Складывалось впечатление, что по чайному дому прошёл торнадо. На полу были красные следы — кровь. Мимо пробежали служанки, пытающиеся навести порядок и посчитать убытки.

О-Рин привела нас в свои покои. Они пострадали больше всех: все фарфоровые чашечки с белилами разбиты вдребезги, свитки разорваны, футон вывернут наизнанку.

— Эти идиоты искали тебя, идиотка! — она чуть было не перешла на крик, но, найдя на полу кисэру*, тут же закурила. Трубка длинная, металлическая, с маленькой чашечкой, куда помещается щепотка табака. Дым наполнил хозяйские покои. Виновато опустив голову, я не знала, что сказать.

— Вот же... — затаившись, женщина облокотилась на Исикаву; тот не стал возмущаться и слегка придержал её за талию.

— Что ты им сказала?

— А что я им должна была сказать? Эти Цурута сунули мне под нос это, — тонким наконечником кисэру она указала на пудреницу. Среди прочих она особо не выделялась, но если приглядеться, то покрыта уличной грязью и остатками белил. Это та баночка с запиской для отца. Теперь понятна их спешка. Если они нашли баночку, то и записку, а там я подписала своё имя.

— Госпожа... — сглотнув, опустила голову ещё ниже. — Это моя вина.

— Да уж, милая. Эти игры точно не для тебя. — О-Рин выпустила дым и развеяла его рукой. — Я сказала, что ты сбежала.

— О-Рин. — Исикава положил руку ей на плечо с удивительной нежностью, а она гордо сбросила её.

— Я знаю, что я золото, а не друг, — усмехнувшись, госпожа закатила глаза. — Пришлось убить одного засранца. Хорошо, что ты меня хоть чему-то научил. В следующий раз, если решишь привести какую-то глупышку, пусть у неё будет поменьше врагов.

— Конечно, конечно, — синоби оставил мимолётный поцелуй в лоб женщине, прежде чем выхватил кусаригаму из её руки.

— Вот нахал, — фыркнула О-Рин, но всё-таки улыбнулась.

Попрощавшись с ней, мы наконец-то двинулись вперёд. Исикава велел мне спрятать оружие так же, как я делала до этого. Моё тело наполнило спокойствие. Привычное мне оружие наконец-то у меня в руках. Будет чем себя защитить.

— Нам нужен план, — за Исикавой я еле поспевала. Он шёл непонятно куда. Мы прошли скромные домики, небольшой сад слив.

— Грязью лицо измажь. Сойдётся за мальчишку.

Мне, признаться честно, часто хотелось ему возразить, но раз за разом прикусывала язык. Послушно опускала руку в грязь и шлёпала по щекам. Та же самая процедура, что и с белилами, только вместо этого земля, пахнувшая чем-то затхлым и мускусным. Но в грязи я бываю постоянно, что уж там скрывать, грязь меня не пугает.

— Здесь где-то должны быть повозки с Микавы. — Исикава стал оглядывать площадь. Толпа погонщиков и торговцев. В лесах Кумадзава было много ресурсов: пушнина, ягоды и, самое главное, это древесина и редкая горная руда моти-тэцу*. Только сейчас повозки руды привезли совсем мало.

— Вон повозка от моти-тэцу. — Я ткнула пальцем в сторону небольшой повозки. Старый горбатый старик выгружал всё в другую телегу. Потом та телега развезет всё до кузниц, а пока торгош получил мешок с деньгами и пошёл с ведром за водой к колодцу. Он больно шустр для своих лет.

— Собирается возвращаться, — заверил Исикава, грубо подталкивая к повозке. Спрятавшись под рогожей, затаила дыхание. В отличие от полога Цурута, у Кумадзава ткань была жёстче, шершавая и... пахла куда приятнее. В повозке было тесновато и душно, а родной запах перебивал запах чужих обносок и Исикавы.

— Пей, старая, — велел торговец дряблой лошади. Та громко опустила морду в ведро. Я даже позавидовала ей. Как бы сейчас было славно опустить ноги в горный ручей, набрать горлянку и осушить её, чтобы всё заново повторить.

Когда животное напилось, старик, не глядя, сунул ведро к нам под ноги. Видимо, решил утешить его из нейтрального города, прежде чем отправиться в путь.

Сжав под хаори свиток, на секунду закрыла глаза. Скоро я встречу с отцом и, признавшись во всех грехах, отдам свиток. Всё встанет на свои места.

12 Мицуру

На стены шатра медные чаши с горящим маслом отбрасывали зловещие тени. Посредине стоял низкий лакированный столик с картой Синано — равнинных территорий Цурута. Чуть дальше — стул для Кумадзава Коцу.

Здесь пахло маслом, кедром и, наверное, хлопком — от стен из хлопковой ткани. Но, кроме этого, в воздухе витал тяжёлый, густой, словно смола, запах неизбежного конца.

Пара синоби приволокли меня прямо к стулу Коцу. Тот уже успел усесться со всем важным видом вершителя судеб. Таковым он и являлся, имея в руках все козыри. В этой партии сёги, как бы я ни уважал отца, Коцу — безоговорочный лидер.

— Не важно себя чувствуете? — поинтересовался Коцу, постукивая свитком по колену. Его глупый и, как мне кажется, издевательский вопрос меня не волновал. Всё же моё внимание привлёк свиток с печатью Цурута. Должно быть, ответ на ультиматум агрессоров.

— Рад, что вы переживаете о моём здоровье, — с фальшивой улыбкой я взглянул на мужчину и попытался встать. Стоять на коленях — это ниже моего достоинства. Увы, нога решила иначе. Боль усилилась в стократ из-за гостеприимства лесных дикарей.

Коцу в ответ не улыбнулся, лишь слабо приподняв бровь, перешёл к делу, разворачивая свиток.

— Знаешь, я очень уважаю правду. Для меня ложь гораздо хуже смерти. Ложь — удел трусов, — теперь он отложил свиток и махнул рукой. Один из синоби, тот, что получает удовольствие от издевательств, зашёл внутрь, склонив голову. — Пригласить ко мне старейшину Тоёмицу и служанку Ацуко.

Услышав имя Тоёмицу, я почувствовал, как закипает кровь. Знаю, в том, что происходит, есть и моя вина, но вина старейшины ничуть не меньше. Если верить Каэдэ, а она, следуя логике своего отца, не была трусливой, то Тоёмицу — подлец и негодяй.

Коцу же внимательно за мной наблюдал. Чувствовал с его стороны не раздражение или пренебрежение, а что-то иное. Этот взгляд был и у моего отца на совете старейшин. Ждёт, пока я совершу ошибку? Пытается поймать на лжи? Возможно.

Через минут пять в шатёр вошёл Тоёмицу. Старейшина выглядел больным и полностью несчастным. Удивительно, что он вообще находился в военном лагере, а не лазарете, учитывая, сколько его крови было на одежде бедняжки Дикарки.

— Господин, — Тоёмицу, держась за бок, поклонился. Следом вошла и пожилая женщина с печальным лицом и скрюченной спиной.

— Расскажи, Мицуру Цурута, о той ночи, — велел Коцу, глядя на меня сверху. Мне казалось, я могу что-то сказать, не солгать, но и не выдать страшную тайну, касающуюся Каэдэ. Но когда вопрос действительно был задан, я почувствовал себя опустошённым. Вся правда была в том, что я первым нарушил границу Кумадзава. Что было дальше — уже не важно.

Все здравые мысли вмиг покинули меня, поэтому я высказал лишь одно: «На моих руках нет крови старейшины Тоёмицу». Это нельзя назвать оправданием, и уж тем более нельзя отменить то, что уже предрешиено.

Тоёмицу не пошевелился, видно, мои слова его ничуть не удивили, как и Коцу. Он остался непоколебим.

— Вот как. Хочешь сказать, тебя подставили? — глава клана даже не моргнул, у меня же на лбу выступил холодный пот. Сложно сказать, очередная лихорадка или влияние даймё.

— Нет.

— Ацуко, скажите, — служанка ниже поклонилась. — Что вы видели той ночью?

Коцу не спросил Тоёмицу. Очевидно, его слова не поддаются сомнениям, в отличие от слов служанки или моих.

В шатре похолодало. Ацуко смотрела на меня и не решалась ответить, пока Тоёмицу не подтолкнул её к этому, сказав:

— Ацуко, не беспокойся. Расскажи, как было, без утайки.

— Хорошо, господин Тоёмицу. — Женщина опустилась на колени перед главой клана. — В ночь совершеннолетия госпожи Каэдэ, когда она отправилась в святилище... — на этом месте я затаил дыхание, слушая с хорошо скрываемым интересом. — Я последовала за ней. Туда же отправился и господин Тоёмицу. — Ацуко мимолётно взглянула на старейшину, и тот кивнул.

— Скоро госпожа ушла в свои покои. Мне велела её проводить. Позже я вышла и заметила, как из храма выбежал юноша... с бешеными, светящимися во тьме голубыми глазами!

Коцу с Тоёмицу внимательно слушали эту откровенную ложь. Но парировать мне бы вышло лишь слова о юноше с демоническим взглядом. Этот спектакль мне изрядно надоел.

— А когда я вошла в храм, то увидела господина в крови, с мечом этого юноши, — теперь Ацуко решительно указала на меня пальцем. Обвинение без зазрения совести? Да как такое может быть?

— Так что? Вы утверждаете, что всё было не так?

— Да.

— Это значит, старейшина Тоёмицу и служанка Ацуко мне нагло врут в лицо?

Тоёмицу даже слегка усмехнулся, словно сама мысль о его лжи унижительна. Я же сжал кулаки и посмотрел Коцу прямо в глаза.

— Выходит, что так.

— Вот как? — мужчина поднялся со стула, и все заметно напряглись, я не был исключением. Его широкая фигура закрыла свет ламп, и тень нависла надо мной. — Ты копия своего отца. Свидетельство людей, улика в виде твоего меча. И все же, стоя предо мной на коленях, продолжаешь говорить о своей невинности, — медленно, властно Коцу обошёл меня, словно хищник, приближающийся к жертве, и протянул свиток Киемаса.

«Даже мысль о покушении на старейшину Тоёмицу со стороны клана Цурута абсурдна и оскорбительна.

Если вы уверены в своих словах, то предоставьте более весомые доказательства, потому что мой сын в нынешнем положении не мог покинуть поместье ради убийства.

Подпись: Цурута Киемаса.»

Прочитав письмо, я не был удивлен его содержанием. Конечно, Киемаса горд, пытается удержать вассалов с их желанием казнить меня, но и простить такое оскорбление и неуважение со стороны Кумадзава не может. Возможно, он бы всё-таки отдал мою голову, но после некоторых переговоров.

— Забавно осознавать, что в «нынешнем положении» ты всё же добрался до нашего лагеря. Так что же мешало тебе сделать это и той ночью? Может, то, что свою рану ты получил позже?

— Вы ошибаетесь, — продолжал уверять я, осознавая, что убедить их невозможно.

— И какие более весомые доказательства нужны? Твой отец — гордец, пытающийся прикрыть плешь в системе громкими высказываниями. Я видел нападавшего. Ты и сам знаешь об этом, — старейшина Тоёмицу наконец решил высказать своё мнение. Он был так убедителен, что, глядя на него, я мог бы поверить, что действительно доковылял к святилищу и вероломно вломился туда.

— Знаю, поэтому вы лжете, — всё-таки сдержаться я не сумел, хоть очень пытался. Тоёмицу побагровел от нахлынувшей ярости.

— Так расскажи же, как было на самом деле? — Коцу потушил одну лампу, затем подошёл ко второй.

— Не знаю, как было, но могу сказать одно... ни я, ни кто-либо другой из клана этого не делал.

— Повторяешь одно и то же, мальчишка. Видимо, у всех Цурута не хватает мужества взять ответственность за свои поступки, — старейшина отмахнулся от меня и снова приложился к животу.

— Ошибаетесь, старейшина, — Коцу улыбнулся. — У его брата мужества побольше, чем у многих.

Эта улыбка, и слова о Хаятэ разбудили во мне ярость. Сейчас они держат его в грязи, как держали бы диких кабанов. Те продажные синоби потешаются над ним, а я стою здесь, на коленях перед этими дикарями.

— Выдвигаемся к границе. Время на исходе. Посмотрим, какое решение принял Кие-маса.

Меня снова схватили под руки и поволокли к повозке. Плевать, куда меня везут. Я начал озираться по сторонам в поисках Хаятэ.

В лагере царил хаос. Все куда-то бежали, что-то кричали. В воздухе стоял удушливый запах войны. Когда мы доберёмся до границы Микавы и Синано, истечёт срок ультиматума.

— Пустите меня! Убийцы! Вы убили моего брата! — срываясь, кричал Хаятэ со связанными тугой верёвкой руками. Один из людей Коцу нёс мальчишку на плече. Приглядевшись, я увидел, что руки Хаятэ содраны, ладони грязные и израненные. Либо он пытался бежать, либо его мучили.

— Хаятэ! — позвал его я сквозь суматоху военных сборов. Его глаза мигом начали бегать из стороны в сторону, мне даже показалось, что он прислушивается. — Хаятэ! Всё будет хорошо!

— Посадить их в на разных лошадей, старшего — ко мне, — велел Коцу, ловко седлая бурого коня, чьи ноздри раздувались, а чёрная как смоль грива развевалась на ветру. Хмурясь, я снова нашёл глазами Хаятэ; тот брыкался ничуть не хуже их коней, кричал. Я пытался его успокоить, чтобы его не ударили или, того хуже, — не убили.

— Маленький поршивец! — ругался его надзиратель, когда тот вонзил свои молочные зубы в его ухо. Когда его начали оттягивать толпой, я бросился к нему. На моих глазах на него надели кляп из куска кедрового дерева и ткани. Он всё-таки продолжал бороться даже после такого унижения, а я ничего не мог с этим сделать.

— Пустите! Он вам не какой-то раб! — я упорно продолжал ползти, пока не почувствовал удар по голове. Глаза начали слипаться. Хаятэ перестал кричать и обмяк в руках синоби. Убили? Вырубили? Этого я не знал.

Ржание коней, гул синоби и самураев Кумадзава стали потихоньку вторгаться в моё сознание. Чувствовать себя беспомощным и обмякшим, было отвратительно. Уже не знаю, что лучше: сэпку или быть пленником.

Длинные волосы, не спадающие с плеч, то и дело задевались лошадиной ногой. Я повис на лошади, как шёлковая нить. Руки и ноги связаны. Даже если бы решил бежать, ничего бы не вышло.

Рядом с конём Коцу, двигался вороной конь старейшины Тоёмицу. В отличие от хозяина, конь выглядел здоровым, бойким, а глаза — хитрыми.

Повернул голову. Позади, с тем жалким синоби, лежал Хаятэ. Он казался таким маленьким и беззащитным, что горечь подступила к горлу.

— Он жив? — я старался говорить громко, чтобы в общем гуле Коцу услышал. Синоби позади посмеялся и легонько шлёпнул по хрупкой спине брата.

— Конечно, жив!

— Эй! — оскалился я, синоби замолчал. Наверное, увидел мой оскал и решил отступить. Так я думал, пока не приметил простирающуюся вокруг равнину. Граница между Микавой и Синано.

Люди встали, кони тоже. Небо окрасилось малиновым рассветом. Предзнаменование. Должно быть, время вышло.

Перед армией Кумадзава, чуть поодаль, стояла армия Цурута. Высокопоставленные члены клана сидели на серых лошадях, мой отец — на белом. Не знаю, заметил ли он наше с братом отсутствие или присутствие здесь, но настроен он был решительно.

Когда армия остановилась, наш конь продолжил идти. Идти прямо навстречу Киемаса. Сошлись мы посредине.

— Что же, — заговорил Коцу, — выполнять условия Цурута не собираются?

— Мы не станем брать на себя чужую ответственность, — а это уже говорил мой отец. Кони снова начали шагать, кружась друг с другом в предсмертном танце. Теперь я отчётливо мог видеть отца, но стыд и вина мешали это делать.

— Мицуру? — отец взглянул на меня многозначительно вскинув бровь. — Кумадзава выкрали моего наследника? — Восходящее солнце перестало припекать. Обвинение повесело Коцу, это стало понятно по его еле слышному вздоху.

— Киемаса, твои сыновья сами пришли ко мне.

Лошадь отца замерла. Такая новость его ошарашила.

— Вот как... — для него была редкость не суметь подобрать слов. Оба сына сами пришли в лапы врага. Это сравнимо с предательством клана. Уверен, он так и решит, здесь не так много вариантов.

— Отдать должное, ты хорошо их воспитал, — теперь только Коцу кружил вокруг отца. Для армии Цурута давление было очевидно. — Какая самоотверженность. Желание спасти семью. Не будь мы теми, кем мы есть, могли бы стать друзьями.

— Тогда это были бы не мы, Коцу, — Киемаса вышел из ступора, пока его сын глупо свисал поперёк коня. — Как журавлям не дано жить в лесу, так и медведям не дано править равниной. Так чего ты хочешь? Каковы твои условия?

— Мы выполним то, о чем мы говорили. Казнь твоего наследника.

Я заметно напрягся, чувствуя страх, липкий, по всему телу. Отец ответил не сразу.

— Ты вернёшь мне второго.

— Нет.

— Война не нужна никому.

— Знаю, но порой иного выхода нет. В обмен на второго наследника мне нужны ресурсы твоих земель. Ты знаешь, это справедливая сделка, учитывая твоё положение.

Скрипя зубами, поглядывая на меня, Киемаса вздохнул. Видимо, выбор давался не так легко. Вассалы, старейшины не одобряют, что бы он ни сказал. В любом случае будут недовольства. Клан Цурута больше потеряет, и приняв условия Кумадзава, и ступив на тропу войны.

— Согласен. — От принятого решения я на мгновение закрыл глаза, подумав о том, как хорошо, что Хаятэ вернётся домой. Невольно улыбнувшись, представил, как Аои радостно мчится навстречу встрече Хаятэ. Её волосы растрёпаны, она бы не позаботилась о причёске, если бы услышала весть о возвращении брата. Хаятэ бы обнял её так крепко, накормил бы горстью лесных орехов.

Погрузившись в сладостные грёзы, я не заметил, как к нам начал приближаться Тоёмицу и пара синоби. Хаятэ пока не отпускали, но было заметно, как он начал приходить в себя.

Чем ближе подходил конвой, тем больше я волновался. Как бы странно ни звучало, умирать для меня в новинку. И боюсь я не этого. Боюсь, что Хаятэ это увидит. Если это произойдет, он будет винить себя.

Меня стащили с коня и опустили на землю. Отец молчал, но напряжение, и сожаление были очевидны. Позади я слышал, как Хаятэ начинает устраивать беспорядок, его конвоиры возмущались, держа его крепче.

— Позвольте мне совершить ритуал, — подняв голову, я надеялся получить позволение. Умирать бесчестно, как преступник, было хуже всего. Да, речь шла о казни, но, как бы сложно ни было, я в глубине души молил об этом. О благородной смерти.

Главы кланов переглянулись. Тоёмицу удивлённо открыл рот и тут же беззвучно закрыл. Коцу задумался и кивнул.

— Господин, разве он достоин такой чести? — Тоёмицу, нахмурившись, дёрнул поводья, и лошадь сделала пару шагов к Коцу.

— Вы будете оспаривать мои решения?

— Вы слишком мягки. Цурута вытирают о нас ноги, нападают на наших людей, — старейшина провел рукой по раненому животу, напоминая о том, с чего всё началось. У Коцу же заиграли желваки. Такое неповиновение при врагах непροстительно.

— Принести вакидзаси, — велел Коцу, всячески игнорируя старейшину, что лишь больше его разозлило. Тоёмицу, стиснув зубы, шлёпнул лошадь, собираясь уходить.

— Вы показываете слабость, Коцу, — сказав напоследок слова, вызвавшие ещё больший холод вокруг самураев, он ушёл к армии.

После такого я не был уверен, позволят ли мне совершить сеппуку, но в голове уже неосознанно начал сочинять дзисэй*. Мне оставалось лишь вывести свои чувства и мысли на бумагу.

— Принести тушь, кисть, бумагу и вакидзаси, — приказал Коцу, спрыгивая с коня, за ним последовал и Киемаса. Они не обмолвились и парой слов ни друг с другом, ни со мной. Мне и сказать было нечего. Всё было предрешено с самого начала. С того самого дня, когда я перешёл границу. Когда сошёлся с медведем в схватке. Медведь решил мою судьбу задолго до этого дня.

Скоро мне разрезали верёвки на руках и подали тушь и кисть. Обхватив наконечник кисти, вспомнил, как щёлкал Дикарку точно таким же наконечником, как она называла меня тавакэ и смеялась надо мной, когда я капризничал в лесу. Улыбнувшись своим мыслям, я принялся писать. Боль в ноге, угроза войны — на мгновение всё это перестало существовать. Лишь малиновый рассвет, запах трав и туши.

Руки на удивление не дрожали. Чёрной тушью выводил символ за символом, пока на бумаге не оставил лишь пару строк:

«Белые голуби бога Хатимана благоволят и медведям, и журавлям. Под малиновым небом все равны, но не каждому дано взлететь, оставив лишь след на лугу».

Закончив с дзисэй, я сглотнул и снова поднял голову. У меня здесь не было ни друга, ни соратника и уж тем более человека одного со мной статуса, кто мог бы стать кайсякунином*. Кайсякунином должен был стать тем, кто отсечёт мне голову, когда моё тело начнёт содрогаться в агонии. Правда, такого человека мне не положено из-за обвинения в покушении. Что же. Ладно.

Ещё один кусок бумаги я обмотал вокруг клинка, чтобы он не скользил от крови. Этому меня учил отец, когда я был младше.

Сделав последний глубокий вдох, направил острие вакидзаси прямо в живот. Всё как учили. Горизонтальный разрез, если хватит сил, то повернуть меч вертикально.

Не успел я завершить обряд, как на моё плечо упала тяжёлая рука Коцу. Он сжал плечо, молча приказывая подождать.

Через толпу бежал мальчишка лет шестнадцати. Он спотыкался, перекатывался на спину, пытался пробежать мимо синоби Кумадзава. Хаори было изорвано, лицо покрыто грязью.

— Господин! — вопил паренёк, отбиваясь от рук мужчин, которые пытались его остановить, схватив за шиворот. Мои уши напряглись. Нет. Мне показалось.

Сорванец ударил в живот одного мужчину, затем пытался бежать дальше. Его схватили за хаори, но он вынырнул и прибавил темп.

Коцу, слегка нахмурившись и не понимая, что происходит, положил руку на рукоять нагинаты. Он не доверял моему отцу и, скорее всего, решил, что это какая-то ловушка или отвлекающий маневр.

— Что за спектакль! — Тоёмицу двинулся на лошади за мальчишкой и схватил его за растрёпанные волосы, которые небрежно спадали на глаза. На мгновение старейшина замер, глядя на молодого доносчика. — Господин, продолжайте, я выясню, что происходит!

Коцу кивнул, и тогда я занёс меч.

13 Каэдэ

Скоро находиться в повозке стало невыносимо. Душно, темно, да ещё и в компании Исикавы. Последнее — самое неприятное. Каждый шорох с его стороны заставлял меня вжиматься в стену повозки и готовиться к схватке.

Торговец, погоняя лошадь, напевал какую-то песенку о солнышке, о лесных тропах. Тогда, под шум повозки и голос мужичка, я попыталась заговорить с Исикавой.

— Как давно вы узнали о фальшивоцурутчиках? — шептала я.

— Когда привез тебя в Юокаку, — сухо отвечал синоби, будто я успела ему изрядно поднадоеть. Хотя это у нас взаимно.

— Почему вы вообще меня... — тут же прикрыла рот. Старик прекратил напевать и начал сморкаться. Сердце билось быстрее обычного; думала, он и это услышит, но, к счастью, он продолжил петь и ругать лошадь.

— Господин обязан тебе жизнью, а я обязан его семье. Прекрати болтать. Иначе мы вообще не доедем до Коцу.

Неохотно прикусив губу, я слегка выглянула из рогожи в маленькую щель, откуда умудрялся проникать свежий воздух.

Городская суэта оставалась позади. Чувство, поселившееся в моей груди, описать невозможно. Вина вперемешку с волнением, страхом и радостью. Вина перед Мицуру, перед госпожой О-Рин; волнение от мысли о возвращении домой; страх перед Тоёмицу и отцом; и радость, что, возможно, всё закончится. Очень хочется в это верить. Что эта война, мысли о казни хоть и изнеженного, но всё-таки невиновного Мицуру, останутся позади.

От переизбытка чувств глаза защипало от слёз. Мне не хотелось плакать, даже не знаю, что на меня нашло, но Исикава, заметив, не стал за это попрекать. Он уставился на меня, заставляя напрячься. Вытирая рукавами слёзы, я оскалилась:

— Я не плачу. Нечего так смотреть на меня.

— Ты копия О-Рин в молодости, — тихо улыбнулся он, начиная, должно быть, вспоминать их былую молодость. Хотя госпоже я едва могла дать и тридцать лет.

Мне вдруг польстило такое сравнение, но затем ударило по горлу.

— Была бы хоть чуточку как она, ничего бы не случилось.

— Не говори ерунды. — Перестав истекать слезами и вскинув бровь, я взглянула на Тоёмицу. Уверена, он просто не всё знает. — Заговор не мог родиться за ночь. Тоёмицу явно давно всё спланировал.

Это заставило меня задуматься. Верно: наладить производство оружия, подготовить доспехи, похожие на доспехи клана Цурута, найти людей. Действительно, он планировал это до той ночи в святилище. Но зачем всё это?

— Хотел спровоцировать войну, — опередил мой вопрос Исикава. — А ты сама подала ему замечательный повод.

— Я не хотела... — в горле пересохло. Фальшивоцурутчики были планом «А», провокацией столкновения. Но когда в лесу появился Мицуру с вакидзаси, он стал этим планом. Неоспоримое доказательство вины — настоящее оружие Мицуру. Наверняка люди Тоёмицу видели нас и доложили старейшине. Тогда фальшивоцурутчики стали запасным вариантом.

— Если искра с Мицуру истлеет, война остановится после его казни...

— То фальшивки станут новой лучинкой в этом огне.

— Не понимаю... зачем ему это? Мне казалось, он не был заиклен на власти... Да и едва ли он её получит после всего этого, — глубоко вздохнув, мы оба замолчали.

Постепенно повозка сбавила темп. Цоканье копыт и вовсе прекратилось. Мы остановились.

Выглянув в щель, увидела ручей. Спуск был опасен для лошади, а значит, старику понадобится ведро. Вот же. И правда, торговец, спрыгнув на землю, потопал к задней части повозки.

— Вот старая, вечно ты пить хочешь. Ладно, ладно, — пыхтя, он сунул руку под рогожу, пытаясь нащупать ведро.

Исикава приложил палец к губам, показывая мне, чтобы я не шумела. Закрыв руками рот, я пару раз кивнула.

— Где это чёртово ведро!

И когда этот мужчина начал, ругаясь, одергивать полог, Исикава показал ему тот же жест, что и мне. Меня слегка передёрнуло, когда я увидела, как во второй руке синоби появился небольшой нож.

Старик сделал едва заметный шаг назад, глаза бегали из стороны в сторону. Синоби же начал медленно, словно боясь напугать, вылезать из повозки. Торговец показался таким маленьким под давлением этого Исикавы. Мне стало страшно, что Исикава и этого мужичка прирежет как свидетеля. Знаю, он может.

— Старик, ты молча сядешь в повозку, и мы тронемся.

— Не убивайте... — молил он с перепугу, игнорируя слова и чувствуя угрозу. — Пожалуйста, у меня жена, внуки маленькие! Не убивайте! Сына на войну забрали, я один кормлю семью!

— Закрой рот и садись в повозку, и тогда я тебя не убью, — твёрдо велел синоби.

Торговец пару раз кивнул и заковылял обратно. Его ноги подкашивались, а руки тряслись. Лицо бледное, будто он свалится сейчас наземь.

— Вот сразу бы так, — спрятав нож, синоби запрыгнул в повозку и на этот раз не стал накрываться рогожей. Я же боялась на него даже смотреть, слишком он меня пугал. Его аура и взгляд были угрожающими, не говоря уже о поступках и голосе.

Когда мы снова тронулись, в душе поселилось беспокойство. Пыталась следить и за старым торговцем, и за старым синоби. Такая компания для совместных приключений, что никто не позавидует. Торговец постоянно косился на нас и вздрагивал при малейшем шорохе. Исикава был спокоен; когда он насторожен, сложно сказать, может, и насторожен.

Через несколько часов мы увидели пост синоби Кумадзавы. Должно быть, из-за военного положения они распределились по определенным позициям. Дорога, ведущая в рудники, — одна из них. За этим постом нужно на развилке повернуть направо, чтобы добраться до границы. Если повернем налево, то попадём к подножию гор.

— Скажешь хоть слово, и я тебя прирежу, — пригрозил Исикава, припрятывая оружие. Он хоть и силен, но против толпы едва ли справится. Да и уверена, желания сейчас сражаться у него нет. А из меня помощница навряд ли выйдет хорошая. Наверное, всё-таки зря училась обращаться с кусаригамой, раз на убийство и драки не способна.

При мысли о драке нервно сглотнула. По лбу скатилась капелька пота. Рука потянулась к кусаригаме, но Исикава, заметив, помотал головой. Но я не собиралась бросаться напролом и, размахивая оружием, убивать своих людей. Нет. Это как якорь, что удержит меня в шторм.

— Стой! Пр... пр! — извозчик остановил лошадь у поста. Я сидела, краем глаза наблюдая, но не поднимая головы. Не хотела привлекать внимание.

— Так-так-так, — мужчины в доспехах подошли ближе. — Куда, старик, направляешься? Тот, что постарше, посмотрел на нас, затем в пустую повозку.

— Так в рудники. Война войной, а торговля идёт.

— Да, да, да, — усмехнувшись, младший погладил морду лошади. Та, надеясь на вкусности, облизнув его, фыркнула. — Вредная какая... А это кто?

— Это? — тут торговец и призадумался. Затем взволнованно провел рукой по шее. Не то ему не понравилось. Слишком долго он думал, слишком подозрительно выглядит.

Ему не пришлось ничего говорить. Постовые переглянулись и быстро обнажили нагинаты. Торговец, спотыкаясь, спрыгнул с повозки и бросился на колени, всхлипывая и шмыгая носом.

— Напали они на меня! Спасите!

Видимо, схватки избежать не удастся. Мои брови с перепугу взлетели к волосам, Исикава кивнул мне, словно давая сигнал. Какой сигнал? Мне? Да он издевается?!

Тут же синоби подскочил, но, вместо того чтобы обнажить нож, он поднял руки вверх. Я же последовала его примеру и тоже выпрямилась, подняв руки к небу.

— Мальчишка тоже на тебя напал? — младший, не спуская с нас глаз, похлопал старика по плечу и одной рукой отодвинул его за спину. Защищал этого доносчика. И мальчишка? Должно быть, я чумазая действительно похожа на беспризорника.

— Слушай, а это ли не Цурутовский синоби? Я виделся с ним как-то... Вот он похож вроде... — старший пригляделся к лицу Исикавы и стиснул зубы. Нас раскрыли. Вот что значит быть известной личностью среди воинов. Угораздило же.

По тому, как рука Исикавы скользнула к клинку, стало ясно: он их убьёт. Этого мне очень не хотелось.

— Это мой отец! — повторяя за извозчиком, я вылезла из повозки.

— Малец, стой, где стоишь! — велел парень, направив на меня нагинату.

— Не убивайте, пожалуйста! — сама от себя не ожидала, что рухну на колени и буду молить о пощаде. Сложив руки у груди, жалобно уставилась на них.

— Его отец угрожал мне убийством! — продолжал уверять бедный торговец. Надеюсь, он нас простит.

— Как наша мать умерла, так он совсем с ума сошел... Порой совсем звереет... — всхлипнув для пущей убедительности, указала на шею, где красовался порез от нашей первой встречи. Исикава был ошеломлён не меньше моего. Видимо, желание не убивать своих же соратников творит чудеса и порой заставляет делать страшные вещи. В моем случае — лгать.

Я молилась богу Хатиману, чтобы всё обошлось, и мы могли продолжить путь. Время сейчас играет против нас. Сейчас всё играет против.

— И зачем вы сунулись в повозку?

— Мы... — глазами пробежала по дороге, по растущим вдоль неё травам. Мозг совсем перестал работать. — Мы... мы ищем лекарство, что поможет от слабоумия отца! — выпалила я, стукнув лбом о землю, словно желая спрятаться от всего этого. Уверена, Исикава в ярости, и, хоть я не вижу его лица, затылком чувствую его свирепый взгляд. От этого представления стало тошно.

Постовые снова переглянулись и сунули оружие в ножны. Они явно испытали жалость, глядя на чумазого «мальчишку» с сумасшедшим старым отцом. Не станут они поднимать клинки на несчастных бродяг вроде нас. Наверное.

— Пусть они уходят, а я поеду дальше! — требовал старик, прячась за широкой спиной постового, но уже с большей уверенностью выпирая грудь.

— Ладно, езжай. А вы уж так идите... — старший махнул рукой, освобождая дорогу. Я, радостно вскинув руки, широко улыбнулась. Всё-таки не перевелись у меня в Микаве благородные люди!

— Спасибо большое! — повторив слова благодарности около трёх раз, поднялась на ноги и, не поднимая головы, вернулась к Исикаве. Он, изображая сумасшедшего или находясь в своем обычном состоянии, ловко выпрыгнул из повозки. Торговец вмиг запрыгнул обратно и, шлепнув старую лошадь, умчался вдаль, оставляя лишь пыль.

— Очень умно, — единственное, что сказал Исикава, раздраженно проходя мимо сторожей. Те внимательно следили, наверное, старший не оставлял попыток опознать Исикаву. Значит, надо прибавить темп, пока они не передумали.

— Идти не меньше трёх часов... Даже больше... — вздохнув и приложив руку ко лбу, посмотрела вдаль. Развилка далековато, если идти пешком, а торгош уже поспешил удалиться.

— Повезет, если найдём ещё какую-нибудь повозку.

Свой путь мы продолжили пешком. Я так нервничала, что казалось, иногда ноги за мной не поспевают. Щебетание птиц, стрекотание жуков ничуть не утешало. Лишь подстёгивало волнение, словно отсчёт, предвестник ужаса.

— У нас есть вода? — Исикава шел позади меня на расстоянии около десяти шагов. Мне казалось, если он решит меня убить, то я успею с такого расстояния сообразить об этом, а идти позади не получалось. Старый синоби был не так расторопен.

— Нет.

Ни воды, ни еды. В лесу всё это, конечно, есть, но это время. Сладости из дома госпожи О-Рин давно помахали мне рукой, и на их место пришло опустошение.

От мыслей о войне меня отвлекали голод и жажда, но это было то, о чем я тоже думать не хотела. Поэтому попыталась в очередной раз завести разговор с попутчиком.

— Как давно вы служите Цурута?

— Лет двадцать, — отвечал Исикава и снова молчал. Тишина становилась угнетающей.

— Вы с О-Рин старые друзья?

— Можно и так сказать. — Вот это меня заинтриговало, отчего я развернулась к нему лицом, идя спиной вперёд. Исикава принялся копошиться в поясе, пока не достал пару рисовых шариков, завёрнутых в бамбуковую кожицу. — Держи.

Синоби бросил один из них мне, и я с голода набросилась на этот шарик, в очередной раз забыв о воспитании. Только скоро и о съеденном шарике пришлось забыть.

Ведомая желанием поест и поскорее добраться до границы, я придумала план. Свернуть в лес: сократив путь, выиграем пару минут на поиск съестного. Исикава, обдумав моё предложение, кивнул. В следующее мгновение мы оба нырнули в лес. Здесь было светло из-за смешанного леса, кедры встречались всё реже. Если идти под углом, то выйдем к равнине, там уже и должны найти лагерь отца.

Дорога по лесу была куда веселее. Попутно я остановилась у небольшой поляны с дзэри*. Резкий запах этого дикого лука противоречит правилам лазутчиков, слишком уж примечателен. Только вот от кого здесь прятаться?

В отличие от Мицуру, Исикава легко доверился мне в выборе трав. Скорее потому, что и сам в них разбирается.

Жуя листья, повела синоби за собой. Нужно торопиться. Солнце сядет, и в темноте различать дорогу будет затруднительно. Заплутать в лесу, той, кто здесь родился, значит, что лес не принял меня домой.

Следующую короткую остановку мы сделали у ручья, чтобы утолить жажду. Склонившись над прохладной водой, стала набирать полные ладошки. Сначала умылась, затем попила.

— Потом ещё раз измажь лицо. Пока доберешься до Коцу, тебя кто-нибудь узнает...

Дальше ему продолжать было не обязательно. Я и сама это понимала. Если меня узнает кто-то из предателей, то может и прирезать в переполохе. Нахмурившись, снова нанесла грязь на лицо. Только хотела разогнуться и двинуться дальше, как услышала слабый медвежий рев.

Я насторожилась, Исикава тоже.

Из кустов бежал медвежонок и, играючи, плюхнулся в воду, разбрасывая прохладные брызги во все стороны. Затем медленно, со всем величием, показалась огромная, бурая медведица. Её блестящие, темные, как ночной лес, глаза уставились на нас. Сглотнув, я замерла.

— Не шевелитесь... — прошептала я Исикаве.

Детёныш выскочил из воды и стал резвиться возле нас, пока не встал напротив и не начал скулить на Исикаву. Тогда медведица издала рык, сначала тихий, но когда детёныш начал

лаять, она взревела. Медведи считали синоби угрозой. Исикава тут же потянулся к клинку, и медведица бросилась на него. Мужчина ловко увернулся, а я отскочила в сторону.

Сердце бешено стучало от испуга.

— Беги к отцу, — велел он. Медведица встала на задние лапы, а детёныш спрятался за её спиной. Животное было огромным. Выжить в схватке с ним и остаться невредимым невозможно! Не с простым клинком!

Трясущейся рукой швырнула кусаригаму в его сторону. Он, кувыркнувшись, схватил свободной рукой оружие, а нож бросил мне.

— Убирайся отсюда!

Сжав в руке нож, я сама сделала несколько шагов назад. Я с ужасом наблюдала за схваткой природы и человека, пока не развернулась и не помчалась прочь.

Ветки хлестали по лицу, а рев хищника становился всё тише, но всё также будоражил кровь. Хаори я зацепила за сухое дерево, дернулась так, что услышала, как рвется ткань. Лоскут одежды повис на дереве, а я продолжала побег, как трусливый заяц.

Солнце село за горизонт, и лес погрузился в полную темноту. Ноги горели от бега ничуть не меньше лёгких. Сколько я бежала? Как долго идти до границы? Ответить на эти вопросы я не могла. В темноте все деревья, пни и тропы были одинаковыми.

Устало упав на колени, я стала ловить воздух ртом.

Исикава пожертвовал собой ради справедливости, которую я должна восстановить. Мне нельзя останавливаться и тратить время на размышления. Нужно как можно скорее выбраться из леса. Выбраться до рассвета.

Служанка Ацуко как-то мне сказала, что Кумадзава никогда не теряются в лесах. Они всегда находят выход. Это часть нашей природы. Мы — дети гор и лесов, это наш дом, который сам направит куда нужно.

Но чем дальше пробиралась по лесу, тем больше понимала: этот дом больше меня не направляет. Он закрыл для меня свои двери.

На улице становилось прохладно, тело пронзило дрожью. Укутавшись сильнее в хаори и обхватив себя руками, я продолжила путь.

Ноги сами вели меня, лишь изредка я замирала, прислушиваясь к шорохам и завываниям. Никто не напал, поэтому шла дальше, пока не добралась до толстого дерева. Встряхнув руками и обхватив его всем телом, полезла по стволу вверх. Ветви скрипели и прогибались под тяжестью веса.

Чем выше взбиралась, тем больше открывался вид на лес. Там, за горизонтом, едва заметно начинало восходить солнце — тонкая рассеянная полоска света. Неужели я блуждала всю ночь? От осознания перехватило дыхание. Но кроме солнца я увидела вдалеке крохотные светящиеся точки. Лампы. Факелы. Что угодно. И их было много, армия.

Чуть нахмурившись, я постаралась запомнить путь. Виден он был отвратительно, но направление задано — дальше проще.

Спустилась на землю я быстрее, чем взбиралась. Усталость покинула тело, и я снова помчалась к свету. Среди деревьев увидеть его было невозможно, лапы кедров закрывали горизонт, надеялась, что не сверну в сторону.

Пробиралась сквозь заросли я долго, но, когда слышались голоса, я ликовала от радости. Наконец-то добралась до армии, а где армия, там и отец.

За рослыми мужчинами в доспехах Кумадзава сумела разглядеть равнину. Я дышала прямо в спину синоби и самураев. Теперь предстояло пробраться через толпу, от шагов которой содрогалась земля, а птицы испуганно взмывали в небо.

Плетясь за мужчинами, стала искать, как бы протиснуться. Казалось, что предо мной не люди, а ходячие скалы, от которых пахло не мхом, а потом и не горными водами, а кровью.

Сделав глубокий вдох и выдох, я втянула живот и начала внедрение в ряды синоби Кумадзава. Словно тканевый мячик, меня толкали в разные стороны.

— Что? Что за мальчишка путается под ногами?

Пару раз я чуть не упала, но меня обходили, и мне приходилось начинать всё заново. Снова втягивать живот, толкаться из стороны в сторону, вклиниваясь в строй.

Синоби раздраженно пытались убрать меня с пути и оставить позади.

— Неужели собрался с пустыми руками в бой идти? — смеялся один из воинов.

— Сразу видно — наш человек! — подхватил второй. — Но против Цурута без меча — что моти без муки. Бесполезно.

Оглядевшись, заметила нескольких бедняков и бродяг, видимо, и они выступали против «тирании» Цурута, либо отчаянно пытались умереть.

— Да что этот меч? Господин Коцу не объявит наступление.

Тут я перестала пробиваться через выверенный строй и чуть насторожилась.

— Так это так... показать, что даймё не шутит. А у Киемаса нет других вариантов. Оба сына-то уже у нас в руках.

Вытаращив глаза, слегка дернулась от внезапно нахлынувшего холода. Так значит, армия — лишь поддержка, и отец идёт на торги, а не на войну. Раз у Кумадзава оба сына, должно быть, Мицуру сейчас где-то здесь, и ведут его для публичной казни. Младший сын станет гарантом и заложником. Тогда война действительно может не случиться, если, конечно, Киемаса проглотит такое оскорбление и свою гордость.

В любом случае жизнь Мицуру находится под угрозой. К тому же готовится провокация, и даже если Киемаса будет согласен на условия отца, саботаж может всё изменить. А я даже не знаю, пойманы ли фальшивоцурутчики у ручья или ещё нет? Если да, то войне быть, а нет?

От этих политических интриг голова совсем перестаёт соображать. Во рту появился неприятный горький вкус.

Армия остановилась, и гул прекратился. Впереди слышалось лишь ржание лошадей. Теперь прорваться вперёд было легче. Высунувшись из-за широких плеч, заметила, как напротив нас стоит армия Цурута. Их знамёна с гербом развевались на ветру.

Где-то посредине встретились даймё, и почти сразу к ним двинулись синоби Кумадзава с телом на коне. Прищурившись, разобрала очертания Мицуру. Бедный, словно тряпичная кукла, подпрыгивает на кочках. Конечно, нежности и толику уважения ожидать было глупо. Пойдите, а как он вообще оказался в руках Коцу?

Думать уже о причинах смысла не было, и от размышлений оторвала грубая хватка.

— Малец, вернись в строй. Твое место позади, — буркнул один из самураев, положив руку на рукоять нагинаты. Он же грубо одернул меня в сторону, и я повалилась на землю.

— Они позволили сделать сэппуку? — спросил другой.

— Похоже на то! — громко ответили с первых рядов.

Подняться на ноги у меня не вышло, воины не уступали и, будто вообще не замечали, как я барахталась у их ног.

Прорывав, поползла по земле, пару раз на меня наступали, но я держалась, пытаюсь не заскулить, как бродячая собака.

Когда я уже увидела просвет, меня подняли за шкуру. Снова собирались оттеснить назад и сказать: «Так не положено». Я начала брыкаться и кричать.

— Господин! — мне показалось, что Коцу услышал. Хотелось верить.

Несколько рук дёргали меня, но я не сдавалась. Ударил куда пришлось, даже не особо смотрела.

Переместилась по кочкам и рванула вперёд. Была схвачена за хаори, но вынырнула из него и продолжила.

Ноги словно рвались вперёд, быстрее, чем я могла их переставлять, отчего спотыкалась и снова падала. Армии перестали существовать, остались лишь даймё и Мицуру, что занёс вакидзаси, желая вонзить его в живот.

Между мной и моей целью осталось метров двадцать. У меня появилась надежда, что я успею. Армия осталась позади, ничто и никто не сможет меня остановить.

Я успею.

Всё исправлю.

Нет. Не успею. Ноги оторвались от земли, голову пронзила боль, и я потянулась вслед за рукой, которая сжимала волосы. Подняв глаза, я забыла, как дышать. Ноги затряслись, сердце сжалось от страха.

Тоёмицу. Его свирепый взгляд — точно такой, какой врезался мне в память. В его глазах сверкнула злоба. Он узнал меня и сильнее потянул меня вверх.

— Каэдэ... — от его голоса мне стало плохо и холодно. Воздуха не хватало, а голова вжалась в плечи. Открыв рот, поняла, что даже пискнуть не могу.

— Господин, продолжайте, я выясню, что происходит! — объявил поганец-старейшина старейшина и, не спрыгивая с лошади, поволок меня за собой. — Вот неугомонная. Ничего. Я с тобой разберусь.

Не зная, что делать, и не вообще не в силах что-либо мыслить, я достала нож Исикавы. И в следующее мгновение, стиснув зубы, рукоятью ударила по его ране. Он завопил и свободной рукой прижал её к животу. Сквозь одежду выступила кровь. Этот негодяй всё-таки не выздоровел до конца.

Как одержимая, я ударила ещё раз и ещё. Только после этого он отдёргнул руку от моих волос и со всего размаха хлопнул по щеке.

Голова дёрнулась от удара, а ноги подкосились. Щека горела. Я успела пожалеть, что не вонзила в его бок лезвие.

Со стороны войск было слышно, как некоторые собираются идти на помощь старейшине. Он же корчился от боли и шипел, будто змея. Ядовитая и смертоносная.

Время замедлилось. Погоня синоби на лошадях, Мицуру занёс меч, Тоёмицу истекает кровью. Даже журавль в небе замер.

Пульс отдавался в ушах, ноги и руки стали ватными.

Сколько осталось бежать? Метров пять? Десять? А синоби? Они отрубят мне голову раньше, чем свиток окажется перед глазами Коцу, или нет?

На бегу достав из-под под одежды свиток, швырнула его прямо под ноги отца. Как раз в этот момент меня повалили на траву, заломив руки и прижав затылок. Носом я зарылась в покрытую росой землю.

— Пустите меня! — бурча себе под нос, пыталась вырваться или хотя бы что-нибудь сделать. Что делали отец, Мицуру или Тоёмицу, я не видела.

Синоби затихли, когда послышалось шуршание бумаги. Затем — протяжный вздох и голос.

— Поднимите его.

Грубо подняв за шкуру, меня поставили на колени перед моим отцом. Он не кричал, но явно сдерживал свое недовольство. В руках был развёрнутый свиток. У меня перехватило дыхание: он его прочёл.

— Что всё это значит? — Коцу нахмурился и из рук Мицуру забрал вакидзаси. Тот испуганно пересекся со мной взглядом. Его глаза расширились от узнавания, но не только у него. Коцу тоже меня узнал. — Каэдэ?

Коцу взял меня за подбородок и осмотрел лицо, убеждаясь в принадлежности к клану.

Среди синоби пронёсся шепот. Конечно, появление дочери главы клана на поле брани — это за гранью.

Посмотреть в лицо отцу я не смогла. С трудом сглотнув и пытаюсь совладать с дрожью, думала, что сказать. До этого часто представляла себе это. Может, как я оправдываюсь? Плачу и прошу пощады? Или тычу пальцем в Тоёмицу, и война чудесным образом завершается.

Но... Стоя на коленях, не могу сказать ни слова, в горле встал ком. Почему даже сейчас я трушу?

— Этот мальчишка! Он напал на меня и хотел напасть на вас! — прискакал Тоёмицу. Его боль сковала тело, так что разогнуться самостоятельно он не смог. Его появление в очередной раз заставило меня сжаться, и теперь я поняла: его слова против моих. Молчание ничего не стоит.

— Обвинения Цурута в покушении ложные... — неуверенно начала я, но, почувствовав стальные взгляды, решительно заявила: — Я это сделала.

— Хочешь сказать, что ты, моя дочь, пыталась убить старейшину? — Коцу снова вздохнул. Поверить в это он не мог. Конечно.

— Господин, ваша дочь покрывает Цурута, — заговорил старик, скрипя зубами.

— А это что означает? — Коцу, кипя от злости, потряс свитком. — Это прямое доказательство провокации.

— Позвольте объясниться... — не думая, я опустила голову, кланяясь не только своему отцу, но и клану Цурута. — Это доказательства заговора Тоёмицу против кланов.

— Какой вздор! — возмутился Тоёмицу, нарушая тишину и прорезая напряжение между даймё. — Это клевета! Ваша дочь таскалась к мальчишке Цурута. Они в сговоре. Поэтому она говорит бредни! Мелкая куртизанка.

Коцу внимательно изучил содержимое свитка. Почерк старейшины был хорошо знаком ему с давних пор. Часто читал его письма, касающиеся политики клана.

— Как же тогда меч Цурута оказался в святилище?

— Хаятэ... — Мицуру тоже упал в низкий поклон. — Мой младший брат баловался и потерялся в лесу. Я отправился на поиски и обронил меч.

Киёмаса и Коцу переглянулись, словно думая, что делать в этой запутанной истории. Всё действительно было сложно и требовало разбирательства.

— Отправьте отряд к реке на границе Микава и приведите всех, кого сможете, — старик слегка напрягся, хоть и держал маску невинной жертвы. Несколько синоби оседлали своих коней и помчались прочь. А Коцу взглянул на Тоёмицу. — Если обвинения в ваш адрес подтвердятся... — слова повисли как угроза, но Тоёмицу оставался непреклонным. Даже сейчас казался уверенным в своей правде, чем злил меня.

— Господин, я бесконечно предан Кумадзава и никогда бы не стал вам лгать.

— Коцу, — Киёмаса ступил ближе и кивнул в сторону армии Кумадзава. Там Хаятэ всюду сопротивлялся. Он был там, а я его не заметила. — Пока ведём разбирательства, накорми моего сына.

Тоёмицу не сдержал усмешки, чем вызвал осуждающий взгляд со стороны Мицуру и меня. Такая простая просьба, как накормить ребёнка, не должна была звучать на поле боя, но тем не менее отец махнул рукой. Хаятэ спустили с лошади и, сняв кляп, сунули в рот что-то отдалённо похожее на рисовый шарик. Мальчишка плевался и толкался, тогда один из синоби зажал ему нос, и Хаятэ ничего не оставалось, кроме как открыть рот. Мне было плохо видно, но я уверена, что всё лицо наследника испачкано рисом.

Пока сэппуку Мицуру было приостановлено, но давление между воюющими сторонами ниже не стало, даже наоборот. Все ждали. Пара людей стояли рядом с Тоёмицу, всё так же почтённо кивая и даже обрабатывая открывшуюся рану. Никто не верил в его вину, и поэтому все были расслаблены. Коцу с Киёмаса стояли молча друг напротив друга. Уверена, если провокация подтвердится, то Киёмаса захочет придушить не только Тоёмицу, но и ещё кого-нибудь. В целом, как и мой отец. Они оба заметно сжимали рукояти мечей так, что белели костяшки.

Между армиями разбили небольшой лагерь. Сигнал о том, что сначала будут переговоры. Это меня радовало и вселяло надежду. Но то, что сыновей Киемаса не отпустили, а всё ещё держали подле себя, говорило об обратном. Торг продолжится, как только люди отца вернутся с задания.

Я стояла рядом с лжецом, чувствуя тошноту, но старалась её игнорировать, глядя на Мицуру. Казалось, видела, как трясутся его руки, как болит его нога, как по бледной коже стекает холодный пот. Я хотела бы извиниться перед ним, но пока возможности не представлялось. Встав рядом с наследником Цурута, я лишь укреплю подозрения и лживые обвинения в нашей связи.

Некоторое время Киемаса говорил с Мицуру, но выглядел отрешённо. Когда наши с Мицуру взгляды пересеклись, я заметила, как он, сглотнув, отвёл от меня глаза. Мне стало стыдно, и, сжав кулаки, я старалась смотреть куда угодно, но только не на него.